

7 СМЕНА

апрель '88

Комсомол Магнитки. К 70-летию ВЛКСМ
Новый рассказ Фазиля Искандера
Чемпионы с протянутой рукой. Очерк
Николай Леонов. Повесть «Еще не вечер»

ISSN 0131-8656

Может ли горком ВЛКСМ активно решать социальные проблемы молодежи?

Сама жизнь подсказала нам город, наблюдая за которым мы сумеем проследить на страницах журнала роль горкома в ходе перестройки. Это — Магнитогорск.

В сентябре прошлого года Секретариат ЦК ВЛКСМ и коллеги Минчермета, Минуралсибстроя и Минмонтажспецстроя СССР приняли совместное постановление об участии комсомольских организаций Магнитогорска в реконструкции и техническом перевооружении предприятий черной металлургии и решении социальных проблем молодежи.

Прошло полгода. Удалось ли уже что-то сделать? Какие молодежные проблемы намечаются решать в первую очередь?

Об этом наш специальный корреспондент Петр НОВИКОВ беседует с недавно избранным первым секретарем Магнитогорского горкома комсомола Александром АНИКИНЫМ. (Фото сверху)

РАЗЪЕД

— 35 тысяч человек ждут сейчас в вашем городе новые квартиры. Треть из них — молодежь. Тем не менее за последние две пятилетки лишь пятая часть общего объема капитальных вложений пошла на строительство жилья и объектов соцкультбыта. Обеспеченность города учреждениями культуры в 1,3 раза ниже нормы. Две трети молодых призывников не имеют возможности заниматься техническими и военно-прикладными видами спорта. Неладно в городе и со здоровьем ребятшек — болеют они в полтора раза чаще, чем в среднем по области. Вас не пугает создавшаяся ситуация, Александр? Ведь вы — один из руководителей города...

— Ничего нового вы мне не сообщили. А ситуация не пугает. Не имею права пугаться.

— Принцип работы, который Вы исповедуете? Ведь, наверное, он станет стилем деятельности городского комитета комсомола...

— Привык работать так: проблема — тигр. Если ты ее не убьешь, она тебя съест.

Стаж работы на производстве у меня всего пятнадцать месяцев. Но пока учился в Магнитогорском горно-металлургическом институте, успел поработать дорожным рабочим, упаковщиком, термистом, сторожем... Никогда не стеснялся учиться работе, жизни... Вот на упаковке меня учил вчерашний пэтэушник. Он был моложе — ну и что? Дело он свое знал, учить умел, и это — главное...

— Вы, я вижу, хорошо знаете проблемы города, искренне стремитесь их решить. И что же? Какова ваша программа?

— В городе сейчас осуществляется комплексная программа «Квартира». Только в прошлом году сдано в эксплуатацию 170 тысяч квадратных метров жилья. Конечно, не мы сами все это строили... Вклад молодежи в жилищное строительство пока не так велик, как хотелось бы... С помощью горкома был построен лишь один дом по типу МЖК для рабочих металлургического комбината на сто семей. В этом году начнется строительство еще одного такого же дома для металлургов и уже растет проект на сто квартир для рабочих калийного завода. В будущем году они тоже получат еще один такой дом.

Есть возможность ускорить решение жилищного вопроса и для тех, для кого эта проблема стоит особенно остро. Многие молодые рабочие после смены участвуют в сооружении общежитий малосемейного типа. С их помощью трест «Магнитострой» уже сдал общежитие в прошлом году и в этом обещает сдать еще один такой корпус.

— Капля камень точит, это понятно. Но не кажется ли вам, что «камушек» слишком велик, не устанут ли люди ждать? Ведь при таких темпах строи-

тельства жилья им явно не получить отдельной квартиры к 2000 году, как запланировано. Или вы полагаете, что в этом вопросе уже нет места для комсомольских инициатив?

— Вы не хуже меня знаете, что до недавнего времени соцкультбыт был в заgone не только у нас в городе. Это проблема общесоюзная. И я, честно говоря, не знаю, как бы несколько лет назад обошлись с нашей инициативой о создании крупного молодежного жилищного комплекса на шесть с половиной тысяч жителей. Теперь же ЦК ВЛКСМ поддержал нас, будем строить.

— В какие сроки, по вашему мнению, можно решить проблему с жильем?

— Строительство МЖК трест «Магнитострой» начнет в 1989 году. До 1990 года Минчермет и Минуралсибстрой выделяют на проектирование 180 тысяч рублей. Горком же активно ищет сейчас возможность закончить проектирование и разработку нормативных документов комплекса в нынешнем году. Каким образом? Проектные институты в городе есть. За нами — поиск энтузиастов, которые согласились бы ускорить эту работу.

— Хочу задать вопрос о здоровье детей. Шлейф дыма от комбината, как утверждают специалисты, тянется в атмосфере на сто пятьдесят километров...

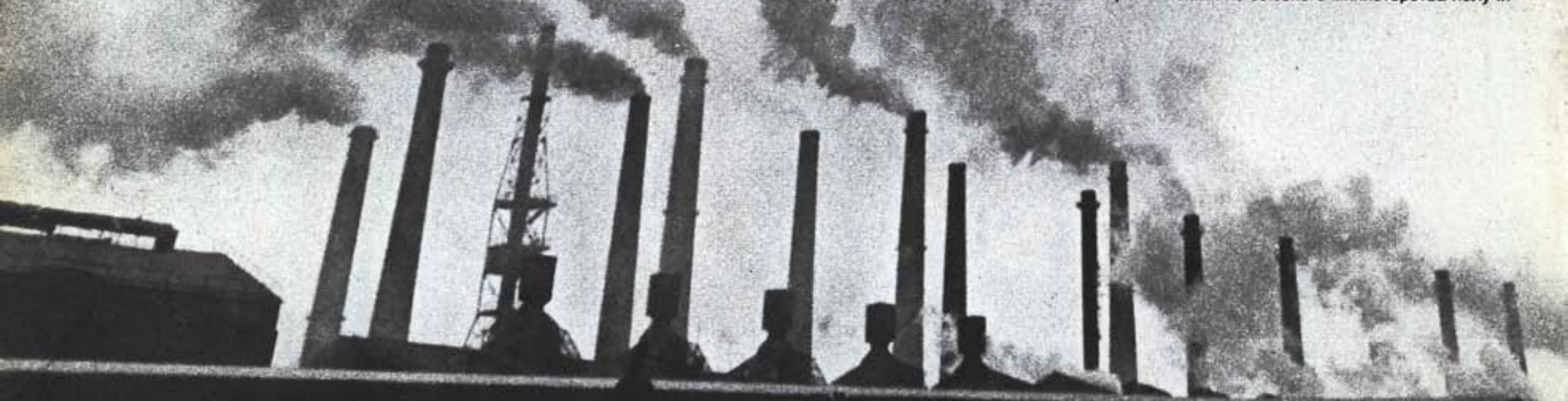
— Экологическая обстановка в городе действительно оставляет желать лучшего. Эта проблема сегодня одинаково волнует и рядовых жителей города, и его руководителей, и администрацию предприятий черной металлургии.

А так как я родился и вырос в Магнитогорске, считаю, что несу двойную ответственность: и как горожанин, и как секретарь горкома комсомола...

Давайте трезво взглянем на вещи. Основная технология, по которой работают сейчас предприятия черной металлургии, родилась еще в 30-е годы. А что такое металл Магнитки для страны, говорить много не надо. Остановить производство? Накладно. Да и не решить этим экологической проблемы. Вопросы охраны природы специально обсуждались на сессии городского Совета народных депутатов. Ну, а наша задача — максимально содействовать внедрению новой технологии, что называется, «на ходу».

Уже есть помещение, счет в банке и назначен директор хозяйственного Центра научно-технического творчества молодежи под эгидой горкома комсомола. Центр уже сейчас готов оплатить исследования, связанные с реконструкцией, стоимостью 160 тысяч рублей.

Кроме того, работники отдела научного и технического творчества молодежи ЦК ВЛКСМ, Совета молодых ученых и специалистов ЦК комсомола, управления охраны труда и техники безопасности Минчермета вместе с медиками из союзного министерства получи-

ли задание в течение нынешнего года досконально изучить экологическую обстановку в городе.

Затем в Магнитогорске состоится научно-практическая конференция. Предложения, выработанные на ней, также станут рабочим планом и хозрасчетного Центра и горкома комсомола в целом.

— Это серьезная заявка на самостоятельность. Однако когда редакция газеты «Магнитогорский рабочий» организовала прямую телефонную линию с руководителями горкома партии и горисполкома, им было задано в течение двух часов несколько сотен вопросов. А к представителям горкома комсомола во время следующей «прямой линии» вопросов у молодежи набралось едва ли три десятка.

— Понимаю вас. Согласен: нам пока что не очень доверяют. Ну, что ж, сами виноваты во многом. А самое главное в том, что по сию пору комсомол не имел хозяйственной самостоятельности. Можем ли мы считаться серьезными людьми, если не умеем зарабатывать? Ясно, нет. Поэтому мы решились на первый эксперимент — перевели клуб самостоятельной песни на хозрасчет. Выручка от концертов идет на нужды самого клуба и на помощь другим самостоятельным объединениям...

— Как вы вообще определяете свою политику в отношении свободного времени молодых? Ведь решить эту проблему не удастся пока даже в масштабах страны...

— Мы спросили себя вначале: свободное время — свободное от чего? Если от дела, которым занимался восемь часов подряд — понятно, перемена деятельности необходима. Но ни в каком случае свободное время не может быть свободным от напряжения мысли.

Вот упала у нас преступность среди несовершеннолетних — по городу на тринадцать процентов. Почему? Ответ кроется в «неформальном отношении к неформалам», простите мне такой каламбур. С нарушителями порядка комсомольцы оперативного отряда не митингуют. Однако их задачи, а также задачи работников райкомов, молодых депутатов горком понимает скорее как исследовательские, воспитательные, нежели хитательные или менторские. В Орджоникидзевском районе, например, мы организовали активно действующую операцию «Лестница». Молодые депутаты и члены райкомов ходят вечерами по подвалам, подъездам, лестницам, чердакам, расспрашивают ребят, которых встретят, какие интересы их объединяют, по каким причинам выбрано для свиданий именно это место...

Параллельно горком поручил молодым депутатам выяснить — каждому в своем избирательном округе, — как используются подвалы и полуподвалы, первые этажи зданий. Цель — передать

пустующие помещения самостоятельным клубам. Польза от этого, мне кажется, очевидна.

И опыт есть: вот уже второй год благодаря поддержке горкома комсомола существует рок-клуб. А рокеры прекрасно себя чувствуют в своем клубе «Триал».

— Вы именно в клубах видите действенное лекарство от безделья мысли?

— Да. Городу нужна система клубов. Не Домов культуры с кружками, а именно клубов — собраний людей с общими интересами. Создание такой системы поможет нам если не снять, то существенно облегчить решение острых вопросов, касающихся проблемы свободного времени. Собственно, основа такой системы уже существует. В Магнитогорске действует 124 самостоятельных объединения.

— Но один хозрасчетный КСП даже вкуче с хозрасчетным Центром научно-технического творчества молодежи вряд ли сможет материально поддерживать все объединения...

— Да. Но деньги, надеюсь, будут, и скоро. Есть вариант — наладить в школьных мастерских и в мастерских ПТУ производство несложных, но нужных горожанам вещей: подфарников, уплотнителей, прокладок, лопат, инструментов для слесарей-сантехников. 65-я школа уже дает такую продукцию. А к лету непременно восстановим деятельность ремонтно-строительных бригад «Орленок». Они работали долго и успешно, пока нам не приказали их расформировать из-за отсутствия документов, регламентирующих труд 15—16-летних. Деньги от вырученных изделий и выполненных работ пойдут в наш комсомольский бюджет.

В один из самых популярных клубов — «Голубые молнии», которым руководят бывшие воины-интернационалисты, очередь в восемьдесят парней! Принять всех желающих «афганцы» не могут, тесно, нет снаряжения. Да и знаменитый наш летний лагерь для «трудных» — «Азимут» — тоже требует немедленной финансовой поддержки. На учете в городе 1500 трудных подростков, а лагерь может принять за три смены лишь триста ребят.

Надо помочь и Театру моды, который организован в 17-м ПТУ. Девочки — будущие швей-мотористки, портнихи — шьют такие вещи, что наш магазин «Молодежная мода» ахнул и, что называется, с руками оторвал. Театр и магазин заключили договор на изготовление и продажу остромодных изделий...

Не хочу сейчас давать никаких торжественных обещаний. Мы говорили с вами о наших проблемах. Вот методы их решения, которые предлагает горком комсомола. Вот примерные сроки. Давайте через полгода или год встретимся снова и посмотрим, как наши слова обратились в дело...

Непростые решения приходится принимать инициативной группе городского МЖК.

ЮНЕСКО —
Организация
Объединенных Наций по
вопросам образования,
науки и культуры —
приняла специальную
резолюцию
о праздновании во всем
мире 100-летнего
юбилея великого
советского педагога
и писателя Антона
Семеновича Макаренко.

Лев ЧУБАРОВ,
член Совета
Московского музея
А. С. Макаренко

НА УРОВНЕ

Макаренко отнюдь не случайно оказался в ряду выдающихся просветителей мира. Его «Педагогическая поэма» и другие книги переведены на сотни языков, к трудам Антона Семеновича постоянно обращаются педагоги из самых разных стран. Это был удивительный человек, редкой душевной щедрости педагог и писатель. Наверное, не все знают, что Макаренко был также и философом, и психологом, и экономистом. Он прекрасно рисовал и играл на скрипке, обладал актерским дарованием... Это воистину педагог-универсал, которых так не хватает современной школе. Кто-то может возразить, дескать, сейчас нужны высокопрофессиональные предметники. Согласен, нужны. Но — личности, но — учителя, обладающие широким кругозором, влюбленные в свою профессию.

В чем же и сегодня для нас состоят главные уроки Макаренки? Что продолжает волновать в его творческом наследии? Что отечественным педагогам еще предстоит осмыслить заново и взять на вооружение в созданной более полувека назад системе Антона Семеновича?

Разве не поразителен такой факт: не в нашей стране, а в ФРГ существует нечто вроде «мирового центра» Макаренки. За рубежом есть несколько школ, где обучение целиком строится на системе нашего великого педагога. И не случайно у зарубежной молодежи все более растет интерес к нашим социально-педагогическим экспериментам 20-х годов, о которых мы, соотечественники Антона Семеновича, знаем, только по его книгам. А это ведь был не только блестящий ученый и писатель, но и инициатор великого социального эксперимента, который еще до войны быстро свернули и предали заб-

ДУШИ

вению. Макаренко потерял колонию, отказавшись внести «поправки» в собственную систему, как того требовал Наркомпрос Украины. (Не в этом ли и одна из причин его преждевременной смерти?)

Чем же все-таки нам может сегодня помочь опыт Антона Семеновича и его колонии? Макаренко делал все, чтобы его воспитанники получили навыки демократизма и самоуправления, а педагоги — право на эксперимент. А ведь это именно то, к чему сегодня, спустя полвека, пытается вернуться наша школа на новом этапе своего развития. Не потому ли многие заветы выдающегося педагога сейчас звучат так своевременно и актуально?

«Как можно больше требования к человеку и вместе с тем как можно больше уважения к нему» — таков известный принцип Макаренки и всей советской педагогики, ибо, по словам Антона Семеновича, свою педагогику он не выдумал, а брал ее из жизни нашего общества. Чем больше мы уважаем чело-

века, тем больше мы от него и требуем. И так в каждом его совете, иногда кажущемся, на первый взгляд, и спорным. Например, таком: наказывать надо не худших, а лучших.

Впервые укравший новичок в коммуны не наказывался вообще: пообвыкнет, поймет — нельзя! А когда кража произошла во время дежурства лучшего командира Воленко, он был вынужден уйти из коммуны: позор, не обеспечил порядка. И вернули его лишь тогда, когда полгода спустя вора поймали за руку.

А вспомним макаренковский принцип «меры». «Главный принцип, на котором настаиваю — воспитание активности и вместе с тем нравственных тормозов», — учит Макаренко. Вот она, диалектика: сочетание активности и тормозов у каждой личности. И касается это не только ребенка. Возьмите любой характер, любое проявление чувств, любое действие взрослого человека и оцените его применительно к этому принципу.

Мера, или «середина», писал Макаренко, хотя и не любил сам термин «середина», должна быть во всем. В любви? Обязательно! Ребенок чрезмерно любимый, заласканный испортится как цветок, привыкший к ожерейным условиям. В похвале? А как же: сколько захваленных мы знаем. В игре? Тем более — дети должны играть, — «неиграющий детский коллектив не будет настоящим коллективом», — но если играть без правил и меры, вырастают избалованные дети, не привыкшие трудиться. Антон Семенович однажды заметил: из тех, кто умел с детства играть самостоятельно, выходили самостоятельные и инициативные, умелые и работающие люди. Из детей, коим всегда требовалась мама-папа: пойдя поиграй со мной! — получались пассивные и эгоистичные.

Чувство меры и гармония во всем. В любви и доброте, в требовательности и в игре. А в труде? Попробуйте перенести жизнь человека трудом или одиознообразить его, что, кстати, нередко происходит при организации труда современных подростков — то прополка моркови, то уборка хлопка. Как тут не вспомнить слова Макаренки: «Труд сам по себе в воспитательном отношении процесс нейтральный». Только труд, идущий рядом с политическим воспитанием, образованием, рядом с книгой и разнообразным досугом, с ясной целью и хорошо организованный, только такой труд по созданию материальных ценностей, то есть производительный, дает положительный воспитательный результат.

Действительно, что хорошего может воспитать в подростке однообразная уборка помещения или ежедневная работа на прополке? Еще в Долинской школе, где Макаренко с 1912 года занимался с детьми железнодорожников, да и в колонии он тоже начинал с труда самообслуживающего, но привыкший в отличие от теперешних педагогов думать, работая (нынче подчас работают, не думая), он тогда уже понял: самообслуживающий труд из-за монотонности и ничтожных мотивационных значений малопродуктивен в воспитательном отношении.

В колонии имени А. М. Горького (1920—1928 гг.) Макаренко от этой «первой стадии» самообслуживания быстро перешел ко второй — сельхозтруду. Потом были организованы кустарные мастерские — корзиночная, колясная, кузнечная, столярная...

Но тут работа начала давать сбои. Почему? Макаренко проанализировал ситуацию и пришел к выводу: «Я вдруг понял, в чем дело: ну, конечно, как я мог так долго думать! Все дело в остановке. Не может быть допущена остановка в жизни коллектива. Да, мы почти два года стоим на месте: те же поля, те же цветники, та же столярная и тот же ежегодный круг... Я обрадовался по-детски: какая прелесть! Какая чудесная, захватывающая диалектика. Свободный рабочий коллектив не может стоять на месте. Формы бытия свободного человеческого коллектива — движение вперед, форма смерти — остановка».

Так возникает план создания своего завода, который и был построен в рекордно малый срок. Начинается выпуск электросверлилок ФД-1 (Феликс Дзержинский, модель первая), освободивший страну от дорогостоящего валютного импорта. И уж тут-то, кажется, довольны все — и коммунары, и воспитатели, и инженеры-наставники, и правление коммуны, и промышленность... Все, кроме... самого Антона Семеновича. Он понял, что «закисли девчата», которых тогда в коммунаром коллективе было около трети. Им не под силу тяжелый труд на станках. И,

опережая на многие годы достижения японской экономики, Макаренко впервые в столь широком масштабе организуя труд, где нужны женские руки и женский глаз: создает оптическое производство.

Когда внимательно перечитываешь не только книги и письма Макаренко, но и воспоминания его воспитанников, то удивляешься, насколько важные экономические вопросы, волнующие нас сегодня — хозрасчет, бригадный подряд, самоокупаемость, рентабельность производства, были практически реализованы в 30-е годы на двух заводах. Так и хочется вслед за режиссером О. Ефремовым призвать: «Назад!», он, правда, призвал назад, к Станиславскому, мы — назад, к Макаренко.

В этом тоже феномен Макаренко-педагога. Не замечают его разве только люди, вовсе далекие от педагогики, да еще противники Антона Макаренко. Те, кого он критиковал в довоенные годы. И те, кто сегодня так и норовит в резолюции ЮНЕСКО термин «великий» заменить «выдающимся», затем помянуть «выдающегося» на «замечательного». И те, кто, упорно выстраивая педагогов по рангу, так и норовит противопоставить Крупскую Макаренко, а Макаренко Сухомлинскому. А ведь они стоят в одном ряду, ибо по сути своей — единомышленники.

Беда современной педагогики даже не в противопоставлении «новаторов» — консерваторам, а в том, что нынешнее поколение педагогов-практиков не знает Макаренко, не читает Макаренко и потому не применяет его систему сегодня. Так не пора ли всем нам всерьез перечитать Антона Семеновича Макаренко?

Нужно переиздать «Книгу для родителей», «Марш 30 года» и «Методику организации воспитательного процесса». Ведь именно эти книги — конспект той методики коммунистического воспитания, о которой мечтал и которую не успел создать Антон Семенович.

К нам, в Московский музей А. С. Макаренко, существующий пятый год, приходят люди разных возрастов и профессий, но более всего — молодежи. Приятно и радостно видеть, что последователей Макаренко среди них становится все больше и больше.

Четверть века существуют лицецкая «Радуга» под руководством известного «пионерского педагога» С. А. Шмакова и челябинский «Луч». Огромный опыт нескольких поколений у педотрядовцев Владивостока и Петрозаводска, Перми и Вологодчины. Сводный МКПО «Мыслитель» объединяет в своих рядах комсомольцев — педагогов, студентов, инженеров, офицеров, школьников Москвы, Лицецка, Саранска, Челябинска, Якутии, Дагестана, Ельца, Калуги...

Идеи Макаренко сегодня обретают новую жизнь. Прямое тому подтверждение — призывы некоторых молодых энтузиастов «строить коммуны». В редакцию приходят сообщения: большая группа горожан едет строить «свой поселок», молодые педагоги из промышленных центров отправляются в сибирскую глубинку и на Дальний Восток... Цель у них одна — жить коммуной. Думаю, что в будущем эти процессы наберут размах, хотя, судя по читательской почте, они сталкиваются с большими трудностями и непониманием... Впрочем, сам Антон Семенович никогда не боялся трудностей — тому примером вся его недолгая, но яркая жизнь.

Так что давайте перечитаем Макаренко заново. Может быть, у него мы найдем ответы на волнующие нас вопросы: как жить и работать «на уровне души»? Как бороться за юные души?

Во втором номере журнала «Смена» в статье «Унижение по плану» поднят вопрос большой человеческой важности — обеспечение инвалидов средствами передвижения.

Слов нет, обеспечить производство нескольких десятков тысяч колясок не такая уж большая проблема и дело здесь не «в его величестве плане» или «всесилии плана». Госплан СССР просто не планировал раньше, тем более сейчас, выпуск кресел-колясок для инвалидов. Производство таких кресел-колясок осуществляется заводом-изготовителем непосредственно по заявкам республиканских органов социального обеспечения. Конечно, никто не мешает продавать кресла-коляски для инвалидов и непосредственно через магазины «Медтехника» или магазины Минторга СССР там же, где продают велосипеды, автомобильные принадлежности и т. д. Надо бы просто, как это и положено при новом хозяйственном механизме, заводу-изготовителю договориться с торговлей и организовать такую продажу. Все это было детально разъяснено руководителям Ставровского завода автотракторного оборудования Минавтопрома СССР.

Учитывая обращение редакции к председателю Госплана СССР, им были даны немедленные указания Госкомтуду СССР (т. Гладкому И. И.), Министерству торговли СССР (т. Тереху К. З.), Госкомцен СССР (т. Павлову В. М.) и Минавтопрому СССР (т. Пугину Н. А.) в кратчайший срок, буквально за несколько дней, договориться с заводом-изготовителем о заключении договоров на производство необходимого количества кресел-колясок для продажи их через вышеуказанные магазины.

Заместитель председателя
Госплана СССР Г. Б. СТРОГАНОВ

Хотелось бы с помощью журнала наладить дружескую переписку с книголюбями, познакомиться с хорошими людьми, относящимися к книгам не как к фетишу, но как к чуду. В последнее время, на мой взгляд, наматился какой-то прагматический подход к книге. С ужасом вижу, как сдвигаются духовные потребности к детективам, фантастике, приключенческой литературе. Ничего не имею против такой литературы, но как жаль, что она находит предпочтительное перед А. С. Пушкиным, А. П. Чеховым, Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым. Ведь наша классика — это кирпичики человечности, доброты, порядочности, которых в нас ох как не хватает. Наши же книжные магазины делают все возможное, чтобы из этих кирпичиков так и не сложился человек. Зачем же так унижать наших писателей, ведь мы тем самым и себя унижаем, обедняем, уничтожаем. Позор, когда видишь, как высоко ценится в книгообмене пресловутая «Анжелика», а А. П. Чехова, А. С. Пушкина даже в самую низкую категорию обмена не берут. Где же национальная гордость, где же понимание истинной духовности? Так невольно происходит смещение ценностей. Так мы сами себя разрушаем ложными заблуждениями.

Хочется найти настоящих ценителей книги, чье понимание не ограничивается чтением только детективов.

В. НЕДЕЛЬСКИЙ,
председатель общества книголюбых,
Ленинград

На мой взгляд, у нас опять очередной перегиб! Раньше были простые кафе, блинные, чайные... Теперь же все это — под маркой кооперативов, которые, говорят, для пользы простого советского человека. А зайдешь в кооператив — в нем три-четыре здоровенных детины торгуют соками, коктейлями, а цены... в пять — десять раз выше государственных! Разве так можно?

И потом я никак не пойму: за что, за какие такие усилия кооператоры получают 350—400 рублей в месяц? Такие заработки объяснимы, когда люди выращивают скотину, занимаются уборкой хлеба — словом, что-то производят... Думаю, с кооперативами мы зашли уж слишком далеко.

А. ЕВГЕНЬЕВ,
инженер, Свердловск

Моя история не совсем обычная. Не подумайте, что горе-отец хочет улизнуть от своих обязанностей. Нет. Хочу, чтобы было все по справедливости.

Сейчас часто пишут, что уж очень много прав дано женщинам. Нам же, мужчинам, никто не верит, во внимание наши чувства не берут.

В 1976 году умерла моя жена. У меня на руках остались двое детей: дочь 4 лет и сын 11 лет. Тяжело было. Помочь некому. По работе часто бывал в командировках, дети оставались одни. Детям нужна была мать, в доме — хозяйка. Женился. Жена на шестнадцать лет моложе меня. Своих детей не имела, думал, мои ей чужими не будут. Через год родился наш совместный сынишка. Жили неплохо. Кажется, все у нас было. Шли годы. Мне уже 45 стукнуло, а жена-то молодая. Мне стало казаться, что жена мне изменяет. Начались ссоры. Жена забрала сынишку и уехала к своим родителям.

Через десять месяцев после того, как жена ушла от меня, родила дочь. Подала в суд на алименты, утверждая, что это мой ребенок. Я от ребенка отказался. Но через год, взяв анализы (которые, на мой взгляд, ничего не доказывают), суд устанавливает мое отцовство и присуждает мне алименты: 25 процентов на сына и 18 — на дочку да еще 500 рублей жене, так как она год сидела с ребенком. Я смирился с этим. Сколько можно по судам ходить? Думал, 18 процентов буду платить, пока погашу задолженность, а потом 33 — на двоих детей, как все люди. Но не тут-то было, оказывается, я должен платить 25 плюс 18 процентов все время. А на что жить? К этому времени из армии вернулся сын, служил в Афганистане. Подросла дочь. Нужно обустроить, одеть. Сын поступил на подготовительные курсы в университет. Кроме меня, ему некому помочь. 50 процентов с меня удерживали, на остальное жили. Но вот будто бы задолженность выплатил. Теперь остается мне платить 43 процента. Как жить мне с двумя взрослыми детьми на оставшуюся часть зарплаты? А бывшая жена будет иметь свою зарплату плюс мои 43 процента. Значит, тем детям нужно, а этим нет?

Где же справедливость? Почему суд поверил ей, что это мой ребенок, а не мне?..

Виктор ПАПУША,
Кировоградская область

Последнее время часто пишут, какими должны быть современные девушки и современные парни. Мне 25 лет, я не

женат и хочу поделиться своими наблюдениями. Думаю, девушкам будет любопытно прочитать.

Мне кажется, что современные девушки лишены главного: способности любить.

Периодически за последние десять лет я знакомился с разными девушками и некоторые мне очень нравились, и даже однажды я действительно любил. Это странно, но никому не были нужны моя преданность, верность и прочее. Должно быть, почти ни одна девушка не думает о том, что мы тоже можем страдать, что нам тоже может быть очень больно. Как, например, истолковать то, что девушка, которая мне очень нравится и с которой вчера я так мило разговаривал, сегодня или отвернется при встрече, или не подаст руку при выходе из транспорта и при этом еще скажет: я пока еще и сама могу выйти! Понятно: я ей не нравлюсь, но ведь это не значит, что нужно быть грубой. Самое ужасное, что грубость в девушках часто сочетается с ангельской внешностью. На нас, парней, смотрят, как на существа, которые должны ухаживать, заботиться, любить, проявлять нежность, зарабатывать деньги, доставлять удовольствия, выполнять все их капризы и которых можно оскорбить в любое время, причинить душевную боль (да, да, именно душевную!). И в конце концов просто поменять на другого. Одним словом, что-то не видно по-настоящему добрых, сердечных девушек. А нам, между прочим, нужны не столько красивые и привлекательные, сколько добрые. Во всяком случае, если бы передо мной или перед моими приятелями стоял выбор: красивая или добрая, то мы бы выбрали добрую.

Так где же вы, добрые? Я начинаю терять надежду. Ведь именно вы нужны нам.

Сергей ПРОКОФЬЕВ,
Ленинград

Хочу через ваш журнал поблагодарить неизвестных мне, но очень порядочных, честных людей, изготовлявших холодильники «Ока-3» еще в 1964 году. Кто-то из них, наверное, уже на пенсии, а кто-то и работает. Долго мы с мужем откладывали деньги на эту покупку. Ведь холодильник так необходим! Это была самая дорогая вещь в квартире. Холодильник мы приобрели летом 1964 года. И по сей день он работает без единого ремонта. Это без малого четверть века! Думаю, гарантии работы холодильника «Ока-3» завода имени Орджоникидзе (город Муром Владимирской области) являются совестью, порядочностью его изготовителей. Низкий им поклон и большая благодарность!

Очень рада, что и в настоящее время холодильник «Ока-3» является самым надежным.

А вот моя дочь купила холодильник марки «Наст». Буквально через месяц после истечения гарантийного срока он вышел из строя. Пришлось менять мотор. На это дополнительно потребовалось 80 рублей да плюс нервотрепка с ремонтом. Где же элементарная порядочность таких «создателей»? Ведь большинство советских людей — это честные люди, живущие от зарплаты до зарплаты. И подобные «гарантийные» сюрпризы для них — настоящее бедствие. Такие горе-холодильники совсем уж лучше не выпускать.

И. С. ДУБРОВСКАЯ,
ветеран труда,
Пенза 3

Если Григория Халтурина, которого вы видите на наших фотографиях, спросить: председатель колхоза — это профессия, должность или призвание? — он убежденно и коротко ответит: это состояние души. Вдумаемся в эти слова, и тогда отчетливо ощутим: если человек именно душой, сердцем поверяет свое отношение к делу, к работе, значит, этот человек — личность, талант, творец. Прочитайте очерк о нем, и вы скажете: если бы таких людей в нашем сельском хозяйстве работало больше, то многое бы в нем шло проще, эффективнее, интереснее.

Фото Владимира ЧЕИШВИЛИ

Игорь МИНУТКО

В июле 1986 года на общем собрании колхоза «Родина» Волчихинского района Алтайского края был избран новый председатель, рекомендованный райкомом партии, — Григорий Александрович Халтурин. Самый молодой председатель в районе — было Халтуру тогда двадцать восемь лет. Самое дальнее хозяйство — шестьдесят километров от райцентра по ухабистой грунтовке.

...Председательский газик круто свернул, объезжая березовую рощицу, и на дороге, разрезавшей убранный поле с колючей стерней, мы увидели два замерших красных трактора, возле которых столпились люди.

Халтурин нахмурился.
— Так... Сейчас мужики возьмут за грудки. Бригада механизаторов у нас тут на подряде. Единственная в колхозе. Вот как вы считаете, можно женщину заставить родить полноценного ребенка раньше срока, скажем, через пять месяцев?..

Договорить Григорий Александрович не успел — едва мы вышли из машины, нас тут же обступили, и — началось... Шумели со всех сторон:

— Ты что же, председатель, делаешь? Как у нас в договоре записано? Поля дал, технику дал и не лезь! Суди по конечному результату!

— И плати по результату!
— Вы погодите, мужики, — пытался остановить наступление Халтурин, — вы ж поймите: не одна ваша бригада у нас. Колхоз...

— Это уже твоя забота — колхоз!
— Есть договор — соблюдай!
— Чего людей от нас забираешь на другие работы?

— И два трактора перевел...
— А с горючим? Как у нас в договоре записано?

— Да погодите, мужики, — вклинился Халтурин, но вновь его перебили.

— В общем, так: или, председатель, соблюдай условия договора, где твоя подпись стоит, или пошел он на хрен, ваш подряд!

— Ладно, все будет по договору. Обещаю, мужики... Завтра...

Газик двинулся дальше, и мы попытались выяснить у председателя, в чем же суть конфликта.

— Что объяснять! — взорвался Халтурин. — Не готово еще хозяйство к бригадному подряду! А объяснение — в наследстве...

Наследство молодому председателю

досталось действительно незавидное, но об этом речь чуть позже, а прежде — о самом Халтурине.

...Здесь, в Волчихе, он родился в крестьянской семье. Окончил десятилетку, и сомнений в выборе профессии не было: Алтайский сельхозинститут — в Барнауле, факультет механизации. После института вернулся Халтурин в совхоз имени XXIV партсъезда, где отец трудился и где бессменным директором — в течение тридцати двух лет — был Андрей Леонтьевич Шукшин

(родной дядя Василия Макаровича Шукшина). Он и утвердил Григория в первой должности — инженера по эксплуатации сельхозтехники. А дальше началось нечто странное: не прошло и месяца, директор предложил новую работу — механиком отделения. Еще через месяц перевел в заведующие кормоцехом.

— Андрей Леонтьевич, я не справляюсь с работой?

— Справляешься. Однако... Ты внимай, внимай в новое дело.

ИЗ ПРЕ

За год по настоянию Шукшина сменил Халтурин десять должностей.

Это теперь, задним числом, раскрылся ему смысл стратегии Шукшина: готовил себе старый директор преемника, хотел, чтобы Григорий досконально вник во все сложности многоотраслевого хозяйства. Нелегкий экзамен. Однако многое постиг молодой специалист за те год и два месяца, и как пригодился сейчас этот опыт!

...Председателем в колхоз «Родина» пришел Халтурин с должности первого секретаря райкома комсомола. И была эта должность партийным поручением. Работал честно, был хорошим секретарем, но полного удовлетворения не было.

Все больше убеждался: я — крестьянин, мое дело — земля. Посоветовался с друзьями, с женой. В райкоме партии поняли и поддержали. И вот...

Такова предыстория. А что касается наследства, оно типично для многих областей России — в таком же сложном, как и колхоз «Родина», состоянии

находятся сегодня очень многие хозяйства. Типичны и проблемы, которые предстоит решать молодому председателю.

Итак, уже было сказано: самый дальний колхоз района и бездорожье — бич хозяйства. Земли — 22 тысячи гектаров, из них пашни — 12 тысяч, 40 процентов этой площади занимают бесплодные солончаки. Несколько озер, богатых рыбой. На живописных берегах Убиённого — самого большого из озер — стоит главное село артели — Селевёрстово, 400 дворов. Хозяйство имеет: 1200 голов крупного рогатого скота, 2 тысячи гусей, 50 свиноматок, 15 тысяч овец.

В 1986 году падеж овец составил 3500 голов. Причина? В предыдущие годы сооружено пять кошар — строительство их санкционировано сверху — из железобетонных блоков общей стоимостью более полутора миллионов рублей. Позже выяснилось, что кошары эти противопоказаны для содержания овец; одна из них сейчас используется

как зернохранилище. В хозяйстве нет гаража («Вот бы средства, затраченные хотя б на одну кошару, под гараж...» — вздыхает Халтурин), нет крытого помещения под сельхозтехнику; машинно-тракторный парк устарел. Нет ни одного крытого тока для зерна. Уровень агрономии крайне низкий — в 1987 году урожай зерновых на круг составил 11,4 центнера с гектара (правда, по району и того ниже — 10 центнеров). В колхозе фактически отсутствует сфера культурно-бытового обслуживания: два магазина в ветхих зданиях — и все. Школа-десятилетка ютится в аварийном помещении. Нет водопровода...

Работающих в хозяйстве — 434 человека (из 1200 жителей трех сел). Средний возраст колхозника — 42 года. 100 человек — до тридцати лет. Членов партии — 70 человек, комсомольцев — 57. На сегодняшний день не хватает только на одноосменку 30 механизаторов и столько же животноводов. До конца пятилетки на пенсию уйдет 66 человек, и замены им нет.

Долг колхоза «Родина» государству — около 6 миллионов рублей.

...Тока под открытым небом с горами знаменитой кулундинской пшеницы курятся паром, пропитались влагой: последние дни непрерывно шли дожди, и уже по краям этих коричневых курганов яркой бархоткой прорастает зерно. Рваной тучей кружит над током воронье, несметные стаи жирных воробьев оглашают окрестности победным чириканьем. За заборчиком под открытым небом — сельхозтехника: комбайны, тракторы, грузовые машины — и старые, облезлые, раскуроченные, и новые, недавно полученные, еще сверкающие заводской краской. Недолго им сверкать... Тягостный налет бесхозности, отчужденности — «не наше!» — на всем: на общественных стройках, сляпанных абы как, на захламленных фермах, на этих нелепых железобетонных кошарах, холодных, продувных. И кругом в общественном секторе как символ безразличия к кол-

ДСЕДАТЕЛЬНОГО КОРПУСА

хозному труду — мусор, кучи уже закаменевшего мусора.

Таково наследство, полученное Григорием Александровичем Халтуриним. Не бросим в него ни одного камня. Полтора года — малый срок для резкого улучшения дел в запущенном хозяйстве.

Впрочем, еще не все о наследстве. В него необходимо включить и то, что мы называем человеческим фактором.

Рассуждая логично, можно бы предположить, что в отсталом хозяйстве с миллионными долгами государству скудно живут люди. Но... въезжаешь в село — и глаз радуется: добротные дома под железными крышами, за крепкими заборами сады, уютно топят баньки, красный «Москвич» прикнулся у ворот. Средний дом, как правило, на три-четыре комнаты; во многих домах газовые плиты, хотя во всех есть и печи, многие пекут хлеб (чрезвычайно вкусный, кстати); обязательно баня во дворе. Приусадебный участок — двадцать соток. Живность в таком усредненном дворе: две-три коровы, пять-шесть голов молодняка, пятнадцать — двадцать овец, один-два поросенка, до двадцати гусей, а уж кур и уток особо не считают, но пятьдесят штук обязательно. Через двор — легковая машина, а тяжелые мотоциклы типа «Урал» в каждом дворе. Селяне говорят: «Была бы «Нива» в свободной продаже, купил бы каждый двор».

И одна финансовая справка: на личных вкладах в сберкассах у жителей села — 2 миллиона рублей.

Вот такие обстоятельства... Село это самое богатое в Волчихинском районе, и в нем, можно сказать, классически отражена парадоксальная ситуация, очень точно сформулированная знаменитым председателем из Горьковской области Вагиным: «Есть бедные колхозы, но нет бедных колхозников».

В чем же дело? Несколько упрощая, схематизируя, вывод можно сделать такой: мы сегодня имеем плачевный результат многолетней порочной практики планирования сельхозпродукции сверху. Спускается колхозу план, как правило, завешенный; логика элементарна: авось, хоть на семьдесят процентов да выполнит. Но за низкий результат — низкая оплата; тут тоже своя «логика» — план не выполнили, ну и получите соответственно. И никому дела нет, что эти планы рождались в кабинетах, чаще всего без учета объективных возможностей, зато с непренной ссылкой на «государственные интересы».

И что же получалось? Для приусадебного хозяйства вводились льготы, прежде всего повышались закупочные цены на индивидуальную продукцию. И в то же самое время труд колхозника в артели девальвировался, терял — при хроническом невыполнении плановых заданий — реальный смысл. («Как мы можем предостеречь падеж овец, — с горечью говорит Халтурин, — когда пятнадцать тысяч планового поголовья для нас абсолютно непосильны: нет соответствующих выпасов, нет кормовой базы, нет необходимой рабочей силы. Десять тысяч овец — вот наши предельные возможности») И постепенно рождалась новая «психология»: колхоз — лишь необходимая ширма для личного хозяйства, по возможности надо брать из него и брать, бочка-то вроде бы бездонная... Отсюда — «расташиха», колхозное — значит, ничье.

Происшедшее в русской деревне за последнее время доказало... жизнестойкость русского крестьянина. Нет, несмотря ни на что, не отбили мы у него охоту работать на земле, не загубили окончательно любовь к тому труду, какой и есть основа жизни человеческой.

Да, сегодня русский крестьянин по-настоящему, до седьмого пота трудится в своем хозяйстве. И имеет результаты. И наоборот — часто не видит он полной отдачи от работы на колхозном

поле. Малорезультативная, порой бессмысленная работа. Гниющий, пропадающий в буртах с неимоверными усилиями убранный тобой хлеб — что может быть разрушительнее для нормальной человеческой психики? Можем ли мы представить русского крестьянина XIX века, равнодушно смотрящего на мор в овечьей отаре? На картофельные и гречишные поля, необработанные уходящие под снег? На коров, которые не могут подняться в стойле от бескормицы?

— Главное сейчас в работе с людьми — уничтожение этих ножиц: труд в колхозе и труд в своем хозяйстве, — убежден Халтурин. — В артели каждый человек за честную работу должен получать больше, чем от сбыта произведенного у себя на участке. Вообще необходимо создать экономический механизм, по которому срабатывает непренное правило: хорошо трудиться в колхозе — все хорошо в твоём личном хозяйстве. И наоборот. А для этого нужно первое, непренное условие: колхозник — хозяин на колхозной земле, как в собственной усадьбе. Он сам решает, что, где, сколько сеять, сколько иметь коров в стаде, какие корма закладывать...

— Но ведь сейчас и даны такие возможности: полная самостоятельность колхозам, плата по конечному результату, никакого давления сверху.

— Все это так, — невесело усмехается Халтурин. — Так да не так...

Да, решениями партии и правительства колхозам и совхозам предоставлена экономическая самостоятельность, осуждена практика волевого давления и мелочного контроля сверху. Хозрасчет, бригадный и семейный подряд, выход колхозов и совхозов на свободный рынок со сверхплановой продукцией, распределение доходов и прибыли самими хозяйствами без вмешательства свыше — все это отрядные приметы времени. Но... Практика убеждает нас, что перестройке во всех сферах общественного бытия противодействие оказывает бюрократия. И особенно на местах, «далеко от Москвы».

Вот хроника рабочего месяца председателя колхоза «Родина» Григория Халтурина. Вызовы из хозяйства: 30 марта 1987 года — бюро райкома партии (Халтурин — член бюро); 31 марта — взаимопроверка с колхозом имени Мичурина по животноводству (выезд в соседнее хозяйство); 3 апреля — совещания в РАПО и райкоме партии по субботнику; 4 апреля — совещание в райкоме партии, текущие дела района; 8 апреля — заседание в райисполкоме со штабом по строительству; 10 апреля — отчет в РАПО за первый квартал; 11 апреля — совещание в РАПО по школьной реформе; 15 апреля — бюро райкома партии; 22—23 апреля — выезд в Барнаул на актив.

В итоге, исключив бюро райкома партии, это, как говорится, дело святое, получаем: из двадцати четырех рабочих дней десять председатель заседал.

Но вызовы — одна сторона медали. Без конца едут из района — с проверками, комиссиями, контролем. Из РАПО (чаще всего), из райкома, из райисполкома, из прокуратуры (в основном по делу), из других организаций.

— Есть прок от вызовов и инспекций?

— Естественно, немало проблем и вопросов, которые мы сами не решим. На то и созданы районные конторы. А в целом... Нет большого толку от этих вызовов и приездов к нам! — Халтурин в сердцах стукнул кулаком по столу. — Ведь этот порой оскорбительный контроль в конечном счете означает недоверие, будущее по рукам. Добавьте к этому бумажный ураган. Что-то я не замечаю уменьшения потока инструкций, отчетов, постановлений, анкет. Буквально задыхаемся в писанине. Вот вам один статистический факт. Из 434 членов колхоза 63 — руководящий состав разных звеньев, другими словами,

администрация, не участвующая непосредственно в материальном производстве. Аппарат Волчихинского РАПО — около 40 человек. Распределим их по тринадцати колхозам и совхозам — получится по три человека. Итого: в колхозе «Родина» шестерых-семерых непосредственно занятых в производстве контролирует один администратор. Увидите вы такое у венгров или чехов? Поэтому на правлении хозяйства решили: будем сокращать административный аппарат, доведя его до жесткого минимума. Это в нашей компетенции и в наших силах. Но на этом колхозная власть и воля кончатся.

— Григорий, ваше мнение о районном звене агропрома — РАПО?

— Мое мнение? Я могу говорить о том, что есть теперь у нас. Потому что сама идея РАПО прогрессивна. Но, очевидно, только тогда, когда подобная организация создается в районном звене, с учетом местных потребностей. Как это и было в Грузии и Эстонии... Наверное, нужно было обязательно идти снизу, учитывая местные особенности и возможности. А сейчас получилось так, что в Волчихинском районе, по моему убеждению, РАПО, каким оно функционирует сегодня, дублирует сельскохозяйственный отдел райкома партии.

Решать все должен Совет РАПО, а сотрудники районного агропрома — заниматься распространением передового опыта, внедрением новых технологий, должны выдавать научно обоснованные идеи и предложения. У нас же они на семьдесят процентов заняты сбором информации. А собраны в районном агропромышленном объединении хорошие, дельные специалисты, многие с богатой практикой работы в колхозах и совхозах. И — неизбежно! — то, чем они сейчас заняты, превращает их в чиновников. И важно, чтобы зарплата в РАПО зависела от конечного результата на наших полях и фермах...

Тщетно надеяться, что отлаженная за десятилетия бюрократическая машина будет активно работать на обновление и ломку закостенелых структур (хотя люди этой системы быстро «перестроились» и поднатерели в новой терминологии — для докладов, выступлений, инструкций, наставлений подчиненных). Коли контора есть, она будет «писать...» И путь тут один: жесткое сокращение бюрократического аппарата на всех этажах, сверху донизу и конкретно — в случае с колхозом «Родина» — в районном звене. Безусловно, болезненный, трудный процесс. Но другого не дано. Не встанем на этот путь — новая политика в сельском хозяйстве захлебнется; в частности, окажутся побежденными в неравном поединке такие люди, как Халтурин, и постепенно — на радость тем, кто тайне страстно жаждет провала перестройки, — все вернется на круги своя. И в таком случае останется неосуществленной экономическая программа, намеченная Халтуриним.

По договору с колхозом — заслуга председателя — Алтайский сельхозинститут разрабатывает для артели «Родина» схему нормативного планирования. С учетом возможностей земли (пахоты, выпасов, почв), с учетом людских резервов и их движения в ближайшие годы. И это будет реальный план, предложенный труженикам колхоза по верхней шкале, а значит, напряженный. Но реальный. В этом залог успеха. Люди будут знать, что это им под силу, значит, и оплата труда — при выполнении плана — максимальная, а что сверх плана — артельное и потому тоже твоё. Это и есть возвращение крестьянина-хозяина на колхозную землю. И надо понимать — только начинается нелегкий, длительный процесс: гораздо проще разрушить в душе крестьянина чувство хозяина, чем восстановить его.

Будет у колхоза реальный план — постепенно появится возможность все

отрасли хозяйства перевести на подряд. И это заветная цель Халтурина: начинаем рабочий год, вот конкретный план и наши обязательства. Спросите со всего хозяйства по конечному результату. И не мешайте!..

— Подожди, Григорий, а как же быть с той бригадой механизаторов, которая уже на подраде?

— Мы сейчас можем создать подрядной бригаде условия только за счет хозяйства в целом. Я вынужден маневрировать. Да, забрал у них два трактора и перебросил на другой участок. Я прав? По договору с бригадой — не прав. С позиции тех мужиков, которые на меня накинлись в поле, не прав. А если исходить из интересов всего колхоза? Наше хозяйство не готово к переводу всех бригад на подряд. Мы делаем это только под давлением РАПО и райкома партии. Вопрос о подряде должен решать сам колхоз, исходя из конкретных условий и возможностей. По нашему глубокому убеждению, для колхоза «Родина» наилучшая перспектива — подряд для всей артели. Но до его принятия надо дорасти, все заложить на твердой экономической основе. Что мы и делаем. Вернее, пытаемся делать.

Халтурин работает так, что увлекает своим примером других. Появляются единомышленники. Но в руководстве хозяйством сегодня немало людей, которые были руководителями при бывшем председателе, когда развалился колхоз, вольготно себя чувствовали любители строить свое благополучие за счет артельной бедности. Более того: бывший председатель работает сейчас главным инженером, и пост этот вручен ему под прямым давлением РАПО. Какой стратегический и моральный просчет! Мы почувствовали это и на собрании правления колхоза, и, главное, в беседах с людьми — на токах, фермах, в столовой на полевом стане. Суть очень точно выразил один пожилой механизатор: «Поначалу поверили новому — старается, деловой, к людям повернутый. Отвыкли от такого. Однако что же получается? Опять вокруг него те, кто развалил хозяйство, для кого оно было — собственный карман. А бывший председатель — смехота! — в главных инженерах... Знаем мы его, как облупленного. Обращают они нового, будет в их стае. А не обратят — сожрут. И уедет, не задержится».

Я верю: не обратят! Не тот человек Халтурин. В колхоз «Родина» он приехал надолго. На собрании колхозники решили: в только что построенном двухквартирном доме дать новому председателю квартиру (до этого было у Халтуриних временное жилье). Семья уже обзавелась хозяйством: корова, два поросенка, куры, утки. Жена Григория, Маргарита, работает в колхозе.

Хочется повториться: скрытый конфликт между новым председателем и людьми, которые раньше руководили артелью, но остаются в правлении, создает хотя и локальную, но взрывоопасную ситуацию. Понять бы это и в РАПО, и в райкоме партии. Благо, первый секретарь Николай Яковлевич Моисеев, недавно избранный, — ему поднимать сельское хозяйство района — тоже человек нового времени.

...Ранним утром начинается рабочий день председателя колхоза «Родина»: часы показывают начало шестого, за окнами темень. Сегодня хлопоты со строителями. Именно с социальной программой начал Халтурин свою деятельность в Селеверстово: уже заложены новый Дом культуры. А там приступят к торговому центру, потом — новая школа. Все это для жителей колхоза, и прежде всего молодежи.

— Не отступитесь, Григорий?

— Не имею права.

Очерк уже был сдан в печать, когда нам стало известно: бывший главный инженер колхоза «Родина» переведен на работу в другое хозяйство.

В первом номере журнала за 1988 год была опубликована беседа с кандидатом психологических наук Павлом ЕЛЬЧАНИНОВЫМ, который рассказал о разработанной им модели перестройки экономики. Основные предложения ученого: во-первых, передать работникам право собственности на вверенные им средства производства и продукты труда; во-вторых, дать возможность самому рабочему, исходя из своего опыта, мастерства, выбирать будущую норму выработки; и, в-третьих, платить труженику выраженную в деньгах часть произведенного им продукта. Реализация такой модели даст возможность,

по мнению автора, повысить производительность труда в три-четыре раза. Осуществить предложения Ельчанинова взялись — постепенно, поэтапно, советуясь с трудовым коллективом, — руководители московского производственного объединения «Измеритель». Редакция будет следить за ходом эксперимента.

Публикация вызвала живой читательский отклик. Наши корреспонденты соглашаются с автором, спорят, делятся мыслями о перестройке в экономике, хозрасчете. Сегодня мы публикуем несколько писем.

Мне тридцать девять, социальное положение — рабочий, стаж — двадцать три года. Чувствую — наше общество в преддверии больших перемен, и как-то не хочется оставаться в стороне. Может и мой голос в поддержку начатого эксперимента, в поддержку нашей перестройки принесет крупную пользу.

Статья Павла Ельчанинова словно всколыхнула самые заветные мысли, которые не дают покоя не один десяток лет. Первый наглядный урок обмена на производстве получил еще в 1966 году. Работал фрезеровщиком. Нормы тогда пересматривались два раза в год («пересматривались» — не то слово, оно оставляет надежду на их техническую обоснованность, нам же нормы просто «резали»). Естественно, мы старались доступными методами бороться. Один из них: нормировщик закончил хронометраж рабочего времени — станки сразу переводятся на повышенные режимы. Так мы скрывали свои возможности. Я мог бы привести много таких примеров, которые полностью подтвердили бы выкладки автора статьи. Ельчанинов предельно точно вскрыл то, как мы относимся к труду («работать меньше — получать больше») и к средствам производства («не мое, пускай пропадает»).

Надеюсь, эксперимент принесет практический результат, а не канет в Лету, как уже бывало. Желаю ему успеха!

В. Н. САВИН,
Николаев

Хозрасчет сейчас в основном для рабочих, а не для ИТР. Рабочий может поднапрячься и получить не триста рублей, как раньше, а все пятьсот. А инженер, крутись не крутись, так и зарабатывает 150—180. Я часто вижу бывших одноклассников, многие из них окончили ПТУ и работают на заводе. Думаете, не обидно слышать от сверстников, что получают они втрое больше тебя? Вот и думаешь: «Зачем я оканчивал сначала техникум, потом институт? Проще было бы — сразу к станку».

По-моему, в эксперименте, который собираются проводить, нужно предусмотреть, чтобы инженер мог (естественно, хорошо поработав) получить не 150, а 300 рублей. Вот тогда молодые специалисты и перестанут торговать кооперативными пирожками и цинковать полы.

Олег БОРИСОВ,
26 лет, инженер-приборист,
Ижевск

Считаю, что модель перестройки экономики, которую предлагает П. Е. Ельчанинов, наивна и спекулятивна. Вот уже семьдесят с лишним лет воспитывается общественное и личное сознание, и оказалось, что это трудный и мучительный процесс, имеющий свои объективные закономерности, которые П. Е. Ельчанинову, как кандидату пси-

хологических наук, должны быть известны. И тем не менее он берется перестроить сознание людей в течение дней и часов. Это чистой воды афера. Еще А. П. Чехов говорил, что приходится буквально по каплям выдавливать из себя раба. По каплям, то есть менять психологию в течение длительного времени.

Автор предлагает вести нормирование труда снизу — сколько способен сделать, столько и делай. К чему это может привести? Я читал о токаре-кудеснике — он своими деталями завалил цех. Детали лежат мертвым грузом, их произведено на двадцать лет вперед. А если изменится номенклатура выпускаемого оборудования? Тогда детали придется отправить в металлолом.

Ельчанинов считает, что работник должен получать определенную часть прибыли. Значит, он будет заинтересован, чтобы цена на изделия, которые изготавливает предприятие, была как можно выше. Заводу будет невыгодно выпускать дешевую продукцию. А дешевые-то вещи нужны!

Не могу молчать, видя, как любимый журнал предоставляет свои страницы для пропаганды более чем сомнительных теорий.

А. Х. БУРКАТОВСКИЙ,
42 года, образование высшее,
Ленинград

Я во многом согласен с моделью Ельчанинова. Да, наше нормирование тормозит рост производительности и повышение качества продукции. Да, скрытые резервы есть. Но нельзя допустить, чтобы мы гонялись только за личными достижениями. Плох, даже очень плох уникальный мастер, если не желает поделиться своим опытом с товарищем, который делает немало брака. А как быть с молодыми рабочими, кто их будет учить, если в погоне за заработками нам некогда будет возиться с неумелыми «пэтэушниками»?

Виктор КРУЦЕНКО,
бригадир
слесарей-трубопроводчиков,
Николаевская обл., г. Первомайск

Может ли завод перейти на настоящий хозрасчет, если, кроме производства, на нем висят еще тридцать три дела? На нашем предприятии, наверное, раз в пять больше народу, чем на аналогичном японском, потому что оно должно заниматься: 1) помощью подшефному колхозу, 2) собственным подсобным хозяйством, 3) строительством жилых домов, 4) подметанием улиц, 5) дворцом культуры, 6) организацией спорта, 7) яслями-детсадом, 8) домом отдыха, 9) пионерлагерем, 10) профилакторием, 11) больницей, 12) многотиражкой, 13) наглядной агитацией... И так далее, и так далее. Я, конечно, «за» модель Ельчанинова, и мне хотелось бы, чтобы все было, как он предлагает, но, но... Все это нереально.

М. М. ГОСТЕВ,
Воронеж

Можно ли увеличить производительность труда в три-четыре раза? Можно! И никакой фантастики тут нет. Павел Ельчанинов пишет про это как теоретик, а я — как практик. Как работают хотя бы в животноводстве? На нашем отделении сплошная пьянка. У многих равнодушие к работе, маломальски что-то сделал, и до свидания. Корма валяются на улице на морозе. А ведь у себя дома эти же люди используют корма бережливо, рационально. Или трактористы — подъедут к конторе и стоят часами, а трактора работают. Расходуется горючее, изнашиваются детали — а им что, оплата-то по часам. Сколько боролся я с этим, уж и рукой махнуть хочется.

И вот однажды наш секретарь парткома дала мне плакат, где написано про семейный подряд. Снимок: ферма, дом двухэтажный, силосная яма, сеной склад, рядом — семья. И у меня что-то внутри перевернулось, до сих пор места не нахожу. Очень хочется стать хозяином примерно на такой же ферме. Вот мы и решили: взять около ста нетелей вчетвером. Я буду и за скотника, и за бригадира, и за тракториста, и за ветеринара, и так далее. Как дома у себя, без лишних затрат. Начну!

Иван БАХУ,
скотник, 33 года,
Тюменская обл.,
Казанский р-н,
д. Малая-Ченгерь

П. Ельчанинов предлагает передать работникам право собственности на средства производства и продукты труда. Что значит — «передать»? Они и так уже семьдесят лет в руках трудящихся (не будем сейчас уточнять, право собственности у них или право пользования). И что же? Через семьдесят лет мы признаем, что работаем плохо, что нужна перестройка...

В. Д. БОРОДИН,
Магнитогорск

Статья вводит в заблуждение читателей тезисом о том, что если передать производителю право собственности на средства производства, то решатся все проблемы. Закон о государственном предприятии тоже предоставляет право коллективам участвовать в распределении своих доходов. И что же? Закон уже действует, но доходы, как и прежде, изымаются в центр и оттуда раздаются «всем сестрам по серьгам». Для этого министерства-ведомства дают госзаказы, которые выше планов предприятий, для этого они устанавливают такие нормативы, что заводы-предприятия отчисляют в министерские фонды 60 процентов прибыли, а остающиеся — 10 процентов... Мощный бюрократический аппарат будет противо-

действовать осуществлению благих пожеланий тов. Ельчанинова! Аппарат не сократится, если труженики откажутся его оплачивать. Управленцы ничего не захотят и слушать, тем более что механизмы власти в их руках.

Я не разделяю оптимизма автора статьи.

Ю. ЯКОВЛЕВ,
Ленинград

Вы пишете — все вопросы будет решать совет трудового коллектива. А вот у нас на заводе председатель совета — директор, и почти две трети его состава — управленцы. Получается, что директор руководит и как администратор, и как представитель коллектива. И хотя на заседаниях совета и идут дебаты, точки над «i» почти всегда ставит директор.

Александр ТУЛКИН,
28 лет,
слесарь-ремонтник,
Молдавская ССР,
Григориопольский район,
п. Маяк

Поддерживаю отношение автора к нормированию.

Как назначается норма на производстве? Как правило, идет «торговля» между представителями цеха и, например, отделом главного технолога. Как там научная обоснованность... Очень часто бывает также, что предприятие первоначально вышивает трудоемкость изготовления изделия — в техпроцесс даже вводятся фиктивные операции. Потом ненужные операции исключаются, и за счет этого предприятие выполняет план по снижению себестоимости. А посчитать, сколько людей занимается нормированием, этой бездумной арифметикой, — в бухгалтериях, отделах труда и зарплаты, главного технолога, в цехах — получится огромная цифра потерь!

Нормируется и труд научных работников — например, программиста — по числу команд в программе или по количеству листов документации. Сейчас, когда НИИ переходят на самокупаемость и хозрасчет, несуразность такой оценки просто очевидна.

Причина, почему нормирование так живуче, на мой взгляд, в том, что управленческий персонал предприятия боится всевозможных проверок и комиссий. Нормы нужны, чтобы на вопрос контролеров: «Почему такому заплачено столько-то?» — администраторы могли бы ответить: «Вот, пожалуйста, все по нормам. Нет, коль скоро мы перешли на хозрасчет, то и оплата должна быть только в зависимости от конечного результата».

Михаил ГОНЧАРОВ,
32 года, кандидат технических наук,
Ленинградская обл.,
Тосно

— Раз уж мы заговорили о дорожных делах,— начал дядя Сандро, отхлебывая кофе,— я тоже кое-что расскажу. Если кто из вас уже слышал эту историю, ничего, еще раз послушает. Хороший рассказ, как песня, его много раз можно слушать.

Три года тому назад в один мартовский вечер мне надо было срочно поехать в село Анхара. Дело там у меня было с одним человеком. Такое дело, которое никак нельзя отложить до утра. Я спускаюсь к дому моего соседа Тенгиза и оттуда звоню моему племяннику Кемалу. У него машина.

Так, мол, и так, говорю, надо срочно ехать в село Анхара. Кемал, как обычно, минут десять мыкал в трубку, а потом говорит:

— Не обижайся, дядя, но я сегодня не могу ехать.

— Чего это ты не можешь ехать?

Опять засопел. Вообще, чтобы с нашим Кемалом дело иметь, надо с буйволиными нервами родиться. Но выхода нет, машина нужна.

— Мы, летчики,— наконец, переходит он к словам,— верим в предчувствие... Да и погода плохая... Завтра поедем...

Завтра! Завтра уже поздно будет для моего дела. — Твое предчувствие,— говорю,— это твоя лень, с которой я борюсь уже шестьдесят лет. И какой же ты летчик, если ты уже тридцать лет не летаешь, а сидишь в диспетчерской? И какой ты племянник, если в год раз не можешь повезти меня на своей машине?

Одним словом, заставил его приехать. Погода в самом деле плохая. Идет мокрый снег, но на земле не держится, тает. Сажусь, едем. Только выехали за город, он вдруг говорит:

— Предчувствие меня не обмануло.

Так говорит, как будто уже что-то случилось. Но дорога нормальная, и мы едем нормально. Я смотрю на него, а он, как обычно, молчит, вперед смотрит. И на голове у него эта замусоленная беретка, которую я ненавижу. Сколько раз я ему объяснял, что беретка кавказскому мужчине вообще не идет. Беретка идет латышам. Эстонцам тоже идет. Нет, он за рулем всегда в беретке. И главное, никак не снашивается. Уже лет пятнадцать, как только сядет в машину, беретку надевает. Выходит — беретку в карман.

— Что означает твое предчувствие? — спрашиваю у него.

Минут пять молчит.

— Забыл,— говорит,— свою корреспондентскую книжку.

У него в самом деле есть такая книжка, как будто он внештатный корреспондент журнала «Дорожная милиция». У него там товарищ работает, и тот подарил ему такую книжку. Если выпивший едет за рулем и милиция его останавливает, он им эту книжку сует, и они только честь отдадут.

— Книжка твоя нам не нужна,— говорю,— я не собираюсь с тобой выпивать. Поговорю с человеком и назад.

— Погода,— морщится он,— и к тому же село абхазских эндурцев надо проезжать.

— Погода,— говорю,— нам не мешает, мы не верхом едем. А эндурцев оставь мне. Я с ними уже восемьдесят лет имею дело. И дома у меня жена-эндурка, как больной зуб во рту, но, как видишь, я до сих пор жив.

Недоволен моими словами. Молчит и только на скорость нажимает.

— Спокойней,— говорю,— ты не в самолете... Все-таки мокрый снег идет.

Едем дальше. Уже доехали до Орехового Ключа, а он вдруг говорит:

— Ты как жена моя Галя...

И больше ничего не добавляет. Вот так что-нибудь скажет и на полпути остановится.

— Чем это я похож на твою жену? — говорю.

— Она тоже,— говорит,— как только сядет в машину, учит меня ездить...

Ладно. Едем дальше. Все спокойно. За несколько километров от села, которое мы должны были проехать, он вдруг останавливает машину и кивает в окно:

— Посмотри!

Я смотрю — какой-то «Москвич» уткнулся в кювет, и только зад торчит. Кемал открывает дверцу и подходит к машине. Обошел, возвращается.

— Ну что там,— говорю,— люди не пострадали?

— Людей нет,— говорит,— но машину сильно покалечило.

— Главное — люди,— говорю,— едем своей дорогой.

И вот мы уже проезжаем это село, и он снова останавливает машину. Кивает. Смотрю — на этот раз «Жигули» валяются в кювете. Он опять вышел и посмотрел, но людей не оказалось.

— Видно,— говорит,— здесь большая пирушка была, и все перепились.

— Конечно,— говорю,— они сахар и всякую дрянь к вину добавляют, а потом с ума сходят.

— Наши не лучше,— говорит Кемал,— хорошее вино сейчас редко где выпьешь.

Это правда. Люди сами испортились и вино портят сахаром и всякой отравой.

Проехали мы еще немного, и тут нас обгоняет таксист. Он уже ушел вперед метров на двадцать, и вдруг из-за поворота выскакивает трактор «Беларусь» и идет прямо на такси. Я уже думал — ударит, но таксист оказался настоящим джигитом. Увильнул из-под трактора и проехал.

Тут тракторист заметил нас и бросил этого таксиста. Идет, как танк. Я думал — Кемал увернется, как этот таксист, а он затормозил и стал. Трактор нас так ударил, что мы отлетели назад метров на десять. Здорово тряхнул. Но мы живы, а с Кемала даже его проклятая беретка не слетела. Трактор — мимо, и я услышал пение. Поет, сукин сын!

Выходим из машины. Смотрим спереди — как это называется? — бампер весь согнулся, и правое крыло вдавилось в колесо. Кемал завел мотор, но колесо не крутится. Крыло его держит.

— Почему,— говорю,— ты не увильнул, как тот таксист?

— Откуда я знал, что он сумасшедший,— говорит. — Он пьяный, а не сумасшедший,— говорю.

Вылезаем из машины, пробуем разогнуть крыло, но ничего не получается. И тут я вспомнил то, что случилось на этой же дороге больше сорока лет назад. В тысяча девятьсот тридцать первом году мы на лошадях ехали домой из Кенгурска, где были на оплакивании одного человека. Нас, чегемцев, было человек десять, и женщины с нами были. И вот тогда мы увидели в селе Тамыш первый трактор. Он пахал поле, а на дороге стояли человек пятьдесят местных крестьян и смотрели, как он пашет. С нами был охотник Тендел. И Тендел, когда увидел пахущий трактор, от удивления закричал:

— Какое же чрево было у чудища, из которого вывалилось это чудище!

И тогда все засмеялись простоте нашего Тендела. Он уже машины видел, но не мог поверить, что трактор — это тоже машина. Потому что с детства привык к одной мысли — пахут на живых! И он от неожиданности решил, что трактор — это такое животное, которое водится в России, и теперь его перегнали к нам. И тогда мы, посмеявшись над словами Тендела, поехали дальше и вступили в это село, где сейчас нашу машину ударил трактор.

В то время там русские рабочие расширяли дорогу. И вот что случилось. Я почему-то немного отстал. На дороге валялась доска. Лошадь моя задней ногой наступила на конец доски, и от этого другой конец доски приподнялся и шлепнулся в лужу, возле которой на корточках сидел рабочий. И эта доска все лицо его обрызгала грязью.

— Эй, чернозадый... твою мать! — крикнул рабочий, не видишь, куда лошадь идет!

«Чернозадого» я еще стерпел бы, хотя это неправда, в нашем роду все светлые. Но «мать», конечно, я не мог стерпеть.

Я повернул лошадь, подъехал к этому рабочему и от души ударил его камчой по спине. Он завыл, и тут со всех сторон подбежали ко мне рабочие, кто с лопатой, кто с киркой. Хотели избить. Но я круюсь на своей лошади, не даю себя ударить, а сам лупцую камчой налево и направо, так что клочья рубашек летят.

Сам не знаю, что кричу при этом, и только камча моя свистит в воздухе. Конечно, они меня через две минуты достали бы, но тут наши заметили, что случилось, прискакали и разняли нас.

Все бы кончилось мирно, если б не этот десятник, который рабочими командовал. Он имел зуб на моего отца. Дело в том, что его отец жил в Кенгурске

и торговал в магазине. В 1927 году он прокушал десять тысяч казенных денег и ушел от государства в лес.

И вот однажды он пришел в наш дом как абрек. По нашим обычаям, как вы знаете, абрека положено принять, накормить и, если надо, спрятать. Но какой же он абрек? Абрек — это мужчина, убивший кого-то за оскорбление или отомстивший за близкого родственника. Мой отец вообще не любил абреков, а тут напоролся на этого жулика. И отец его прогнал из дому.

— Если каждый торгош будет уходить в абреки,— крикнул отец,— на вас чегемских лесов не напасешься!

Мой отец был резкий, прямой. И он, конечно, опозорил этого человека. И сын его затаил обиду и сейчас, через четыре года, решил мне отомстить.

— Езжай, езжай,— крикнул он мне вслед,— это тебе даром не пройдет!

Я тогда ему не поверил. Но, оказывается, этот десятник уговорил рабочих пожаловаться на меня в суд. И они пожаловались. И вот в Чегем приезжает один мой друг из Кенгурска. Он об этом узнал и решил меня предупредить.

— Дело плохо,— говорит,— но у нас в Кенгурске есть хороший адвокат-ебрей. Он тебя выручит.

Этот мой друг «еврей» не мог сказать — «еврей» говорил.

— Нагрузи,— говорит,— ослика орехами, копченым мясом, сыром и поговори с ним.

Приезжаю к этому адвокату, разгружаю мешки и рассказываю про дело.

— Постараюсь найти выход,— говорит адвокат,— но это трудно, потому что Сталин любит рабочих, а крестьян ненавидит.

— А что ему сделали крестьяне? — удивляюсь я.

— Это ты у него спроси,— говорит,— приезжай через неделю, а я за это время все выясню. Еще два мешка орехов прихвати. Хорошие у вас орехи, сочные.

— Помоги,— говорю,— а за орехами дело не станет. Через неделю приезжаю.

— Танцуй,— говорит адвокат,— я все уладил!

Я поговорил с этими рабочими и сразу понял, кто они такие. Они выдавали себя за жителей Курска. Но я по их выговору сразу понял, что эти курские соловьи на самом деле кубанские казаки, сбежавшие от раскулачивания. Десятника они могли обмануть, но не меня, керченского еврея. Мы обо всем договорились, и они уже взяли свою жалобу назад.

Я от души поблагодарил его.

— Езжай,— говорит,— а в случае чего всегда обращайся ко мне. Чуть что — тряхни грецкий орех и приезжай!

И вот я еду домой, а сам про себя думаю: что за время, в котором стоим! Раньше казаки камчами били рабочих. А теперь казаки превратились в рабочих, и я, как казак, побил их камчой.

Вот так мы это дело уладили, и теперь я возвращаюсь к машине, которую почти на этом же месте через сорок с лишним лет ударил пьяный тракторист. А сейчас вы сами подумайте, какое время прошло между тем первым трактором, который Тендел принял за российского буйвола, и этим трактористом, который своим трактором машины гробит. И при этом поет!

И вот, значит, ночь. Идет мокрый снег, а мы стоим на дороге и никак не можем оторвать крыло от колеса. Недалеко от этого места мы заметили огонек и решили пойти туда и попросить у хозяина лом.

Входим во двор. Навстречу с лаем собачонка, а по-

Фазиль ИСКАНДЕР

ПЬЯНЫЕ НА ДОРОГЕ

Рисунок
Александра Архутика

том и сам хозяин. Хозяин выпивший и нас в дом тащит, чтобы по стаканчику угостить. Еле отцепились. Но вот, наконец, он достал лом, зажег фонарь и пошел с нами к машине.

Втроем кое-как выправили крыло, сели в машину и поехали дальше. На обратном пути решили заехать в милицию и вместе с ней поймать этого бешеного тракториста. Километрах в десяти от этого села был маленький городок, и там, конечно, можно было найти милицию.

И вот мы с Кемалом приезжаем в село Анхара к этому человеку, с которым у меня было одно неотложное дельце. Я Кемала оставляю на кухне, а сам с хозяином поднимаюсь в дом, и там мы о своем деле как следует говорим. Вам об этом не обязательно знать.

Спускаемся в кухню, и я вижу: мой Кемал сидит возле горящего очага и на вертеле жарит копченое мясо. Видно, давно жарит, потому что в кухне запах, и с мяса жир капает на угли.

— Ты что делаешь? — говорю.

— Детство вспомнил, — отвечает Кемал, — люблю жарить мясо на вертеле. Хозяйка уговорила остаться. Поужинаем, выпьем, переночуем, а завтра поедем.

— Нет, — говорю, — никак нельзя. Ты забыл, что мы должны поймать этого негодяя, который с песней наехал на твою машину?

— Останемся, — мямлит Кемал, продолжая крутить вертел, — завтра найдем тракториста... Я чувствую — сегодня еще что-нибудь может случиться...

— Все, что могло случиться, уже случилось, — говорю, — вставай, едем!

Хозяин тоже уговаривает остаться, но я твердо держусь, и Кемал неохотно встает, отдает вертел с шипящим мясом хозяйке, натягивает на голову свою беретку, а сам глаз не сводит с дымящегося мяса.

— Ну тогда, — говорит хозяйка, — я вам дам это мясо на дорогу. Вы его пожарили, вы его и съедите! — Спасибо, не откажемся, — говорит Кемал.

От нашего Кемала с ума можно сойти! Он считает, что раз он живет на зарплату, все его обязаны обслуживать. Хозяйка сдергивает мясо с вертела в целлофановый мешочек, туда же кладет аджику и туда же кидает несколько головок лука. Хороший лук. Как яблоко — такой лук.

Этот мешочек, наполненный мясом и луком, Кемал аккуратно так укладывает за спинкой заднего сиденья, как будто был в гостях у родственников, а не у людей, которых первый раз видит.

Едем назад. Снег перестал. Дорогу хорошо видно. Вдруг — впереди стоит «Волга», а рядом какой-то человек машет рукой, чтобы мы притормозили.

— Я буду с ним говорить, ты молчи, — предупреждаю Кемала.

Чтобы ночью с чужаком говорить — хорошая политика нужна. А Кемал этого не понимает. Или молчит, или вываливает все как есть. Поравнялись. Вижу — машина наполнена людьми. Тот, что стоял возле машины, подходит к нам. За спиной охотничье ружье, а что в голове — понять трудно.

— Трактор «Беларусь» не встречали? — спрашивает.

— Нет, — говорю, — а что случилось?

Он долго смотрит и ничего не отвечает.

— Что-нибудь случилось? — говорю.

— Ничего, — говорит, — трактор «Беларусь» ищем.

Он к своей машине, а мы едем дальше.

— Почему не сказал? — спрашивает Кемал.

— Подальше от них, — говорю, — может, они ищут ненужных свидетелей.

Едем. Километров через пять снова встречная машина, и она останавливается возле нас.

— Трактор «Беларусь» не попался? — кричит из окна водитель.

— Нет, — отвечаю, и едем дальше.

— По-моему, — говорит Кемал, — это облава на трактор «Беларусь».

Точно! Кемал иногда правильно соображает. Конечно, они ищут этого тракториста, чтобы отомстить ему.

Потерпевшие собрали своих родственников и теперь ищут этого дурака, а про свои машины забыли.

Едем. У самого выезда на трассу вдруг мне показалось, что я услышал тарахтенье трактора.

— Быстрее, — говорю, — он где-то близко.

— Откуда взял? — спрашивает Кемал, но скорость не прибавляет.

— Мотор слышал, — говорю, — быстрее!

— Нет, — говорит, — я ничего не слышал.

От этого Кемала с ума можно сойти! Как он мог услышать, когда глухой, как мельник. Он, конечно, не совсем глухой, но глуховатый. Вечно уши прочищает, как будто от этого лучше будет слышать.

Минут через пять выезжаем на трассу, но здесь уже ни мотора не слышно, ни трактора не видно. И как раз возле трассы на этом месте с одной стороны улицы магазин, с другой тракторный гараж, а рядом сторожка, и свет горит.

Я подхожу к воротам гаража. Они заперты, но главное — свежих следов нет, сюда он заехать не мог.

Подымаемся в сторожку. Там железная печка горит, стол, а за столом два человека играют в карты. Ясно, что один из них сторож гаража, а другой — сторож магазина.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

— Вы — сторож магазина! — рукой на одного. — А вы — сторож гаража! — рукой на другого.

— Правильно! — говорят они и вскакивают от удивления. А я правильно угадал, потому что сторож магазина должен был сидеть напротив окна, чтобы время от времени следить за магазином. Я их решил сразу оглушить, чтобы они от растерянности в дальнейшем правду говорили.

— У вас не хватает трактора «Беларусь», — говорю сторожу гаража.

Но этот подлец, оказывается, успел взять себя в руки.

— Нет, — говорит, — у меня все трактора на месте, и ключ от гаража в кармане.

Не поддается. Тогда я ему все рассказываю, как было, но он все равно не поддается. Говорит — это был чужой трактор. Врет, конечно, больше здесь никаких гаражей нет.

Я поворачиваюсь уходить, а Кемал как сел у печки, так и сидит. Не двигается. Как будто я должен мстить за его машину.

— Что расселся, — говорю, — поехали в милицию!

Кряхтит, встает, вынимает из кармана беретку. Выходим. А у меня все еще сидит в голове шум этого тракторного мотора. Если я его в самом деле слышал, он далеко не мог уехать. Тогда где он? В этом месте рядом с улицей была большая поляна. Посреди поляны росли какие-то кусты. Кемал уже сел в машину.

— Подожди меня, — говорю, а сам иду через поляну. Только зашел за кусты — в трех шагах от меня трактор «Беларусь». Я на него смотрю, и он вроде на меня смотрит. Я молчу, он молчит. Темно. Человека не видно.

— Он здесь! — кричу и бегу к машине. А в это время трактор затарахтел, развернулся и давай удирать через поляну. Кемал включает мотор, и мы за трактором. Он уже проехал поляну, залез в кювет, я думал, он там застрянет, но нет, вывалился на проселочную дорогу. Мы за ним, но дорога такая плохая, что догнали только минут через пятнадцать. Сигналим, сигналим — не останавливается. А дорога все хуже и хуже. Наконец Кемал тормозит.

— Что, — говорю, — страшной «мессершмитта»?

— Да нет, — морщится Кемал, — жалко машину гробить... Он без милиции все равно не остановится.

Выезжаем на трассу, и едем в милицию. Входим. Вижу, за барьером дежурный лейтенант. Грузин. Рядом его помощник. Мингрелец. А в углу сидит молоденькая женщина — пойманная проститутка. Я по-грузински рассказываю лейтенанту все, что с нами случилось. А Кемал в это время что делает? Облокачился о барьер и разговаривает с этой женщиной, как будто на бульваре с курортницей знакомится.

— Я знаю этого хулигана, — говорит лейтенант, — у него бездетный дядя. Местный агроном. Он его всегда выручает. Но на этот раз: или я — или он. — Лейтенант дает приказ своему помощнику ехать на поиски этого тракториста. Я окликаю Кемала, а он на меня не смотрит. Продолжая разговаривать с этой женщиной, достает из кармана беретку.

Едем. Работник милиции на своей машине, мы на своей.

— Как тебе не стыдно, — говорю, — на глазах своего дяди, на глазах у милиции разговаривать с районной проституткой?

— Она не проститутка, — нахально отвечает Кемал, — просто неопытная женщина попала в плохую компанию. Я хочу ей помочь на работу устроиться в нашу столовую.

И это он мне говорит! Как будто я его не знаю! Ладно, думаю, дома поговорим.

И вот мы часа два крутимся по проселочным дорогам, но нигде этого бандита нет. Тракторный след мы потеряли, когда он с дороги свернул на чайную плантацию. Мы уже решили выехать на трассу, как вдруг впереди нас прямо из оврага выплывает трактор и летит. Мы за ним. Этот милиционер оказался храбрым парнем. Обогнал трактор, остановил машину и выскочил из нее с пистолетом в руке. И тут трактор остановился.

Подходим и видим — в тракторе сидят двое. Здоровый парень лет тридцати с выщипанными бычьими глазами, а рядом десятилетний мальчик.

— А ну, вылезай! — приказывает милиционер. Но он вцепился в руль и сидит. Тогда милиционер вместе с Кемалом с трудом выволакивают его из трактора. Как только вытащили, обмяк. Стоит и качается, как осенний кабан, опьяневший от виноградных выжимок.

Милиционер вытащил из кабины литровую бутылку чачи, уже наполовину пустую.

Что оказалось? Оказалось, что этот тракторист решил подхалтурить и вспахал приусадебный участок одной вдовушки. За это она его накормила, напоила и еще домой дала литр чачи. А он взял ее мальчика покатасть на тракторе. Уже в тракторе еще пол-литра чачи выпил и совсем взбесился.

Теперь нам надо ехать в милицию, а Кемал что

делает? Ни один человек в мире не угадает, что Кемал будет делать через минуту. Он берет у этого милиционера бутылку, вынимает из кармана платок, обливает его чачей, ставит бутылку на землю и, повернувшись к фарам своей машины, начинает утищать свой пиджак. Милиционер ждет, преступник ждет, я жду, а он спокойно чистит свой пиджак, хотя если уж в мире что-нибудь нуждается в чистке, так это его беретка. У меня душа к горлу подошла.

— Что ты делаешь, — говорю, — другого места не нашел?

Спокойно продолжает чистить. А милиционер волнуется и правильно делает, потому что те, что ищут тракториста, могут наткнуться на нас, и тогда неизвестно что будет.

— Да я тут, — мялит Кемал, — пока этого кабана вытаскивали из кабины, мазутом обмазался.

Наконец почистил пиджак, но главное, послушайте, что дальше делает! Вообще, когда с Кемалом связался — или умирай от стыда, или умирай от смеха... Закрывает бутылку пробкой и несет в свою машину. Что ему в руки ни попадет, все тащит в свою машину. Слава богу, тут милиционер опомнился.

— Извините, — говорит, — но бутылка с чачей проходит как вещественное доказательство.

А Кемалу что? Не получилось сегодня — завтра получится. Я думаю, если сунуть ему в руки динамит, завернутый в газету, он его тоже потащит в свою машину. Считает: раз живет на зарплату, все его должны обслуживать.

Наконец садимся в машины и приезжаем в милицию. Там составили акт, и по этому акту тракторист должен был уплатить Кемалу тысячу рублей. Тракторист без слов подписал акт. А что ему... Платить все равно будет дядя.

— Сколько машин опрокинул? — спросил лейтенант.

— Четыре, — говорит тракторист.

— Признайся, если больше, — говорит лейтенант, — а то потом хуже будет.

— Клянусь дядей, четыре!

— Другие убежали, — добавляет мальчик.

— Дорого твоему дяде обойдется это хулиганство, — говорит лейтенант, — но на этот раз ты сядешь в тюрьму... Или я уйду с работы...

Лейтенант задержал тракториста, а своему помощнику приказал отвезти мальчика домой и по дороге проверить все опрокинутые машины. Мы тоже поехали.

— По-моему, — говорю Кемалу, — ремонт тебе в тысячу рублей не обойдется.

— Ничего, — говорит Кемал, — у них денег куры не клюют... Лейтенант понял, что я на зарплату живу.

Только доезжаем до Орехового Ключа, и вдруг у поста останавливает милиционер. Подходит. Кемал открывает окно:

— В чем дело?

— Права, — говорит милиционер, пригибаясь к окну.

— А что я нарушил? — спрашивает Кемал.

— Пьяный сидишь за рулем, вот что нарушил.

Кемал начинает хохотать.

— Смейся, смейся, — говорит милиционер.

— Я уже целую неделю в рот рюмки не брал, — говорит Кемал.

— Повезу на экспертизу, хуже будет, — говорит милиционер.

Ну, думаю, поздно едем, значит, едем с пирушки, решил на нас деньги заработать. Но он не знает, что из Кемала деньги и на тракторе «Беларусь» не вытнешь.

— Пожалуйста, поехали, — говорит Кемал и открывает заднюю дверцу. Милиционер уже просунулсь, и тут я у него спрашиваю:

— Откуда ты взял, что он пьяный?

— От него водкой воняет, — говорит милиционер, — даже с дороги слышно.

И тут я понял, в чем дело.

— Стой, — говорю, — это не он, это его пиджак.

— При чем пиджак? — удивляется милиционер.

Тут я ему рассказываю, как Кемал чистил свой пиджак, а он не очень верит и на закуску, которая за сиденьем лежит, одним глазом смотрит.

— Снимай пиджак, дай понюхать, — говорю Кемалу.

Кемал хохочет и от смеха не может снять пиджак, а милиционер ждет. Кемал сунул ему пиджак. Милиционер понюхал его один раз, понюхал его второй раз и молча закрыл дверцу машины. Недоволен, что мы не попались.

Кемал надевает пиджак, и мы едем. Снова повалил снег, и впереди почти ничего не видно. А Кемал едет посреди шоссе. Я боюсь, что он столкнется со встречной машиной.

— Почему посередине дороги едешь, — говорю, — держись правой стороны.

— Покрышки, — бубнит Кемал и километра через два добавляет, — по краям шоссе колдобины...

— Что ты покрышки экономишь, — кричу ему, — когда такой снег идет! Столкнемся со встречной!

Надулся, но все же перешел на правую сторону. И только мы проехали метров двести, как вдруг из-за эвкалипта, стоявшего возле дороги, вываливается пьяный и падает почти прямо под колеса. Кемал нажимает на тормоза, мы выскакиваем, думаю: все —

убили человека. Нет, шевелится. Весь рукав разорван до самого плеча. Он ударился о то крыло машины, которое раньше ударил трактор. Кемал все-таки молодец. Недаром летчиком был. Успел тормознуть.

Мы подняли пьяного, но он ничего сказать не может — мычит хуже Кемала. Я его растряс как следует, и он немножко пришел в себя.

— Ребята, — говорит, — доведите домой... Деньги дам сколько хотите...

— Деньги не надо, — говорю, — но где ты живешь?

— От шоссе, — говорит, — первый поворот направо, и сразу мой дом.

Сажаем его в машину и едем. Он спит. Кемал свернул на повороте, едем по проселочной дороге. Снег идет, почти ничего не видно. Наконец, увидели первый дом. Толкаю нашего пассажира.

— Нет, — говорит, — мой дом дальше будет.

Теперь я его все время толкаю, чтобы он не пропустил свой дом.

— Вот мой дом, — говорит он наконец и начинает рыться в кармане пиджака. А то, что рукав разорван до самого плеча, не видит. Мы, конечно, не дали ему заплакать и высадили его.

Разворачиваемся и снова выезжаем на трассу. А Кемал опять выехал на середину шоссе. Но я теперь ничего не говорю. Боюсь — опять пьяный под колеса попадет.

— Что такое, — удивляюсь я, — никогда не видел столько пьяных.

— Наверное, у них сегодня какой-то праздник, — говорит Кемал.

— Нет, — говорю, — у них сегодня никаких праздников.

— У них, — спорит Кемал, — есть такие праздники, о которых ни один человек не знает.

— Слушай, — говорю, — нет у них сегодня никаких праздников. Просто распустились люди. Палку Большого забыли!

Кемал ничего не отвечает, и я уже думал, что он согласился со мной.

— У них, — вдруг повторяет он, — есть такие праздники, о которых ни один посторонний человек не знает.

— Какой, — говорю, — у них может быть праздник? Назови!

Молчит, молчит, а потом опять за свое.

— Может, праздник освобождения от турецких янычар, — говорит, — может, еще что...

Спрашивается, где турецкие янычары, а где наши эндурцы? Я с ума схожу, а он спокойно сидит за рулем, и только беретка торчит над ухом.

— Оставь янычар в покое, — говорю, — лучше следи за дорогой!

А он все едет посредине шоссе, и мы уже близко от города. И тут я вспомнил, что у въезда в Мухус открытый люк на шоссе и знак не успели выставить, чтобы шоферы опасность видели. Я это заметил, когда мы еще туда ехали. Хотел напомнить ему, но, думаю, сейчас опять начнет сравнивать со своей женой Галей или забудет к тому времени, когда подьдем. Решил — перед самым городом скажу. И тут я допустил ошибку. Забыл. И уже в пяти метрах вспомнил.

— Кемал! — кричу.

Он успел остановиться перед самым люком, но тут нас сзади ударяет машина, которая шла следом. Оказывается, за нами цугом шли три машины из Еревана.

Мы выходим. Водители ереванских машин тоже выходят. Теперь Кемалу заднее крыло подняли и фонарь разбили. Заднее крыло тоже правое. Машину Кемала, как паралич, с одной стороны бьют.

Ругаемся. Они говорят, что мы слишком резко затормозили, а мы говорим, что они дистанцию не соблюдали. И это видно по следу от тормозов ереванской машины. Кемал требует деньги на ремонт, но этот водитель говорит, что мы виноваты. А как докажешь, что мы правы, когда нас двое, а у них три машины, наполненные ереванцами.

И тут на наше счастье подходит милиционерский патруль. Два человека. Оказались абхазцы. Один пошустрей, а другой тихий. Патрули все честно рассудили и сказали ереванскому водителю, что он должен заплатить за ремонт, иначе акт составят.

— Сколько? — наконец соглашается водитель.

— Сто пятьдесят рублей, — говорит Кемал.

Я вижу, он совсем во вкус вошел. Ясно, что на сто пятьдесят рублей его машину не испортили. Но Кемал такой. Раз он на зарплату живет, значит, его все должны обслуживать. А то, что он хорошую военную пенсию получает, не говорит.

Ереванский водитель начинает торговаться, говорит, что у него дальняя дорога в Россию, а денег мало. Какой же дурак поверит, что он в Россию едет без денег.

— Тут починки всего на пятьдесят рублей, — по-абхазски подсказывает милиционер. Тот, что был пошустрей, подсказывает.

— Что ты их деньги жалеешь, — по-абхазски ему отвечает Кемал, — у них полные багажники денег.

Наконец, сторговались за сто рублей. Ереванский водитель злится, но деньги отдает. И, видно, захотел к чему-нибудь придраться, потому что спереди подошел к нашей машине и увидел погнутое крыло.

— Вот видите, — кричит он милиционерам, — он ездить не умеет! Он уже с кем-то столкнулся.

Тот, что был пошустрей, подошел к нашей машине, карманным фонариком осветил крыло и что-то там долго завозился. Потом дает знак ереванским машинам, чтобы они проезжали, а нам дает знак, чтобы мы стояли. Ереванские машины уехали, а этот подошел к своему товарищу и начал с ним шептаться. Потом подходит к нам.

— Что у вас случилось в дороге? — спрашивает. Кемал начинает мямлить про трактор, но я чувствую, что милиционер ни одному слову не верит.

— Не трактор, — говорит, — вас ударил, а вы сбили человека. Сознайтесь, где это было. Если живой — окажем помощь. Если мертвый, суд разберется, кто виноват.

Тогда я добавляю, что трактор в самом деле был, но был и пьяный, который вывалился из-за эвкалипта прямо под колеса. Но, славу богу, он жив, и мы его благополучно довезли до дому.

— Поехали, — говорит тот, что был пошустрей, своему товарищу, — мы должны убедиться, что он жив-здоров.

Теперь что делать? Они садятся, Кемал разворачивает машину, и вдруг тот, что был пошустрей, кричит:

— Стой!

— В чем дело? — спрашиваю.

— Да вы, оказывается, совсем пьяные, — удивляется он, — как это я сразу не заметил... Давайте я сяду за руль...

И тут я догадался, в чем дело. От пиджака Кемала вся машина чачей провоняла. Мы привыкли, а милиционер, конечно, заметил. Я ему объяснил, в чем дело, но тот, что был пошустрей, не поленился, встал, понюхал пиджак Кемала и тогда успокоился. А Кемал хохочет.

— Нюхайте мой пиджак и закусывайте, — говорит, — закуска у вас за спиной.

Едем.
— Ты помнишь, где поворот? — спрашиваю у Кемала.

— Вроде бы, — мычит Кемал.

Опять повалил снег, и почти ничего не видно. Доезжаем до поворота и въезжаем на сельскую улицу. Света в домах нет, и черт его знает, где дом этого пьяницы. Думаю, пропали на всю ночь, если его сейчас не найдем.

— Слушай, — спрашиваю у милиционера, — как ты догадался, что мы сбили человека?

— Извините, — говорит, — я уважаю ваш возраст, но это пока оперативная тайна. Закроем дело — скажу.

Ладно, думаю, лишь бы мы нашли этот дом.

— Кажется, здесь, — наконец говорит Кемал и останавливает машину.

Вылезаем и в темноте подходим к изгороди. Рядом калитка.

— Эй, хозяин! — кричу несколько раз.

Лает собачонка, а людей не видно. Но вот в доме зажегся свет, и женский голос с крыльца:

— Кто там?

— Милиция, — говорю, — подойди сюда!

Женщина вернулась в дом и выходит с керосиновым фонарем в руке. Подходит. Пальто накинуто прямо на голову, и из-под него глазами то на нас, то на милиционеров.

— Хозяин дома? — спрашивает тот, что пошустрей.

— Спит, — говорит женщина.

— Больше мужчин нет в доме?

— Дети есть, — говорит женщина и все время глазами из-под пальто то на милицию, то на нас, — а что случилось?

— Подыми мужа, — приказывает милиционер.

Женщина не двигается. Старается понять, зачем ее мужа вызывают: может, подрался с кем-то? Но я все же не уверен, что мы нашли тот дом. Если не туда попали, придется всю ночь искать этого дурака.

— А что он сделал? — спрашивает женщина и продолжает стоять.

Тут Кемал не выдержал.

— Слушайте, — говорит, — милиция думает, что мы его переехали. Пусть посмотрят, что он живой.

Не верит. Думает — хитрим. Все же ставит фонарь на землю и идет за мужем. Подходят. Хоть сейчас он был в плаще, я его сразу узнал.

Все же мой Кемал молодец! Недаром он говорил, что во время войны по слепым полетам был первым в полку. А после войны он однажды несколько раз так низко пролетел над чегемской табачной плантацией, где люди работали, что мотыгой можно было его достать. Молодой был, играл!

— Вы знаете этих людей? — спрашивает милиционер.

Тот подымает к моему лицу фонарь — смотрит. Подымает к лицу Кемала — смотрит. Опускает фонарь и говорит:

— Первый раз вижу!

Тут Кемал начинает хохотать. Дуралей, нашел время для смеха! Я спокойным голосом объясняю этому человеку, как он стоял под эвкалиптом, как упал под машину и как мы его привезли. Он слушает, делая вид, что трезвый, хотя, правда, немножко протрезвел.

Как только я кончил, он заговорил, заблеял, как козел на скале, не останавливается.

— Даю показания, — говорит, — ничего не совпадает! Я сегодня был в гостях в доме моей двоюродной сестры. Хлеб-соль принял! Мы съели хрустящий поросенок! Мы съели жирный индюшка! Мы выпили! Хорошо выпили! Крепко выпили, честно скажу! А потом муж моей двоюродной сестры посадил меня на свои «Жигули» и культурно привез домой. А под эвкалиптом я вообще не мог стоять, потому что ненавижу эвкалипт. Запах не переношу. Если даже мертвого меня вот так поставят к эвкалипту, я и мертвый оттолкнусь от него, до того ненавижу!

Вот такие глупости говорит и многие другие. Кемал хохочет, а милиционеры не знают, кому верить.

— Вот ты оттолкнулся, — говорю, — и попал под нашу машину.

— Извините, папаша, — говорит, — я пить пью, но падать не падаю. Такой характер имею!

Я уже хотел предложить милиционерам сделать внезапный обыск в доме этого человека, чтобы найти пиджак с разорванным рукавом как доказательство, но тут жена его нас выручила.

Все это время она из-под своего пальто смотрела то на нас с Кемалом, то на милиционеров, то на своего мужа и старалась сообразить, не собираемся ли мы сделать ему что-нибудь плохое. В конце концов сообразила и взорвалась, как бомба.

— Пьяница! Пьяница! — закричала она на своего мужа. — Если все было так хорошо, костюм-пиджак кто порвал?! Костюм-пиджак где порвал, пьяница?!

— Какой костюм-пиджак? — растерялся он.

— Новый костюм-пиджак, пьяница! — крикнула она. — Лучше бы тебя эта машина совсем убила!

— Принеси пиджак, — приказал милиционер.

Женщина уходит, продолжая ругать мужа, и приносит пиджак. Тот, что был пошустрей, берет пиджак, просит женщину приподнять фонарь и, достав из кармана маленький кусок материи, сравнивает его с пиджаком. Теперь я понял, почему он так долго возился у крыла нашей машины.

— Все в порядке, — говорит милиционер и кидает пиджак хозяину, — пьянство тебя рано или поздно загубит!

Тот поймал пиджак, смотрит на рукав и не знает, что сказать. Только мы к машине, он к нам.

— Ради моей жизни, — говорит, — вы расход имели! Ради моей жизни — вы приехали сюда! Неужели в моем доме по стаканчику не выпите!

— Поздно! Поздно! — прикрикнул на него милиционер, и мы уехали.

На обратном пути мы уже по-дружески разговариваем с милиционерами, мажем мясо аджикой и луком хрустим. В селе Анхара как яблоки — такой лук. Хорошо идет, потому что все мы проголодались за эту ночь.

Кемал, конечно, тоже свое не упустил, хотя и сидел за рулем.

— Эх, — говорит он, — как бы нам сейчас та бутылка с чачей пригодилась.

Узнав все подробности наших приключений, тот, что был пошустрей, сказал своему напарнику:

— Этих бедолаг мы должны развезти по домам...

А то с ними еще что-нибудь может случиться...

Они довезли меня до дому, а потом поехали провозить Кемала. Вот так закончилась эта ночь.

Через два месяца Кемал получил деньги от дяди этого тракториста, а самого хулигана посадили. Значит, лейтенант стойким оказался. Сумел сломать этого богатого агронома.

А теперь я вот что вам скажу, мои друзья. Пока мы здесь сидим и пьем кофе, есть такие люди в Абхазии, вроде этого агронома, которые тюкуют деньги, как табак. Мы сидим и пьем кофе, гоняем воздух разговорами, а они в это время деньги тюкуют. Ты хоть пей кофе, хоть умирай, а они деньги тюкуют. Тюкуют и тюкуют!

На этом дядя Сандро закончил свой рассказ и, оглядев застольцев, несколько раз молча кивнул головой, как бы подтверждая свою мысль кивками: да, да, именно тюкуют!

Слушая дядю Сандро, я все время чувствовал тайный дополнительный комизм всей этой истории, потому что о ней мне уже рассказывал Кемал. По словам Кемала, у дяди Сандро в селе Анхара никакого дельца не оказалось. Просто ему стало скучно в мокрый мартовский вечер, и он решил проведать своего старого друга, которого знал еще со времен битвы на Кодоре.

Но то ли старый друг себя вскоре исчерпал, то ли, желая как можно быстрее расправиться с этим бешеным трактористом, он заторопился, и они поехали, даже не поужинав.

Само собой разумеется, что в изложении Кемала во всей этой истории смешным выглядел дядя Сандро со своими таинственными намеками на дельца и непрерывными, нелепыми указаниями на правила безопасной езды.

— Я их иногда путаю, — добавил Кемал после паузы, которую в разговоре с другим человеком вполне можно было воспринять как переход к новой теме, — то ли жена моя сидит рядом в машине, то ли дядя Сандро...

КАК МНОГО ЕЩЕ Я НЕ СДЕЛАЛ...

День солнечный, роза цветет, пчелиный народец разумный вокруг стебля вершит хоровод, подбрюшья сухие латунны. Кругом Пугачева поет, и вторят ей Маши и Дуни. В лазурь самолетик плывет, в нем аэроклубник юный. Над розой повис самолет... В символикe много ли смысла? Вот тот же кудрявый пилот станет безжалостно лысым. В трагический круговорот не тело уходит, а личность. И в том, что наступит исход, вышшая диалектичность. Но именно ей вопреки нельзя расслаблять мозг и тело, пульсируют мыслью виски: «Как много еще я не сделал...» Над розой висит самолет, он выкрашен краскою белой, и роза спокойно цветет, пчелы вершат свое дело. А вечером трель соловьев... Классичен пейзажик подлунный! И роза растет без шипов, — вымерли готы и гунны. Все в мире понятию без слов, и время струится по дюнам. — Какое сегодня число? — 22 июня... И розу обжог небосвод, обжог сиротливое тело; и выдохнул горестно рот: — Как много еще я не сделал...

24 ДЕКАБРЯ

Снежный Тракай, декабрь, рождество, свадьба, десять гостей, застолье, елки веселой взметенный ствол, колокола костельные стонут. Тонут в купели мотельной огни, озеро спит, погрузившись в истому. Нас через час соединит глаз твоих невыразимый омут. Тальник прибрежный чернеет в снегу, розвальни лошадь тянет устало, я обновляюсь и все ж не могу перемениться, Ташенька-Тала... Ритм стихотворный сталист и жесток, жизнь, — что воротничок у рубахи — давит. Сверчок знает шесток, но не желает бедный жить в страхе. Вот и разбиты бокалы. Вино залило скатерть, и не к чему плакать! Если с тобой нам не быть заодно, то нас обоих настигнет расплата. Я не наивен, не робок, не юн, приобретения знаю, потери... Сколько с того дня минуло лун и заперлись наглухо двери? В память — тавром! — роковое число. Ни на кого не хочу обижаться, — выше всего мне мое ремесло; сколько же минуло лун? — Тринадцать... Снежный Тракай, декабрь, рождество. Общего прошлого будем достойны. Высох у елки рождественской ствол, впрочем, об этом думать не стоит...

БОГОМОЛ

Отцвела звезда на небосклоне, отыгралась без конфликта пьеса, смотрим на бывшее благосклонно, а точнее, — не без интереса. Все проходит... Что же остается? Тщетно ждать разумного ответа. И не надо. Маленьким уродец богомол ползет к полоске света. Бедная безмозглая букашка! Три секунды жить тебе осталось. Ты помрешь в неравной ноголашной, в ней неведома к ползущим жалость. Хрустнет твой хитон под туплей летной, станет амиг зеленоватым вечер, дождь пойдет, сплет тоскливо флейта, и погаснут у каштанов свечи...

Ирина ЛОБАНОВА

Волшебный, таинственный театр!.. Таким он представляется зрителям. И, как правило, зритель не догадывается, каким напряжением духовных и физических сил большого числа людей достигается это чудо. Чудо театра... И хорошо, что не догадывается; таков закон сцены — если зрителю «виден пот» (по образному выражению Майи Плисецкой), значит, ушло вдохновение, кончилось искусство, осталось ремесло.

Искусство-игра, искусство-забава — такой миф о своем творчестве любят распространять художники, стараясь скрыть от нас тяжелейшее бремя работы, которое обрушивается на них.

А ведь вдохновение, «как избалованная девка, — говорил Пушкин, — приходит на все готовенькое». Это «готовенькое» и есть тот самый многодневный, скрываемый от нас кропотливый труд.

Большая роль в создании спектакля отводится художнику-декоратору. Представление о нем как об оформителе спектакля, расписывающем задник и подбирающем реквизит и костюмы, давно устарело. Работа художника в современном театре все более усложняется, все более требует театральной специализации. Уже редко кто из «чистых» живописцев решается работать на театре (последним, кажется, был Пименов). Сегодня художник опирается на точный инженерный расчет.

Показать в выставочном павильоне работу театрального художника во всей значимости — задача непростая. В прямоугольной железобетонной архитектуре Центрального Дома художника на Крымской набережной в Москве с огромными, во всю стену — от пола до потолка — окнами, с широкими стандартно-комфортабельными фойе, с эскалаторами, ведущими в холодные, выкрашенные монотонно-серой краской залы, коридорами-галереями, освещенными люминесцентными

лампами, нет игры света и тени, таинственных провалов кулис, высоко поднимающихся колосников, нет тайны. В современном здании властвует скупая целесообразность интерьеров аэропорта. Не знаю, произошло ли кому-либо из читателей

ЧУДНЫЙ ТЕАТР

Фото Владимира Чейшвили

Артист Б.— «Чайка» Чехова

Гансовская И. — «Женщина с моря» Ибсена
 Комов Н. — «Мертвые души» Гоголя
 Четверков И. — «Бонжур, Эдит Пиаф» Бермана
 Ковальчук В. — «Сотворившая чудо» Гибсона

видеть эскизы современных архитектурных сооружений? Мне приходилось. В этих эскизах люди (согласно масштабу с архитектурой) изображаются треугольниками и кружочками. Вот таким же безликим «треугольником с кружочками» выглядит человек в необъятных просторах современного интерьера.

Театр же, как и любое подлинное искусство (архитектура в том числе), обращен к человеку. К каждому конкретно, а не ко всем в массе, что значит — ни к кому.

Привести к гармонии выставочный интерьер с характером экспозиции — эту задачу четко представлял себе главный художник IV Всесоюзной выставки художников театра, кино и телевидения Борис Мессерер:

— Театр, мне казалось, может быть показан достаточно эффектно и разнообразно. У нас была идея показать старинные костюмы наших лучших мастеров сцены, но надо было создать в этом помещении из мрамора и стекла атмосферу театра, соответствующую таинственности.

И вот по воле художника на огромные окна черным веером ложатся полотна кружев. Широкая мраморная лестница становится выставочным павильоном, ее пролет углубляется зеркальной стеной, отражающей высокие фигуры манекенов

В центральном фойе на невысоком настиле (театре), устланном вместо досок кусочками зеркал, возвышается стеклянный орган. Прозрачные трубы органа поддерживаются серебристыми металлическими подставочниками. У органа группами расположены манекены в черных и светлых костюмах. Зеркальный театр обратным отражением удлинняет, увеличивает высоту органа, в трубах которого переключается, переливается электрический свет. В черные, серые и палевые краски строгого, но праздничного оформления зала врываються приглушенные красные цвета театрального панно, на котором изображены персонажи гиперболической пьесы Владимира Маяковского «Клоп» (панно Бориса Мессерера).

Мы привыкли, что на выставке нужен свет. Много света! Здесь, наоборот, свет приглушается, светящийся орган притягивает внимание. А в полумраке, задрапированный туго натянутыми от пола до потолка черны-

Белая Д., Тамарский Ф. — «Морозко» Токмаковой

ми кружевами («мессереровской шторкой» — так называли рабочие и художники выставки черное кружевное полотно), таинственной, фантастической лестницей выглядит эскалатор. На его ступенях, словно в почетной процессии, спускаются манекены, демонстрирующие искусство костюмеров театров страны.

Всего на выставке более 700 художников представили свыше 3000 работ — эскизы декораций и макеты, костюмы, реквизит, эскизы занавесов и панно, куклы, плакаты... Экспозиция выставки построена по строго региональному принципу. Такое расположение материала дает возможность познакомиться с индивидуальностями художников различных национальных школ и направлений и одновременно раскрывает тематику спектаклей, фильмов, созданных во всех регионах страны.

Рядом с крупнейшими мастерами сцены, хранителями лучших традиций советской сценографии — Ф. Ниродом, А. Лушиным, А. Арефьевым, С. Вирсаладзе, А. Васильевым, П. Лапишвили, представлены работы художников среднего поколения — В. Левенталя, Э. Стенберга, М. Ромадина, Б. Мессерера, Е. Лысика, Д. Матейтене и других. Работы молодых занимают на выставке почти половину экспонатов. Фантазия, театральная условность, поиски формальных решений, без которых немислим язык сцены, дали возможность молодым художникам более свободно использовать свою индивидуальность, свои способности и на равных соперничать в творческом поиске с известными мастерами. Что, к сожалению, не наблюдается в других видах искусства, где приток новых, свежих сил минимален. В декорационном искусстве сложились благоприятные условия для здоровой творческой конкуренции, бесконечного поиска неизвестного, новаторского в искусстве.

Казалось бы, что еще нового можно придумать в оформлении классической чеховской «Чайки»?

Однако оформление спектакля зависит от оригинального прочтения пьесы, от индивидуального видения режиссера и художника.

Убийство

Николай ЛЕЛИКОВ

РЕБЕНОК

Из многих уголовных историй, с которыми доводилось знакомиться, история похищения и возвращения девочки Даши, пожалуй, самая уникальная. Выделяется она и масштабами розыска, и мотивами преступления, и единодушием, что, согласитесь, нечасто бывает, обвинения и защиты на судебном процессе.

Днем 30 сентября 1986 года Галина П. (фамилии тех, чью личную жизнь придется затронуть, опускаем) с месячной дочкой Дашей возвращалась из поликлиники. По дороге, оставив коляску с ребенком у входа, зашла в магазин «Одежда». В магазине пробыла минуты две. Когда вышла — ни коляски, ни дочки не было.

Посмотрела по обе стороны улицы — никого не видно. Только по проезжей части мчится поток машин. Обежала вокруг дома, заглянула во двор — тоже никого. Вернулась назад, увидела телефон-автомат, набрала 02. После того, как дежурный по городу записал ее сообщение, почувствовала, что сил совсем не осталось. Голова кружилась, ноги подкашивались.

Ее обступили люди, стали участливо расспрашивать, кто-то принес стакан воды. Калейдоскоп лиц, слов, восклицаний воспринимался расплывчато, словно сквозь сон.

Дежурная бригада милиции прибыла на место происшествия через пять минут после звонка. Двое сотрудников остались у магазина, двое побежали во двор. Навстречу им из парадного вышла пожилая женщина. Да, красную коляску видела, она и сейчас стоит в парадном. Кто-то поставил ее почти впритык к двери. Такая неосторожность!

Привели Галину. Увидев свою коляску пустой, она снова едва не лишилась чувств.

Вызвали сотрудника со служебной собакой. Обнюхав коляску, она пробежала через несколько дворов, снова вывела на улицу и там у кромки тротуара остановилась. Это означало, что здесь похититель или похитители сели в машину.

Поиск по горячим следам почти ничего не прояснил. Киевское городское управление милиции дало ориентировку всем райотделам, отделениям и постам. По ВЧ о похищении сообщили в Министерство внутренних дел СССР. Был объявлен всесоюзный розыск.

Старший следователь Днепровского райотдела Александр Назаренко открыл уголовное дело. Начал, как обычно, с поиска свидетелей. Происшествие случилось в многолюдном городе среди бела дня. Не мог же, в самом деле, никто ничего не видеть.

Оперативные работники первым делом опросили тех, кто приблизительно в одно время с Галиной был в поликлинике, кто живет в доме, в парадном которого нашли коляску.

Три пенсионерки, сидевшие на скамейке в соседнем дворе, показали, что заметили такси. Промчалось оно мимо них так быстро, что они даже в разговоре это отметили. Но оказалось, что к тому времени о похищении ребенка они уже слышали. Не то.

Галина вспомнила, что у пустых колясок возле поликлиники стоял пожилой седоголовый мужчина. Что он там делал, неизвестно. Следователь взял мужчину на заметку.

Две свидетельницы рассказали, что видели странную женщину, которая медленно прогуливалась по тротуару напротив поликлиники. Она привлекла внимание расклеванными, вышедшими из моды брюками. Другие приметы: среднего роста, стройная, лет тридцати, в коричневом клетчатом плаще и берете.

Свидетельница, проживающая в доме за магазином, показала, что из окна квартиры видела, как женщина именно с такими приметам катилась по двору коляску. Очень быстро катила.

Уже похоже на след. На основании этих двух показаний в экспертно-криминалистическом отделе городского управления изготовили рисованный портрет предполагаемой похитительницы, размножили тысячами фотокопий. Таким же способом сделали и размножили портрет Даши, сфотографировать которую родители не успели. Увы, это мало что дало. Портрет похитительницы, как потом оказалось, получился мало похожим — видели ее свидетельницы издали. Младенцы же, наоборот, все похожи один на другого.

На коляске обнаружили два отпечатка пальцев неизвестного лица. Но с чем их идентифицировать? В городской картотеке таких не было. Те, кто там значится, похищают отнюдь не детей.

Вполне возможно, решил следователь, похищение как-то связано с историей жизни супругов П. И Галина, и ее муж Александр решительно заявили, что подозревать им некого. Следователь тем не менее заинтересовался их знакомствами до брака. Александр назвал девушку-киевлянку, Галина пар-

ня из Казахстана, который даже делал ей предложение. Обоих проверили. Деликатно, так, что они даже не подозревали об этом. Нет, никого из них с ребенком не видели.

Десять дней, установленные для рассмотрения милицией заявлений граждан, истекли. Дальнейший розыск силами только райотдела мог оказаться бесперспективным. И тогда для расследования похищения Даши при городском управлении была создана специальная бригада во главе с капитаном Владимиром Шевченко. В нее вошли и Назаренко, и представители от каждого райотдела.

В Ессентуках проживает гражданка Ольга Т. Три года назад в Минске ее задержали с похищенным ребенком. Опрос Ольги ничего не дал.

К Георгию Г., киевлянину цыганской национальности, приезжает женщина с ребенком. Косвенной проверкой устанавливается, что ребенок действительно ее, да и возрастом старше одного месяца. Не то.

В Херсоне неизвестная женщина на время оставляет во дворе частного дома коляску с ребенком и не возвращается. Возраст и пол ребенка совпадают. Вместе с сотрудником милиции Галина едет в Херсон. Снова не то.

Забегая вперед, скажем, что еще семь раз Галя или Александр П. выезжали на опознание в другие города. Опять и опять не то.

Обработка версий, как говорят профессионалы, продолжалась по разным направлениям.

Проверялись все лица, которые после похищения Даши стали получать продукты в детских кухнях, покупать молоко у хозяек коров и коз.

Проверялись родильные дома и отделения больниц, люди, обращавшиеся с заявлениями на усыновление ребенка. Опять-таки косвенно, тактично, без беспокойства.

Опрашивались все водители городского транспорта, работавшие в день похищения Даши. По подсчетам, сделанным позднее, таких опросов оказалось 25 тысяч. И ничего существенного. Именно нужного таксиста среди опрошенных не было. То ли милиция просчет допустила, то ли водитель промолчал, не желая давать показания, — не установлено. Но позднее похитительница

ца на допросе показала, что остановила именно такси.

В загсах города проверялись все записи новорожденных, сделанные начиная с 30 сентября. Именно начиная со дня похищения, это существенно.

Участковые через домовые комитеты, дворников собрали сведения о всех новорожденных киевлянах, появившихся в домах примерно в период похищения. Неопределенные сведения перепроверялись и уточнялись. Нигде ничего подозрительного.

Так же косвенно проверили и Лену П., мать маленькой Танечки, снимавшую квартиру в доме по улице Маршала Малиновского. Как выяснилось, родилась Танечка у нее преждевременно, долго находилась в больнице. Мать тем временем купила для нее коляску, набор одежды, пеленок. Дворник даже видел у нее свидетельство о рождении Танечки. Это было еще до похищения, когда Танечка находилась в больнице. Лену оставили в покое.

28 октября, основываясь на том, что все необходимые операции выполнены, Шевченко приостанавливает следствие. Лишь выставленная в отделе контроля карточка напоминает сотрудникам городского управления, что маленькая Даша не найдена.

Минуло восемь месяцев. Прокурор Радянского района г. Киева В. Б. Танцора в порядке надзора просматривал судебные дела. В деле о разводе Леонида П. указывалось, что его жена Елена якобы родила недоношенную девочку. По ее словам, роды принимала на дому врач Кайская и получила за это 900 рублей. Адреса и точного места жительства Кайской Елена не помнит. Леонид факт рождения ребенка отрицает. Говорит, что из него хотят сделать козла отпущения, да еще платящего алименты.

Незаконный прием родов за крупную взятку — преступление серьезное. Прокурор поручает райотделу милиции расследовать обстоятельства. Майор службы БХСС В. А. Каминский (взялки — это по его части) ищет Кайскую настойчиво и безуспешно. В конце концов выясняется, что такого врача вообще в Киеве нет.

Зато в городском Дворце регистрации браков и новорожденных хранится справка о рождении 21 августа 1986

года у Елены П. девочки. Справка под-писана фамилией Кайская, датирована 27 августа, на бланке стоит печать районной больницы города Шарья Костромской области. На основании этого документа Елене выдано свидетельство о рождении дочери Татьяны, выдано 28 августа, то есть за месяц до похищения Даши. Увидеть связь между этими двумя фактами трудно.

По показаниям Леонида в Шарьинской больнице Елена долгое время работала. Сначала медсестрой, потом освобожденным секретарем комсомольской организации. Справка, утверждает Леонид, липовая, написана ее рукой.

Обо всем этом Каминский докладывает начальнику райотдела В. М. Савчуку. Предположение, что, возможно, Таня П., если она существует, и есть похищенная Даша, высказывает осторожно, неуверенно. Существует серьезное обстоятельство, противоречащее такому предположению. В Киевской городской больнице № 22 медсестра Елена П. числится в декретном отпуске. Именно в связи с рождением Тани. Но вместе с тем беременной ее там никто не видел. Более того, в день родов и в течение недели после них ей протабелирован выход на работу. Отпуск же предоставлен на основании свидетельства о рождении ребенка.

После, на судебном следствии, работники отдела кадров и бухгалтерии больницы объяснили, как могло такое случиться. Директор Дворца регистрации браков и новорожденных Н. К. Карпова доказала, что при существующей практике вполне можно выдать свидетельство о рождении несуществующего ребенка. Это обстоятельство, способствовавшее в немалой степени совершению преступления, отметил суд, разумеется, в конкретной расшифровке, в своем частном определении.

Савчук берет в городском управлении разрешение командировать Каминского в Шарью. Там майор устанавливает, что Таня Р. родилась в Киеве. Шарьинская больница родов не принимала, справку не выдавала, врача Кайской там тоже нет. На учет в поликлинике девочка взята в первой половине октября, через десять дней после похищения Даши. В медицинской карточке есть выписка из истории ее лечения в Киеве. Написана на обычном листе белой бумаги без штампа и печати, как уже на глазу определяет Каминский, рукою Елены.

Майор уточняет группу крови девочки, незаметно берет отпечатки пальцев у «матери» и возвращается в Киев. После медицинской, графологической и дактилоскопической экспертиз предположение перерастает в уверенность. Специальная бригада милиции, возглавляемая подполковником В. Ф. Поленовой, вместе с родителями Даши едет в Шарью на опознание.

На этот раз — без осечки. При соблюдении всех формальностей, в присутствии понятых Александр и Галина П. опознают свою дочь.

За два дня до этого Даше исполнился год. Благодарная мать со слезами на глазах сказала:

— Теперь мы будем праздновать Дашенькины именины дважды. Второй раз — на День советской милиции.

— В этот момент, — рассказывала позже мне Поленова, — мы все пережили психологический стресс. Даже у закаленных, выдавших виды розыскников на глазах блеснули слезы. Еще один человек был поражен случившимся, словно ударом олуха. Отец Елены, машинист с тридцатилетним стажем, уважаемый в Шарье рабочий, который во внучке души не чаял.

Дальнейшее расследование продвигалось быстро. Елена ни в чем не записалась, свидетели охотно рассказывали все, что знали. В конце минувшего года состоялось судебное следствие. Оно пролило на случившееся новый свет.

Прежде всего похищение ребенка никак не вязалось с личностью Елены П., со всей ее прежней жизнью. Отличные характеристики, грамоты, благодарности отовсюду, где училась и работала.

Даже из пионерлагеря, в котором отдыхала в детстве, даже из колхоза, куда ездила на уборку урожая. Даже из киевской больницы, где обманом оформила незаконный декретный отпуск. Везде отмечались добросовестность Елены, ее серьезное и ответственное отношение к любому делу. Эта черта характера и сыграла впоследствии роковую роль в ее преступлении.

Избиралась Лена депутатом Шарьинского городского Совета, награждена знаком ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки», принята в партию. И такое вытворяла! Правда, все успехи Лены в основном связаны с работой, а вот личная жизнь не заладилась.

Если бы за год до похищения кто-нибудь сказал Елене, что с ней произойдет подобное, она сочла бы это бредом сумасшедшего, или, по доброте характера, неудавшейся шуткой. Но именно тогда все и началось.

В Трускавце Елена познакомилась с Леонидом П. Приехала туда потому, что предложили путевку — Шарью выбором не балуют. Он лечил расстроенную алкоголем печень. Деньги на поездку ему дала киевская подруга, кандидат наук Людмила Л., с которой он собирался расписаться. Чтобы не скучно было на курорте, прихватил в долг 300 рублей и у знакомых Людмилы.

Эти подробности Леонид, разумеется, Елене не сообщил. Сказал лишь, что разошелся с женой (что соответствовало истине), которая его не понимала (что неверно, ибо разрыв произошел как раз потому, что очень хорошо понимала). Еще рассказывал о своей журналистской работе, о плавании за границу помощником капитана. Елена была очарована. Еще бы! Журналист из Киева, такой умный и тонкий, такой одинокий и неухоженный, предложил ей руку и сердце! Что из того, что он на тринадцать лет старше? Пустое. К согласию пришли быстро. Она привыкла верить словам, он — не придавать им значения. Простились ненадолго, потому что Леонид обещал скоро приехать в Шарью, с тем и вернулся в Киев.

Людмила встретила холодно. Прежде всего потребовала вернуть долг знакомым. Он в принципе не возражал. Только где взять деньги?

— Поеду на заработки, — сказал Людмиле твердо и подался в Шарью.

Елене объяснил, что для начала семейной жизни нужны деньги, журналистом много не заработаешь. Она не спорила. Помогла ему устроиться на работу в бригаду шабашников, рада была прежде всего его приезду. Правда, ее родители жениху не обрадовались, очень уж помятым выглядел журналист. И лицом, и одеждой.

Елена проявила характер. Сняла комнату, поселилась в ней с Леонидом. Через некоторое время они подали заявление в загс.

Людмиле Леонид периодически отправлял телеграммы, в которых сообщал, что работает и скучает, ждет не дожидается встречи. Одну телеграмму сочинил неудачно, переусердствовал. Написал, что порвал связки, лежал в больнице, потому задерживается. Людмила возьми да и позвони в больницу. Ничего подобного, ответили ей, здоровехонек и собирается жениться. Тут уж она дозвонилась и до него, после чего он срочно помчался в Киев. Елена пообещал быстро все уладить и вернуться к свадьбе.

Действительно, 30 декабря опять объявился в Шарье. 4 января сыграли свадьбу. Пятого Елена получила от Людмилы такую телеграмму, что едва не остолбенева. Аналогичные телеграммы пришли в больницу, где она работала, в горком комсомола, где получала зарплату, в редакцию местной газеты «Ветлужский край». Леонида очень взволновало в них то место, где упоминался райком партии и его будущее персональное дело.

Клятвенно заверив жену, что все происходящее не более чем недоразумение, молодой муж оставил ее на четвертый день медового месяца.

— Сплошно вранье, никакой свадь-

бы не было, — сказал он Людмиле, встретившись с ней в Киеве, и в доказательство показал непроштампованный паспорт.

Следствие до конца в этом вопросе так и не разобралось, поэтому нельзя точно сказать, что за этим кроется — служебная халатность, безответственная доброта или преступление. Но факт остается фактом: выдал свидетельство о браке, Шарьинский загс не засвидетельствовал это штампом в паспорте мужа.

Елена очень огорчилась скорым отъездом Леонида. Тут бы ей опомниться, спохватиться. Но она же, помните, относилась ко всему ответственно, серьезно и в других предпологала наличие такого качества. Женится же на ней Леонид. Неужели просто так, походя? Видно, и впрямь у него что-то стряслось, уговаривала себя, не корить его надо, а поддержать.

Родителям, знакомым сказала, что мужа позвали в Киев срочные журналистские дела. Когда разберется с ними, они вместе уедут работать на Север. Такая договоренность между ними и вправду была. Она и запросы об устройстве на работу отправляла — в Инту, в Ухту, в Комсомольск-на-Амуре. И терзала, терзала себя думами.

Не выдержала, в начале февраля приехала к нему в Киев. Муж приветствовал горькой улыбкой.

— Вот, — сказал, открыв пустой холодильник, — даже угостить тебя нечем.

— Не беспокойся, Ленечка, — засуетилась она. — Вот кулебяка с капустой, сама пекла. Я в магазин сейчас сбегаю.

Он не возражал. Придя из магазина, увидела в створе запертых дверей записку: «Извини, уехал в командировку — срочное задание редакции».

Побродив по городу, поплакав на скамейке, Елена вернулась домой. Родственникам и знакомым рассказывала, что с мужем объяснилась, у него срочное журналистское задание — пишет статью о бригадном подряде.

Он и впрямь в это время писал. Заявление на развод и письмо Елене, в котором сообщал, что возмущен ее приездом, что подобной слежки за собой не потерпит, что обманулся в ожиданиях — ей нужна лишь его киевская квартира, а не он.

Со времени свадьбы прошло полтора месяца. Письмо принадлежало не мальчику — сорокалетнему человеку. Достаточно, кажется, всем все ясно. Всем, кроме Лены. Она решает бороться за своего Леню, доказать, что любит, что нужен ей только он, а не его квартира. Выходила за него, единственного, и не на месяц — навсегда. Как же так сразу?

Пишет еще запросы в северные города. Продолжала играть роль счастливой жены преуспевающего журналиста, признается ближайшим подругам, что ждет ребенка. Выдумывает разные детали их счастливой семейной жизни, не зная еще, что уже сама себе расставила сети.

Елена берет на работе расчет, родителям объясняет, что едет к мужу и вместе с ним отправляется на Север. Приехала. Муж в квартиру не пустил. Сняла квартиру на два месяца. Предъявив свидетельство о браке и справку о прописке мужа, устроилась на работу. И переживала, не зная, что делать с выдуманным ребенком, как оправдаться.

Смутно план обрисовался еще в Шарье. Бланк справки о рождении знакомая медсестра подарила ей легко, без колебаний. Заполнила справку сама и, собравшись с духом, отправилась в киевский Дворец регистрации новорожденных. Там прошло все как по маслу. На улицу она вышла с новым, подлинным свидетельством о рождении дочки.

Сразу сообщила родителям, что родила недоношенную девочку, которая находится в больнице. На работе, узнав, что через две недели после устройства Елена родила ребенка, ахнули. И признали невероятное, потому что она показала свидетельство о рождении.

Теперь ей нужен был ребенок — родителям свидетельством его не заменишь.

Приехала мать. Стала требовать, чтобы дочь показала ей внучку. Елена объясняла, что нельзя, что в больнице карантин. К тому же истек срок найма квартиры, кончались и деньги. Что делать дальше? Конечно же, возвращаться домой, в Шарью, подальше от этого кошмара. Но что сказать дома? Как объяснить, где ее ребенок? Признаться во всем? Этот простой выход казался ей ужасным, страшнее самой смерти. Вот тогда она и решилась на поступок, отчаянный и бесчеловечный. Супруги П. уж никак не были повинны в ее бедах.

С украденной Дашей вернулась в Шарью. Леониду претензий больше не предъявляла: разошлись так разошлись. Зато у нее осталась «дочка». Всю неразделенную, нерастраченную любовь отдала ей.

Если бы не регистрация девочки до похищения, возможно, милиция раньше бы нашла Дашу. А тут случай из ряда вон выходящий. Розыск длился одиннадцать месяцев.

Судебное разбирательство, хотя вопрос в главных чертах был совершенно ясен всем, тянулось неделю. Суд скрупулезно выяснял все детали, все обстоятельства случившегося.

В Уголовном кодексе РСФСР статья, по которой обвинялась Елена, состоит из двух частей. В одном случае, при корыстных мотивах преступления, предусматривается наказание до пяти лет лишения свободы, в другом — куда более мягкое. А в украинском кодексе одна часть — до пяти лет.

Наконец, следствие закончено. Слово берет государственный обвинитель Надежда Михайловна Лысенко. Говорит о тяжести преступления, о горе, которое принесла подсудимая родителям Даши. Потом переходит к обстоятельствам дела, к личности Елены.

— В результате всего сказанного, — подытоживает она свои мысли, — считаю возможным применить статью 44 Уголовного кодекса УССР...

Если бы журналистам разрешалось выражать в зале суда свои эмоции, я, наверное, зааплодировал бы прокурору. Статья 44 предусматривает наказание меньше меньшего предела, установленного законом.

— И приговорить, — продолжала Надежда Михайловна, — подсудимую к двум годам исправительных работ, с обязательным привлечением к труду и удержанием 20 процентов заработка в доход государства.

Адвокатам, которые очень старательно готовились к процессу и запаслись даже цитатами из А. Ф. Кони и Овидия, спорить было не с чем и не с кем. Они тоже просили суд избрать Елене меру наказания, не связанную с лишением свободы.

Киевский городской суд под председательством Н. Л. Кузьмина удовлетворил единодушное ходатайство обвинения и защиты. Корыстные мотивы, посягательство Елены на жилплощадь мужа он решительно отверг.

Суд закончился. Приговор утвержден. Маленькая Даша после головоломных приключений, о которых она не знает, живет с настоящими родителями.

Леонид считает, что именно он помог розыску. Когда же председательствующий спросил, чувствует ли он хоть какую-то свою моральную вину в случившемся, твердо ответил:

— Нет. Она хотела забрать мою квартиру, и я же должен быть виноватым?

Лично я этим его словам не верю. Скорее всего, старается выдержать марку — не может он не понимать, что своей нечистоплотностью, безответственностью невольно способствовал преступлению.

Елена П. вернулась в Шарью, работает в больнице. Попадать на больницу койку я никому не желаю, но уж если доведется, хорошо будет, если рядом окажется такая медсестра, как Елена.

Рэй Брэдбери, «Вино из одуванчиков». Харпер Ли, «Убить пересмешника...». Дж. Сэлинджер, «Над пропастью во ржи». Три разных писателя, три непохожие судьбы, три неодинаковые книги. Но одно пронзительное, роднящее эти книги чувство — обнаженной, острой боли за малых сих: что с ними будет, когда их захлестнет волна взрослой жизни, выживут ли они, сумеют ли сохранить в себе неподдельную честность детских мер правды и доброты. И чувство страха: неужто же только изменой детству, его идеалам, забвением незабываемого, неужто же только такой жестокой ценой человек может сохраниться, выжить в море стандартных установлений, правил, которые выдуманы будто нарочно, чтобы убить детство.

И кто придумал эти правила? Надо же — бывшие дети, ныне взрослые!

Не правда ли, удивительный парадокс: главные недруги детей — те, кто ими когда-то был. Вбив себе в голову, возомнив почему-то, что правила детства существуют только для детства, да и то эти правила ошибочны, взрослое большинство навязывает свой кодекс поведения, понятный ему, и если бы одна только глупость, или жестокость, или непонимание руководили им! Нет, нет, в том-то вся и беда, что очень часто взрослые движимы лучшими чувствами, благими намерениями, даже любовью, и вот именем любви, изо всех сил стараясь помочь детям, они почему-то зря выжигают эту самую любовь в яростном старании сделать из детей людей.

Будто дети не люди! Лев Николаевич Толстой так представлял себе типичное взрослое заблуждение:

«В этом заключается вечная ошибка всех педагогических теорий. Мы видим свой идеал впереди, когда он стоит сзади нас. (...) Здоровый ребенок родится на свет, вполне удовлетворяя тем требованиям безусловной гармонии в отношении правды, красоты и добра, которые мы носим в себе; он близок к неодушевленному существованию — к растению, к животному, к природе, которая постоянно представляет для нас ту правду, красоту и добро, которых мы ищем и желаем. Во все века и у всех людей ребенок представлялся образцом невинности, безгрешности, добра, правды и красоты. Человек родится совершенным, — есть великое слово, сказанное Руссо, и слово это, как камень, останется твердым и истинным. Родившись, человек представляет собой первообраз гармонии правды, красоты и добра. Но каждый час в жизни, каждая минута времени увеличивают пространства, количества и время тех отношений, которые во время его рождения находились в совершенной гармонии, и каждый последующий шаг и каждый последующий час грозит новым нарушением и не дает надежды восстановления нарушенной гармонии.

Большой частью воспитатели выпускают из виду, что детский возраст есть первообраз гармонии, и развитие ребенка, которое независимо идет по неизменным законам, принимают за цель».

Первообраз гармонии правды, красоты и добра...

Повторим же еще и еще раз эти слова, задумаемся не в поверхностный смысл формулы, но взглянем в глубины представления, в существо мысли и положения, обернем вспять нашу повзрослевшую память, чтобы вспомнить себя и невозвратную жизнь, невыцветающую от времени, всегда озаренную солнцем, напоенную запахами цветов, спеленного дерева или угля,

Альберт ЛИХАНОВ

волшебна таинственную, полную шорохов невидимых существ, движений живых трав, манящую, дарящую откровение, радость, но и страх, но и непонимание, но и боль — обернем нашу память вспять к детству, и я не сомневаюсь — всякий раз, сколько бы ни возвращались туда, первое чувство, которое одолевает нормального человека, — тоска по невозвратности, страдание от необратимости времени и бытия и желание очистить, очистить, очистить свою взрослую жизнь пусть наивными, зато такими чистыми идеалами собственного детства...

Эта мысль не названа впрямую в книгах Брэдбери, Ли, Сэлинджера, но она — главные стропила их сочинений, внутренняя основа, на которой все держится, атмосфера, в которой только и может дышать действие. «Вино из одуванчиков», «Убить пересмешника...», «Над пропастью во ржи» — три блестящих гуманистических панегирика в защиту детства, три гимны человечности, три адвокатские речи в пользу доброты, любви и добросердечия.

Но только ли? Власть подлинного искусства заключена в яркости образных представлений. Однако подлинным шедевром сочинение может стать лишь при том условии, что яркая образность сливает-

ся в глубокую философскую концепцию.

Не думая о том насколько, ничтоточки не заботясь об этом, Брэдбери, Ли и Сэлинджер представляют нам с вами свои личные философские выводы, которые обладают свойствами вовсе не философски-уравновешенными — они врываются, не спросив, в наши сердца, в наши души, заставляя нас содрогаться от чувства справедливости и несправедливости, от боли и радости, от смеха и тоски.

В чем же суть этих философий? Главная общая идея всех трех книг, как, впрочем, истинно гуманистических произведений литературы и искусства вообще, прикасающихся к теме детства и — добавим — старости, есть защита, охранение тех, кто — еще или уже — слаб, нуждается в поддержке, в помощи, в духовной силе всех, кто силой такой обладает.

Дети и старики. Старики и дети. Два этих возраста можно уподобить двум Великим Озерам, сообщающимся между собой стремительной рекой взрослого бытия. Многим кажется, что река эта и есть главный стержень жизни, а опровергнуть такое утверждение не всегда просто, потому что взрослому миру многое дано и многое на него возложено, однако детство и старость обладают двумя свойствами, перед ко-

торыми надобно отступить, которые следует осмыслить и не забывать ни на день — Начальностью и Конечностью всего сущего. То есть нас самих.

Глупы ли, жестоки ли, неправедны ли взрослые, — причинность не имеет равно никакого значения! — они всегда одинаково не правы и немудры, если позволяют себе такую нищенскую роскошь, такое ничтожное расточительство — не помнить, попирать, не уважать, унижать, отвергать, не любить, отталкивать человеческую Конечность, иными словами — самих себя, свое начало и конец.

Казалось бы, все так просто — помни лишь самого себя в детстве, предполагая собственную же старость, ан нет, взрослый мир часто демонстрирует поразительное безрассудство, чудовищный эгоизм, и примеры конкретного бытия дарят нам, увы, печальные образцы взрослого отмежевания от детства и старости, глупейшего возведения плотин перед Озерами детства и старости, будто эти взрослые умышленно норовят остановить скорость реки собственной жизни.

Нет, это еще никому не удалось — замедлить течение жизни и пожить дольше благодаря ожесточению, злобе, нетерпимости, обращенным к слабым мира сего. Жизнь можно продлить лишь одним, благородным способом,

ПАЖАРЫ

Рисунок Елены Флеровой

ДОБРОТЫ

сея любовь и добрую память в душах тех, кто идет след за нами, и таким образом продлевая свое духовное существование.

Обратите внимание: великая, пусть и не новая, философская мысль о мостах, перекинутых жизнью между детством и старостью, кажется едва ли не несущей конструкцией во всех трех книгах — «Вино из одуванчиков», «Убить пересмешника...» и «Над пропастью во ржи». Рэй Брэдбери, всемирно известный фантаст, даже становится скрупулезным натуралистом, описывая похожую непохожесть старости и детства. Старая миссис Бентли хоть и названа им женщиной бережливой, но примета эта выглядит совсем по-детски: «У нее хранились старые билеты, театральные программы, обрывки кружев, шарфики, железнодорожные пересадочные билеты» — то, что взрослые оценят как странность возраста, а дети — как настоящую ценность важных для них, понимаемых ими вещей. Зато вот они не понимают, отчего миссис Бентли в самую жару, когда с них пот катит градом, вовсе не жарко, — это признак старости. И никак не понять Тому Сполдингу, Джейн и Элис, что миссис Бентли когда-то звали Элен и когда-то она была маленькой девочкой. Старая женщина показывает им колечко, которое носила в детстве, маленькую гребенку, ко-

торой когда-то расчесывала волосы, свою детскую фотографию, но сознание маленьких людей, пока что скованное сном детского непонимания, не может представить такое простое: дети, прожив жизнь, становятся стариками. Они скажут: «Нет, эти старые вороны никогда не были ласточками, эти совы не могли быть иволгами, эти попугаи не были певчими дроздами». Да, да, придет день — и вы станете такими же, как я!» «Ну нет, — ответили девочки. — Ведь правда, этого не может быть?» — спрашивали они друг друга. «Вот увидите», — сказала миссис Бентли. А про себя думала, господи боже, дети есть дети, а старухи есть старухи, и между ними пропасть. Они не могут представить себе, как меняется человек, если не видели этого собственными глазами».

Нет, напрасно волнуется миссис Бентли: рано ли, поздно ли детство освободится от собственных иллюзий. Но в этом освобождении всегда заключена какая-то тоска, неболтливая боль — неболтливая потому, что у детства еще нет слов для выражения этой боли, и высшая мудрость взрослых — почувствовать молчаливое страдание взрослого, не торопя его, не подгоняя стайки малышей к взрослому водопою точных знаний, лишенных наивности.

Мне кажется, именно по этой про-

стой, но важной причине миссис Бентли мудро уступает малышам, вступая в горькую для себя, но спасительную для детей игру и разыгрывая спектакль, радующий детей и утешающий ее сердце тем, что ей-то дано знать настоящий ответ:

«— Сколько вам лет, миссис Бентли?»

— Семьдесят два.

— А сколько вам было пятьдесят лет назад?

— Семьдесят два.

— И вы никогда не были молодой и никогда не носили лент и вот таких платьев?

— Никогда.

— А как вас зовут?

— Миссис Бентли.

— И вы всю жизнь прожили в этом доме?

— Всю жизнь.

— И никогда не были хорошенькой?

— Никогда.

— Никогда-никогда за тысячу миллионов лет?

В душевной тишине летнего полудня девочки пылливо склонились к старой женщине и ждали ответа.

— Никогда, — отвечала миссис Бентли. — Никогда-никогда за тысячу миллионов лет».

Впрочем, нет ли в этом щедром сроке — тысяча миллионов лет — доброй

правды детства, когда жизнь кажется бесконечной не только для маленьких, но и дарована всем остальным, как бы утверждая бесконечность миссис Бентли и всего сущего на земле — столь удивительного, красочного и неповторимого, что это волшебство просто не имеет права когда-то кончиться. Не заключен ли в таком представлении тот самый толстовский первообраз гармонии правды, красоты и добра? Не заключена ли в жестком детском неверии вселенская вера в общий мир всего живого? Нет ли высшей правды в наивности детей, которая, конечно, не может удержать взрослых от безумий всякого рода, включая самоуничтожение, но способна внушить мысль о подлинной истине, которая есть цельность и первородная ценность мира? Не оказывается ли ребенок в нашем безумном мире носителем правды высшей степени — всей своей сутью, всем своим существованием, включая наивную веру в вечность и доброту?

Харпер Ли и Сэлинджер — каждый по-своему — развивают и укрепляют мысль о том, что из всех хрупких ценностей мира самой ломкой оказывается душа ребенка, отрока, юноши. Вульгарная педагогика и торопливая взрослость с трагической недоверчивостью склонны полагать детство незрелостью, рассматривая поступки детей как лишь деяния характеров. Характер, нрав, личность, спору нет, действуют в ранней жизни человека с предельной открытостью, но «нравное» поведение объективно-то диктуется жизнью и влиянием окружающих взрослых или детей, «продолжающих» взрослых, копирующих их и добрую, и дурную суть. Искать корни детских бед, как, впрочем, находить истоки детских достоинств, следует в мире взрослых, не принося детской душ до уровня неспелых, а оттого кислых плодов.

Никто — никакой педагог, никакой

мудрец — не в силах сказать, когда и в чем наступила зрелость, в чем человек, начинающий жизнь, еще не способен разоблачить, а что он чувствует основательней и глубже любого взрослого. В тонких этих измерениях наука сдается, уступая право суждения литературе, искусству, где по самой природе этих видов человеческого познания важны тенденции, а не точный расчет, чувство, интуиция, а не гарантированное обоснование, логика поступков и антилобика слез и смеха, а не фармацевтическая взвешенность.

И оказывается: эта власть раскрепощенной художественной мысли нам важнее, дороже, а по смыслу — гораздо существеннее многого иного.

Вот история Холдена Колфилда, американского отрока, который никак не уживается с приятелями по школе, который никак не возьмет в толк разумные проповеди родителей и учителей, который рад бы найти утешение в первой любви, да его корчит от лживости его подруги, создавшей в своих мечтах стандартный идеал взрослой будущей, не вызывающий у Холдена ничего, кроме отвращения, который пытается приобщиться к запретным плодам взрослой жизни и терпит поражение за поражением. Мечущийся, на каждом шагу получающий пощечины неудач, одинокий этот волчонок, как ни удивительно, не существует лишь только на этой земле, никому не нужный, а мыслит, живет глубоко духовной жизнью, руководствуясь идеалом высокой нравственной силы. В сумятице, окружающей его, он выбирает абсолютно точную цель, продиктованную не ненавистью — это было бы так легко и объяснимо, — а любовью. Его любовь распространяется на всех малышей, хотя он и сам-то всего лишь отрок, «гадкий утенок», еще и не подозревающий, что станет прекрасным лебедем, это все за гранью повествования, — так вот, его любовь обращена ко всем, кто младше его, — к умершему брату Алли, к сестренке Фиби, к незнакомой девочке, которой он поправляет коньки, к малышу, который упорно шагал не рядом с родителями, по тротуару, а по мостовой, и пел негромко — для себя пел — эту песенку: «Если ты ловил кого-то вечером во ржи...» И, может быть, эта любовь к младшим не случайна в Холдене, может быть, она родилась в безвоздушном пространстве нелюбви и равнодушия к нему, Холдену, как самый естественный ответ на нее.

Чувствуя нелюбовь, он хотел любить. Жаждал этой любви. И вовсе не необыкновенной любви к девочке жаждет большое сердце небольшого мальчишки, а великой, незыскующей любви к тем, кто ее, этой любви, не ждет и не просит и тем не менее остро нуждается в ней — о нужде этой Холден скажет так своей сестренке Фиби: «...Понимаешь, я себе представил, как маленькие ребятки играют вечером в огромном поле, во ржи. Тысячи малышей и кругом — ни души, ни одного взрослого, кроме меня. А я стою на самом краю обрыва, над пропастью, понимаешь? И мое дело — ловить ребяткишек, чтобы они не сорвались в пропасть. Понимаешь, они играют и не видят, куда бегут, а тут я подбегаю и ловлю их, чтобы они не сорвались. Вот и вся моя работа. Стеречь ребят над пропастью во ржи. Знаю, это глупости, но это единственное, чего мне хочется по-настоящему. Наверное, я дурак».

Нет, он не дурак. И дело не в том, что у него умное сердце. Умное — еще не всегда горячее. У Холдена, мальчишки, жаждущего спасти других, — горячее, неравнодушное сердце, всем своим ритмом протестующее против рассудочно-го послы, процитированного в этой же книге: «Признак незрелости человека — то, что он хочет благородно умереть за правое дело, а признак зрелости — то, что он хочет смиренно жить ради правого дела».

В противостоянии с обывательским эгоизмом и уравновешенностью живет подросток Холден, не будущий чело-

век, а человек, не слабый отрок, но зрелая личность, и это при том, что окружающим его взрослым и сверстникам внешне его поведение кажется вопиющим образцом непоследовательности, пренебрежения, семейного да и общественного вызова.

Как же часто, вдаваясь в подробности внешней линии поведения, взрослый мир безнадежно беспомощен, не понимая мотивов этого поведения, не принимая в расчет, не анализируя поведения внутреннего, так сказать, истории поступков и им предшествующих мыслей. Книга Сэлинджера, таким образом, исполняет двойные обязанности — защищает отрочество от взрослого непонимания, объясняя растущего человека, и утверждает право на защиту детства даже человеком несовершеннолетним. Вообще совершенное, как бы утверждает книга «Над пропастью во ржи», понятие не возрастное, а духовное. Право на защиту имеет не взрослый, а тот, кто вырос духом, душевной своей добротой.

Холден — мальчик, у него, как водится говорить, все еще впереди, и за пределами книги, в расплывчатой дали предсказуемой, предугадываемой судьбы, можно разглядеть не легкую жизнь, но жизнь осмысленную, способную осчастливить многих слабых силой веры в них, надеждой на них, любви к ним.

Холден в будущем — это как бы материализованная мечта Толстого о первообразе правды, красоты и добра, только не оставшаяся в детстве, а реализованная осознанным взрослением. Впрочем, сама история Холдена, рассказанная Сэлинджером, все эти «тысяча миллионов» конфликтов, обрушившихся на него или же им самим на себя обрушенных, и есть история борьбы наивного, но чистого «первообраза» с теми отступлениями от истины, которые навязывает ему вступление во взрослость. Адаптация первообраза к окружающему его миру взрослых или рано усвоившему не самые достойные правила взрослой игры миру детей, конфликты, возникающие в соприкосновении двух разных норм бытия, и есть история отступления от идеала как в житейском, как в нравственном, так и в педагогическом смысле слова.

Мы создали для себя удобные понятия — переходный возраст, трудный возраст, — как бы объясняющие взрослым повышенную конфликтность, которую переживает чаще всего в отрочестве каждый растущий человек. Но не слишком ли утешительна терминология, оптом списывающая все проблемы на спасительную необъяснимость возраста? Может, речь идет о последних боях детства за свою чистоту против обкатывающих личность, срубающих со ствола все сучки индивидуальности взрослых — даже не правил — нормативов? Может, это «первообраз правды, красоты и добра» прощается с нами фейерверком разнообразных протестов? Может, это наш общий мир, мир детей, взрослых и стариков, справляет тризну по таким, увы, нетраурным потерям, как сокращение честности, убийство прямоты и откровенности, смерть веры и добросердечия, владение в летаргию отзывчивости и бескорыстия? Может, радость по случаю завершения переходного трудного возраста нелепа и вместо смеха были бы уместнее слезы, потому как покорность — или покоренность? — послушность, довольствование общепринятым, выверенность каждого шага, нежелание рисковать чаще всего означают не победу, а поражение взрослого мира? Что толку с того, что еще один не желающий рисковать вступил в уважающее себя царство равных! Что толку с того, что еще один разноцветный мир стал тусклее и похожее на миры иных одинаково дышащих и равно слышащих? Не потеряло ли человечество поэта, художника, ученого? И, напротив того, если внимательно взглянуть, не отыщем ли мы за благообразными лицами почтенных ученых и увенчанных лаврами поэтов, может, и состарившие-

ся, но вовсе не покоренные личности детей, оказавших сопротивление стандарту общепринятости, выдержавших борьбу за самих себя — за детскую наивность в понимании давно уже кем-то понятых и все же бесконечно непонятых явлений, вещей, понятий, страхов, предрассудков, ненавистей, очевидностей и любви к живому, к таланту, к наивному, ведь наивность — тайный смысл всех откровений, сулящих открытия.

Все три книги, о которых идет речь, кроме всего остального, — остросоциальные вещи. Однако же самая социальная среди них — «Убить пересмешника...». Ясности ради заметим, что пересмешник — это птица. Она ничего не требует, ничего не хочет, она только поет, доставляя людям радость и наслаждение, и вот почему-то кто-то хочет убить такую птицу... Впрочем, роман написан как бы от имени маленькой девочки по прозвищу Глазастик, и это прозвище не случайно. Глазастик видит все, что положено видеть маленькому человеку с небольшой высоты его роста и взглядом, полным наивной и невинной откровенности. Только здесь уже не один первообраз правды, красоты и добра, не только идеальная совершенность ребенка играют свою объективную роль, но и мудрый взрослый, отец девочки по имени Аттикус.

И здесь мы вплотную подходим к важнейшему повороту рассуждений. До сих пор, опираясь на суждение Толстого и полностью с ним солидаризируясь, я исходил из положения наиболее, увы, типического — первообраз, приходя в соприкосновение со взрослым миром, лишается индивидуальности, усилив общепринятых нормативов сводятся к тому, чтобы сивелировать особенности личности. Холден Сэлинджера страдает от прессинга стандарта требований, предъявляемых ему, и все его сопротивление — протест против этой изуряющей нормативности во тьме одиночества.

Аттикус, отец Глазастика и ее брата Джима, — совсем уже взрослый Холден Колфилд, можно построить и такую цепь. Он, конечно, совсем иной, но он остался таким, каким остался наверняка лишь потому, что в детстве, а потом в отрочестве выбрал для себя нечто подобное тому, что выбрал Холден Сэлинджера, — спасти ребят над пропастью во ржи. Только став взрослым, Аттикус решил спасти не одних лишь малышей, но и взрослых, но и негров, что не так-то просто было сделать на Юге США в 1935 году.

Указание этой даты требуется мне для уточнения исторической истины, а вовсе не для того, чтобы подчеркнуть — мол, роман этот из стародавних времен, нет, наоборот. Надо всячески утверждать, что взаимоотношения детства, взрослости и старости — вневременные понятия. Время вносит лишь свои коррективы в характер этих взаимоотношений, дарует человеческие связи новые психологические оттенки. Честность, верность, надежность, говоря более возвышенными, философскими категориями Толстого — правда, красота, добро, — категории постоянные, вечные, нужные любому народу, — так вот, нравственные первоосновы всегда одни, и будь то Юг США в 1935 году или иное другое место в конце XX века, — предательство, зло, зависть всегда всякий народ признает за предательство, зло и зависть, а не за добродетель и благо. И великое счастье, что так оно и есть.

В исканиях добра и справедливости едино должно быть человечество и тогда, когда речь идет о детях.

Эта забота не может оставаться лишь абстрактным лозунгом. Первообраз правды, красоты и добра может быть не утрачен воспитанием и не выжжен жизнью при одном лишь очень серьезном усилии — если над сознанием ребенка будут распростерты ладони мудрого и любящего взрослого — учителя, отца или матери, вообще любого взрослого, который полон деятельной доброты.

Итак, Глазастик и брат ее Джим. Закрываешь книгу с полным сознанием того, что за этих двух ребяташек можно не беспокоиться. Их отец, честный и храбрый человек по имени Аттикус, помог детям сохранить самое главное, что требуется для спасения детства: истовую веру в необходимость праведной борьбы, в необходимость отстаивать справедливость, какой бы она тяжкой ни была. В этом романе малыши как бы выбредают из мира своего собственного детства во взрослый мир, освобождаясь от наивных пут детства, но это освобождение приносит неожиданное облегчение. Слово бы невзначай они узнают, что их Аттикус вовсе не старик, а самый меткий стрелок в округе и вовсе не равнодушный обыватель, а неподкупный и отважный служитель справедливости, если даже эта справедливость неудобна для него самого и даже его беззащитных детей. Как всякое зло, подлость тут бьет из-за спины, в темноте, бьет не по сильному плечу, а по его слабым детям, хотя подлость оказывается поверженной насмерть — мы понимаем всю условность гибели зла: нет, нет, оно сдается не так легко и не так невзначай, как в романе, хотя романский исход представляется единственно истинным.

Итак, Аттикус. Я говорил вначале, что главные враги детей и детства — едва ли единственные, хотя и в самых разнообразных своих проявлениях, — бывшие дети, а ныне взрослые. Однако и главные друзья детей и детства — едва ли не единственные и тоже в самых разнообразных своих проявлениях — бывшие дети, ныне взрослые.

Друг всех детей своей округи, взрослый охранитель детства Аттикус, пронесший детские идеалы сквозь испытания взрослости и принесший это бесценное достояние своим детям, — вот он, проводник и спаситель, полномочный представитель деятельной доброты, способной сберечь и во взрослом мире наивные веры детства.

Как это возможно практически? И просто, и трудно — сразу, в одно и то же время.

Просто потому, что к Аттику примкнул двое его детей — Глазастик и Джим. А где-то есть еще Холден. И живет в мире Дуглас, герой книги «Вино из одуванчиков».

В мире взрослых есть такие оазисы, что ли... Там собираются добрые дела взрослых, помнящих свое детство. Такие дела служат малышам, впрочем, это могут быть подростки с пушком, пробивающимся над верхней губой, вроде Холдена. Старшие, способные совершать добрые дела, делают их не из одного только удовольствия, но чтобы оберечь тех, кто переходит из детства во взрослость. Впрочем, они всегда думают и о стариках.

Дети сами по себе, конечно, большая сила. Но лучше, если у них будут такие проводники, как Аттикус и Холден. Они пойдут впереди слабых, указывая путь, и проведут тропами, обходящими зло, невежество, унижение. Правда, об эти угрюмые скалы все равно придется зацепиться, тут уж ничего не поделаешь, и все же это совсем не то, что вдребезги разбиться о них. Как это часто бывает.

Да, есть, пожалуй, на свете оазисы добрых дел, но это не значит, что в таких оазисах поют птицы, сияет яркое небо и греет безмятежное солнце, нет. В оазисах идет работа. И, как всякая работа, она трудна, даже изуряющая. Это необходимо.

Без изуряющего труда оазис доброты скоро сохнет, а потом исчезнет и вовсе. Поэтому добрые взрослые должны расширять свои пашни, высаживать семена, поливать и окучивать их, пока не взойдут новые ростки.

Среди добрых взрослых дел — и книги, написанные разными писателями в разное время. И все же они об одном. О необходимости охранять первоисточники человечности в каждом человеке.

Среди пахарей доброты — три американских гуманиста: Рэй Брэдбери, Харпер Ли, Дж. Д. Сэлинджер.

АНАТОЛИЙ ВЕРШИНСКИЙ

РЕЗОНЫ

На пойменном выгоне,
в поле, в логу —
где солнечней, тише, уютней,—
прислушавшись к небу,
услышать могу
жужжание брачное трутней.

Высоким весенним огнем окрыля
над первым скурым разноцветьем,
лишь миг торжества подарила земля
ничемным, казалось бы, детям.

За это мгновенье и жалуют их...
А осенью жалят и гонят.
Природа не знает резонансов людских,
и всяк ли секрет ее понят...

Природа — работница прежде всего.
Без трутня меда не родятся.
Годится ли дельное имя его
на прозвище для тунаядца?!

■ Уже давно уволили в запас.
Но временами
в предрассветный час
будил меня в гражданской тишине
тревожный стук, почудившийся мне.
Прошли года.

И гарнизонный быт
с привычками его полузабыт.

С недавних пор вернулся непокой
и снова стал натурой второй.
Я просыпаюсь.

В доме тишина.
Дочурок убаюкав, спит жена.
Раскрылась, вижу,
старшая моя —
и одеяльце поправляю я.

Отцовство передышки не дает:
с годами прибавляется хлопот.
Житейские дела

с течением дней
становятся не проще — мудреней.
Но самые исконные — просты:
укрыть ребенка...
выставить посты...

■ Светлая закатная полоска
медленно сужается вдали.
Небо надвигается громоздко.
Тучами касается земли.

В сумраке виднеются нечетко
крыши поредевшего села.
Мокрая, промозглая погодка
свежестью осеннею ожгла.

Крикну — и не слышу отголоска
в тихом, сиротливом далеке.
Узкая вечерняя полоска
дрогнула, как жилка на виске...

■ В заенисейском холмогорье,
в забытом богом уголке,
слились Украина и Поморье
в моем сибирском говорке.

Переселенческой стихией,
не пощадившей и меня,
со всей районною Россией
моя повенчана родня.

В еще неизвестные дали
влекла людская круговерть.
И в свой черед укореняли
в чужих краях любовь и смерть...

Тускнеют памятные лица
в оградках брошенных могил.
Родному праху поклониться
не хватит времени и сил.

В районном центре под Москвою,
в пустом кладбищенском саду,
за пожелтелюю листвою
попроше памятник найду.

Склонюсь к чужому изголовью
и виновато постою...
Какой пространною любовью
мы любим Родину свою!

В дорожном грохоте и дыме
душа скитается вдали,
где меж погостами родными
края на тыщу верст легли.

■ Колесо прогресса тяжело
совершает оборот...
Одноконная запряжка
выезжает из ворот.
Лошаденка-полукровка
выступает не спеша.
И кошевка сбита ловко,
и погодка хороша.
И сидит возница чинно
между свертков и корзин.
...Неужели вся причина —
дорожающий бензин?

■ Землю веками губя —
с тайной ее сокровенной,—
мы утешали себя:
мы не одни во вселенной.

Чей-то внимательный глаз
видит метания наши.
Кто-то успеет у нас
выхватить смертные чаши...

Что же ты медлишь, терпя
зло вековое, небесный
брат? Не пугает тебя
ужас идущих над бездной?

Что тебе стоит задуть,
коли уж взял нас в опеку,
пламя, летящее в грудь
висту и человеку?

Где уж! По сути простой
разнится вряд ли намного
сказочка звездная — с той,
райской, про доброго бога...

Братья земные — леса,
пашни, озера и реки,—
может быть, ваша краса
зверя убьет в человеке?

Знаем: покуда вы есть,
мы не одни во вселенной.
Что же сердечную весть
ловим железной антенной?

БОРИС ОЛЕЙНИК

ЗЕМЛЯЧОК

— Дразне вам! Я — просто так... —
Каблуком прицелкнул славно
Одноклассник мой недавний,
Нынче — видный здоровяк.
Сбросил шапку на ходу.
Снял пылинку с брюк богатых:
— Вижу, свет у друга в хате.
Дай, подумал, забреду.
— Все рисуем? — прямиком
Глазом в стол уперся хитрым
И на краешек — пол-литру,
Как задаток... на потом...
Вот сейчас, гляжу, корпишь:
Эти малые куплеты
Сколько стоили поэту
И какой, прости... барыш? —
— Ну... двадцатка, — я смеюсь. —
А писал? Пожалуй, месяц...
Как пришибленный, на месте
Замер этот хитрый гусь.
— Правду молвишь? Страшный суд!
Он смотрел, как с дикой кручи.
Э-э, прижали вас до ручки,
А толкуют, что — живут!..
Я же ведаю — ого! —
Не такие уж секреты, —
Про какой ты там в куплетах
Изливаешься огонь:
Дескать, чтоб пылал для всех...
Ох, лихие человеки! —
Ты застрял еще в том веке,
Так что только... курам смех!
Вам положено зудить
О моральном-аморальном...
А народ материально
Хочет, видишь ли, пожить!
Так пожить, что — расступись
От Парижа до Полтавы!
Ведь у нас не только право —
Деньги, парень, завелись!..
Я не меньше вас тружусь:
Сторож — в слякоть-непогоду
(Лишь не режьте огорода),
Что ни день — на грядках буюсь...
И за этот мой почин,
Думаешь, почет особый? —
Дочка, глядя исподлобья,
Обзывает: «Мещанин!»
Вот куда твоё перо
Души слабые заводит:
Я терплю перед народом
За свое же, брат, добро —
Но свое — уж я возьму,
Потому как жизнью мятый!..
Ну, давай нальем по пятой.
Что калякать — бой в Крыму...

...Он нависает, заслоняя свет,
С холодными глазами страшилы.
Ну, а мои — на чем они почили,
Что проглядели сей поганый цвет?!
Стремилась ввысь?

Пускай во мне болит
Небес неутолимая потребность!
Но разве стоит забывать, что небо
На нас, земных, стояло и стоит?
Ведь где б мы ни парили на крыле,
Какие б выси ни манили сердца,
А возвращаться надо — сколь
ни сетуй! —
Чтоб жить и умирать на сей земле.
На звездных трассах малый
светлячок...

Что, если с одиссеи на пороге
Тебя не мама будет ждать в тревоге,
А по-соседски добрый землячок...

...Простите мне, благие небеса:
Межзвездные я покидаю мили, —
Ведь должен землю

отрясти от пыли,
Чтоб вы сияли чисто, как слеза.

Авторизованный перевод с украинского
Н. КОТЕНКО

Одни в атаку ходили,
Другие «ура!» кричали.
...Как лодки, стоят могилы
У вечно сухих причалов.
Одни на Эльбе взрывали
Небо победным парадом,
Другие салютовали
Где-то под Ашхабадом.
Но все отошло: и хлопоты,
И слезы разлук, и горе...
Забыли одни окопы,
Другие — щели укромные.
Смешались — и нет различий,
Определи попробуй!..
Лишь скорбные обелиски
Стоят межевыми ромбами...
У каждого — собственный угол
И собственный мир извечный:
Одни добывают уголь,
Другие толкают речи.
А солнце медалью сверкает
Всяк существу на планете...
Почему же тогда штыками
Обелиски вонзились в небо?
Почему они по инерции
Рвутся на брань великую?
Кому они метят в сердце —
Разящие, точно пики?
Кого они черным дымом
До смерти пугают ночами?
...Одни в атаку ходили,
Другие «ура!» кричали.

■ О, как усердно мы чествуем тиранов,
И это им — что морю капля влаги:
Лежат себе, как в ящике тарани,
Средь роскоши истлевших
саркофагов.
Двадцатый век отважно и открыто
Со стен

вчерашних идолов смывает.
Зато перед сегодняшними прытко
По-новому колени преклоняют.
А сфинксы — как надежная охрана
У царственных архивов и гробов...
Но интересно: были бы тираны,
Не будь на свете преданных рабов?..

■ Небо сеялось зябким варевом,
Ветер поднял свирепый гул...
От тоски я сбежал к товарищу,
Чтобы с ним разделить тоску.
Шел по мрачным осенним лужам,
Желтый лист сапогами мял.
Я товарища знал по службе,
И не знал его в жизни я.
Он меня приветливо встретил.
Я сказал ему напрямик,
Что пришел к нему за советом,
Что сомненьями я разбит.
— Знаешь что: ты поменьше думай.
Постарейся. Ты пьешь вино?..
Пододвинуты к столику стулья,
А бутылка открыта давно.
Он хмелел, этот умный парень.
Неожиданным был вопрос:
— Почему не вступаешь в партию?
Я сказал ему: — Не дорос.
— И чужак ты, скажу, и только!
Надо знать, что такое жизнь.
Поседеешь так на задворках.
Дураки-то перевелись.
А сумеешь пробиться в партию —
И... пример хоть с меня бери!
Ведь недаром хлебную карточкой
Партийный билет называют, старик...
Небо сеялось зябким варевом,
И на стеклах слезился след.
...Отбрал я вместе с карманом
У него партийный билет.
По решению собственной совести,
Что кассации не подлежат.
Вышло, правда, не так, как
в повести, —
Видно, я не по ГОСТу шит.

СМЕНА

ФУТБОЛЬНЫЙ КЛУБ «НАДЕЖДА»

«ЖАХЫГЫРМ»

ВИЛЬЮС

Фото Игоря Яковлева

Дня-единственная команда высшей лиги нашего футбола комплектуется исключительно местными игроками — «Жальгирис». Интересно было бы узнать у ее тренеров: как, во-первых, им удается не сбиваться с курса на воспитанников только республиканского футбола и, во-вторых, рассматриваются ли в клубе заявления игроков других команд с просьбой принять их в состав вильнюсцев?

Василий Головако,
г. Ирпень
Киевской обл.

Б. ЗЕЛЬКВЯЧИОС. У каждого тренера есть, наверное, своя модель идеальной команды, команды-мечты. Я не исключение, только в отличие от коллег мое воображение ограничено пределами республики — так, кстати, мыслит в Литве тренер любой спортивной команды, не только футбольной.

Так уж у нас истари повелось — доказывать, что играть в футбол или баскетбол умеют именно те, кого мы, местные тренеры, сами вырастили. Не в сборной же команде работать. Не хочу обвинять детских и юношеских тренеров других регионов страны в непродуктивности их работы, в том, что мало их воспитанников уходят «в мастера» — подающего надежды пареня могут сначала не разглядеть и во взрослой команде. Не все, даже уже знаменитые игроки, с первой попытки в большой футбол пробилась. Но будет ли у юного таланта время «пооберечься» в команде мастеров? Не раскрылся сразу — второй раз ведь могут и не взглянуть.

Нам в «Жальгирис» тоже готовых ярких «звезд» пока не поставляют. Порой, конечно, хорошие, добротные игроки приходят, но, будем откровенны, не более того. Приходят люди, с которыми еще работать и работать надо. И здесь мы взяли себе за правило никогда не торопиться. Не пошла у кого-то игра сначала, не задалось что-то в отношениях с новыми партнерами — потерпим. В команду в конце концов каждый вновь приходящий свои привычки и амбиции несет. И как они с коллективными состыкуются, покажет только время. Я вообще сторонник рассматривать все игровые отношения

в команде прежде всего сквозь призму человеческих. Коллектив у нас сегодня сложился дружный, но довольно своеобразный, и влиять в него человеку со стороны весьма непросто, а уж с дальней стороны, по-моему, и невозможно. Если с юности в этой атмосфере общности цели и пытаться не стоит. Футболистам, которые к нам в команду из других клубов высшей лиги просятся (а таковых, знаете ли, немало, особенно в последние сезоны), я так и отвечаю: у нас свой стиль, свои традиции, далеко не все лежит на поверхности, и вряд ли вы сумеете сломать себя...

Не брали мы «варягов», когда только начинали, когда очень трудно нам было, а теперь тем более не берем. Начинали мы, кстати, тоже не так, как все. Что собой представляет у нас привычный учебно-тренировочный процесс? Вот именно, один тренировка. Зимой месим грязь по несколько месяцев на отвратительного качества южных полях — это и есть работа (игрой, простите, такое занятие язык не поворачивается назвать). Если бы в таких условиях хоть только одни мужчины готовились — так ведь и юноши, и дети их стопам идут. Любовь к футболу в них на корню убивается.

Вот мы и решили: как можно больше играть. Для себя, для зрителей, а в перспективе — для результата. Верили: игра наладится, придут и победы. Над нами и посмеивались, и открыто недовольство — были ведь на этом пути в гору и чувствительные неудачи — выказывали. Но мы играли. Со своими ребятами и в свой футбол. Догнались пока до бронзовых медалей. Но лучшие наши матчи, думаю, еще не настали.

Вальдас Иванаускас — один из тех, кто проделал с командой длительный путь к прошлогоднему успеху. Ему довелось поиграть в нескольких сочетаниях в команде — до призыва на воинскую службу и по возвращении. Чем, на его взгляд, отличается сегодняшний «Жальгирис» от команды — Дебютанта высшей лиги пятилетней давности?

Томас Сенджикас,
Каунас

В. ИВАНУСКАС. Профессиональным отношением к делу — прежде всего. Сплоченностью. Тогда, в начале 80-х, в команде «старички» всем верховодили, а мы, молодые, вынуждены были под их настроение подстраиваться. Нет, тогда тоже движе-

ние вперед ощущалось: в высшую лигу вошли, да еще практически сразу где-то в середине ее закрепились. Успех! И ветеранам нашим эта роль «середняков» очень даже по душе пришлась: купали себе, как в теплой ванне. «Вылететь» вроде нет опасности, а наверх — большое приключение. Помните момент, когда Зельквявичюс на время из команды ушел? Конфликт между тренером и игроками был тогда налицо.

На мой взгляд, в спорте это одна из самых трудно поддающихся лечению болезней — самоуспокоенность. За толпанием на месте неизменно следует шаг назад. А то и несколько. Но «Жальгирис» не покатылся. Вернулся тренер, обновился состав. Молодые, честолюбивые, мы все गरेли жаждой большой цели. Да и в республике наши восьмью места перестали считать успехами...

Аппетит, как известно, приходит во время еды. По ходу прошлогоднего первенства был момент, когда и на «золото», пожалуй, могли замахнуться. Не получилось. Тогда, по горячим следам, конечно, обидно было, но сегодня можно признать, что четвертое наше слишком уж разыгралось. Третье место объективно, наверное, и есть «наше». Главное теперь, чтобы благодущие не заело. Однажды это уже было в нашей истории и стоило команде нескольких потерянных лет. Сейчас — самое время вернуть долги всем нашим читателям. Время сбывающихся надежд.

В прошлом сезоне «Жальгирис» успешно защитил честь нашего студенческого футбола на Всемирной Универсиаде в Югославии, где стал чемпионом. Лучшим игроком турнира по праву был признан Арминас Нарбековас. Хотелось бы задать ему несколько нелицеприятных вопросов: два года назад в спортивной прессе промелькнуло сообщение о том, что многие футболисты «Жальгириса» не очень добросовестно относятся к своим студенческим обязанностям. Изменилось ли что-либо в этом плане у победителя Универсиады сегодня?

Галина Залетова,
Москва

А. НАРБЕКОВАС. Действительно, была газетная публикация такого содержания. Не все в ней, правда, было верно написано, но мы в команде основные замечания к сведению приняли. Неупреждаемость, конечно, не украшает студента, будь он хоть спортсмен, хоть артист.

Но, с другой стороны, знаете, поче-

му у нас «хвостов» суммарно больше других спортивных коллективов набралось? Потому, что в «Жальгирисе» студенты — вся команда, за исключением имеющего уже диплом о высшем образовании вратаря Вальдаса Юркуса. Средний возраст команды — 24 года, то есть самый студенческий. Учимся мы в вузах разных городов республике, откуда возникают, помимо нехватки свободного времени, и транспортные проблемы. Катаемся с учебниками из Вильнюса в Каунас и обратно. Может, в общепринятые сроки сдачи экзаменов и не всегда уложиться успеваем, но учимся сейчас, поверьте, на совесть.

А то, что нас на Универсиаду послали, — это был, конечно, аванс, и ответственность огромная — мы ведь по существу, студенческую сборную страны представляли. Нам предлагали на выбор вместо нестудента Юркуса. Но мы решили обойтись своими силами — для первокурсника Вильнюсского университета Альгиса Калинаускаса турнир в Югославии был вневплановым экзаменом. Сдал он его, как считают наши тренеры-преподаватели, на «отлично».

Да и остальные, пожалуй, лишь один локальный «неуд» получили — в стартовой игре со сборной Южной Кореи. Тогда прямо с самолета на поле вышли, вялые как-то, и соперники нас попросту «перебегали». Но эту «ложку дегтя» мы, считаю, финалом компенсировали — 5:0 прорсы были сняты.

В Загреб, кстати, мы не только в футбол играли, сама непередаваемая атмосфера университетской «деревни» надолго останутся в памяти. Кроме языка футбольного паса, мы общались еще на английском, немецком — южноамериканцы, например, очень удивлялись, что мы с ними на общие темы говорить можем. В такие вот моменты и понимаешь, что учишься действительно не для диплома — для жизни.

Я сам немного играю в футбол и хорошо знаю, что такое потеря формы. Когда самобытный нападающий «Жальгириса» Сигитас Якубаускас вдруг перестал «огорчать» вратаря соперников, я искренне ему сочувствовал. Одно время он даже вовсе пропал из состава команды... И вдруг — появление на поле в совершенно необычной и неожиданной для него роли защитника, где быв-

ший форвард с каждым днем стал ощущать себя все увереннее. В чем причины этой удивительной метаморфозы?

Гедриус Субочюс,
г. Друскининкай

С. ЯКУБАУСКАС. Никому не пожелаю испытать это состояние — полная потеря навыков, казалось бы, обретенных навыков. Я никогда не считал себя выдающимся бомбардиром, но уж десяток голов за сезон забивал исправно. И вдруг как отрезало, будто никогда и не умел находить пути к воротам. Причем сбился причуд без каких бы то ни было негативных предположек — нарушения режима, травм... И от этого ситуация казалась еще безысходнее.

Словно в стену невидимую на бегу уперся. Мучился-мучился, а выхода все не видно — напротив, уверенность в себе все больше и больше терял. Команда на меня играет, а я... К счастью, это свое состояние переживал не я один. Тренеры анализировали мои промахи вместе со мной и списывать со счета меня не спешили. Но всякому терпению, как известно, приходит конец.

В один прекрасный день Зельквявичюс сказал мне, что, раз я разучился забивать, может, ко мне в качестве компенсации пришло какое-то другое футбольное умение? Настрое-ние у меня, сами понимаете, было не из шуточных, но все же решил попробовать сменить позицию. А, по мне, если менять, то круто.

У нас не один год раздаются призывы к универсализации футболистов. Я, правда, кроме линии нападения, нигде свои силы никогда не пробовал, считал себя «узким специалистом» в очень тонкой футбольной области. А к защитникам всегда причислял людей, мешающих другим играть в футбол.

Но сейчас могу сказать, что отдать в новом моем амплуа действительно потруднее, чем разрушать. Зато интереснее. Раньше обманывать защитников нужно было, теперь — себя провести не дать. Знаете, это очень любопытно — слышать чужую психологию со своей. Вот идет на меня игрок, а я представляю, что в его положении сам сейчас бы предпринял. Иногда угадываю, иногда нет. Может, именно потому, что я, как форвард, выбирал не всегда верные решения, и защитники в итоге раскусили меня? В общем, сейчас мне интересно играть в команде на новом месте. Посмотрим, как дальше пойдет...

Интервью вел
Сергей ВЯЗЬМИТИН

Сергей МИКУЛИК

— Нет, кому-кому, а Сабе в Литве пропасть не дадут — на худой конец кооператив какой-нибудь под него откуют. Да и рано ему еще о помощи думать — Арвидас заиграет скоро, вот увидишь. Может, правда, и не так ярко, как раньше, но обязательно заиграет. Это мне пора вскоре на небаскетбольные заботы переключаться.

— Помогут?

— Мне? Да кому я тут, в Москве, нужен!

Ткаченко, сам всегда наивно-добродушный, так удивился моей наивности, что чуть было не привстал на большой ступне. Чем это могло закончиться, я знал по опыту недавних тренировок, после которых врачи, собственно, и прописали центральному ЦСКА и сборной страны многомесячный покой, — на бегу, касаясь в какой-то момент пола стопой правой ноги, Владимир мог вдруг рухнуть, как подкошенный. Это не было вывихом (который многие спортсмены, грустно усмехаясь, называют расхожим в медицине словом «привычный») или растяжением — после очередной травмы позвоночника правая ступня у Ткаченко начисто потеряла чувствительность.

Как играть? Ни толчка, ни бега...

— Как жить? — такого вопроса он в то время еще не задавал.

Пятнадцать лет назад, появившись в 17-летнем возрасте в поле зрения тренеров сборной СССР по баскетболу, он получил диагноз-аванс примерно следующего содержания: в баскетбол пока играть не умеет, но здоровья — вагон, и в будущем мы с ним, несомненно, горы свернем. Весил тогда Ткаченко 120 килограммов при росте 213 и к присловью «не перевелись еще богатыри на Руси» относился с благодушным спокойствием сказочного героя.

Центровые такого сложения всегда позарез были нужны большому баскетболу, а тогда, в начале 70-х, тем более — киевлянин Анатолий Поливода сразу после победной Мюнхенской олимпиады вынужден был в 25 лет по состоянию здоровья завершить свою карьеру, Александру Белову, герою финального олимпийского матча с американцами, срочно требовался напарник. Вот тогда и появился Ткаченко. На первом знакомстве с грандами сборной, напоминающая больше красную девицу, нежели добра молодца, он, страшно смущаясь, объявил, что зовут его Владимир Петрович. Гранды решили, что так оно будет, пожалуй, слишком длинно, но и называть Вовой человека, который был выше их — двухметровых — на целую голову, тоже было как-то не с руки. Подумали и сократили в итоге имя, но не отчество. Так и повелось с той поры — Петрович да Петрович...

В сборной он свои щедрые авансы оправдывать начал, правда, не сразу, а вот в киевском «Строителе» в первые же сезоны показал себя достойным преемником Поливоды — Анатолий работал тогда на кафедре института физкультуры и на игры своей бывшей команды, если не особенно беспокоила хронически больная спина, захаживал частенько. Ткаченко ему нравился. Но было нечто, что сам Поливода уже испытывал и что вызывало у него беспокойство за будущее молодого коллеги.

Поговорите с любым щедро одаренным кем-либо от природы человеком и вы непременно услышите от него слова о компенсации, которую он платит за эти неумеренные щедроты. Ибо, оказывается, если природа что-то отпускает в избытке, то что-то непременно она требует и взамен.

Практически все баскетбольные сверхгиганты на редкость восприимчивы к самому разного рода болезням. Обычный сквозняк, к примеру, способен порой свалить такого богатыря

в постель куда успешнее, чем нас с вами. Нельзя еще не учитывать, что в момент достижения спортсменом высшей формы его иммунная система — и это доказано медициной — обладает пониженной сопротивляемостью к заболеваниям...

Редкий был тот турнир, при подготовке к которому Ткаченко не заболел или не «тянулся». По молодости болячки проходили относительно незамеченными, со временем — давали осложнения. Стало «зашкаливать» давление, образовались одна за другой две язвы на двенадцатиперстной. Их, конечно, лечили, но по ходу тренировочного процесса, госпитализации были кратковременными и по острейшей необходимости — сильнейшему центру сборной страны залеживаться было некогда, постоянно надо было что-то выигрывать, да и сам он ни о каком длительном покое и знать не хотел — за эти полтора десятка лет врачи не услышали от Ткаченко ни единой жалобы. Бывало, весь черный уже от усталости по площадке «плавает», а на все вопросы о самочувствии один ответ: нормально. «Что это за мужик, если он не свисает с болью!» — такую фразу изрек мне однажды на редкость молчаливый Петрович.

Сборная СССР по баскетболу времен премьерства в ней Ткаченко знала и победы, и провалы. Возьму на себя смелость утверждать, что многого из-за частых травм и болезней Петрович ей все же недодал. Но когда в начале 80-х в главной команде страны появился Арвидас Сабонис, семнадцатилетний чудо-центральной, который тогда уже умел играть в эту игру как никто, и здоровья было у него на троих, соперникам нашим было от чего приуныть — перспектив одолеть такой двоянный центр никому не виделось. Никаких. Лет на десять вперед.

Увы, прошло неполных шесть лет, и вот тчетно пытающийся шевельнуть бесчувственной стопой Ткаченко рассуждает со мной о перспективах — своих и Сабониса (в баскетбольном мире — Сабы).

— Саба, что ни говори, гордость республики, и они его без помощи не оставят.

— Тем паче, что за республику он и пострадал?

— Ну, игрок-то всегда в бой рваться должен — это его совесть. Другие могли бы подумать, как его остановить.

Могли, да не подумали. Природа как бы «недолепила» Сабониса, послав ему при росте 224 и весе под полтора центнера на редкость непрочные тонкие ниточки ахилловых сухожилий. Проблистав три сезона в сборной и каунасском «Жальгирисе», Арвидас начал мучиться от резки боли в ногах. Терпел. Затем надрыв сухожилия и отлучение от игры на несколько месяцев. В идеале нужно было дать ему хотя бы полгода покоя, но спортивным руководителям республики очень хотелось обыграть московских армейцев в первенстве страны. И Сабонис вышел на площадку, принес «Жальгирису» золотые медали, а себе — разорванный спустя несколько недель недолеченный ахилл. Затем было первенство Европы — без Сабониса и с гипертоническим кризом у Ткаченко, проигрыш в финале греческой сборной — серебряные медали.

— Духота в зале, публика, неистово орущая, давление подскочило — не сыграл, словом. Тяжело без Сабы.

— Но ты же еле ходил, Петрович, отказался бы играть, в конце концов замену бы попросил...

— Скажешь тоже. Это же «Европа», а не первенство жэка... Кем меня было менять?

Сейчас, когда дела его совсем плохи, Петровича нашли кем заменить — большой спорт не терпит пустоты. А вот что будет с ним самим, напоминающим после этих 15 лет игры на высшем уровне выжатый лимон — давайте называть вещи своими именами — сегодня интересуется немногих.

Его собственное мнение по этому поводу вы уже слышали. Частное мнение выразил майор политотдела армейского клуба, случайно услышавший обрывки моего разговора с коллегой-журналистом на трибуне универсального спортивного зала ЦСКА. Он очень оскорбился за родной клуб, сказал, что армейское руководство в беде еще никого не бросало и надо писать о том, какая проникновенная атмосфера доброжелательности сейчас в клубе, а не стремиться делать себе имя на «жареных» темах.

Майор тогда очень разволновался — обиделся и быстро ушел. Мне не хоте-

лось тогда драматизировать ситуацию и напоминать ему о том, что, скажем, экс-великий хоккеист Альметов много лет роет могилы на Ваганьковском кладбище, это в пяти трамвайных остановках от здания ЦСКА, и что-то никто из коллег ни разу не наведился к бывшему же офицеру. Ладно, будем считать, что у политотдела и без того хватает дел. Но вспоминается еще одна спортивная судьба...

Лет десять назад все наши газеты дружно перепечатывали заметки, где рассказывалось о бедствиях на склоне лет знаменитого английского футболиста Томми Лаутона. Разорившись и распродав все свое имущество, включая спортивные призы, он всем кругом был должен и одной ногой стоял уже за порогом долгой тюрьмы.

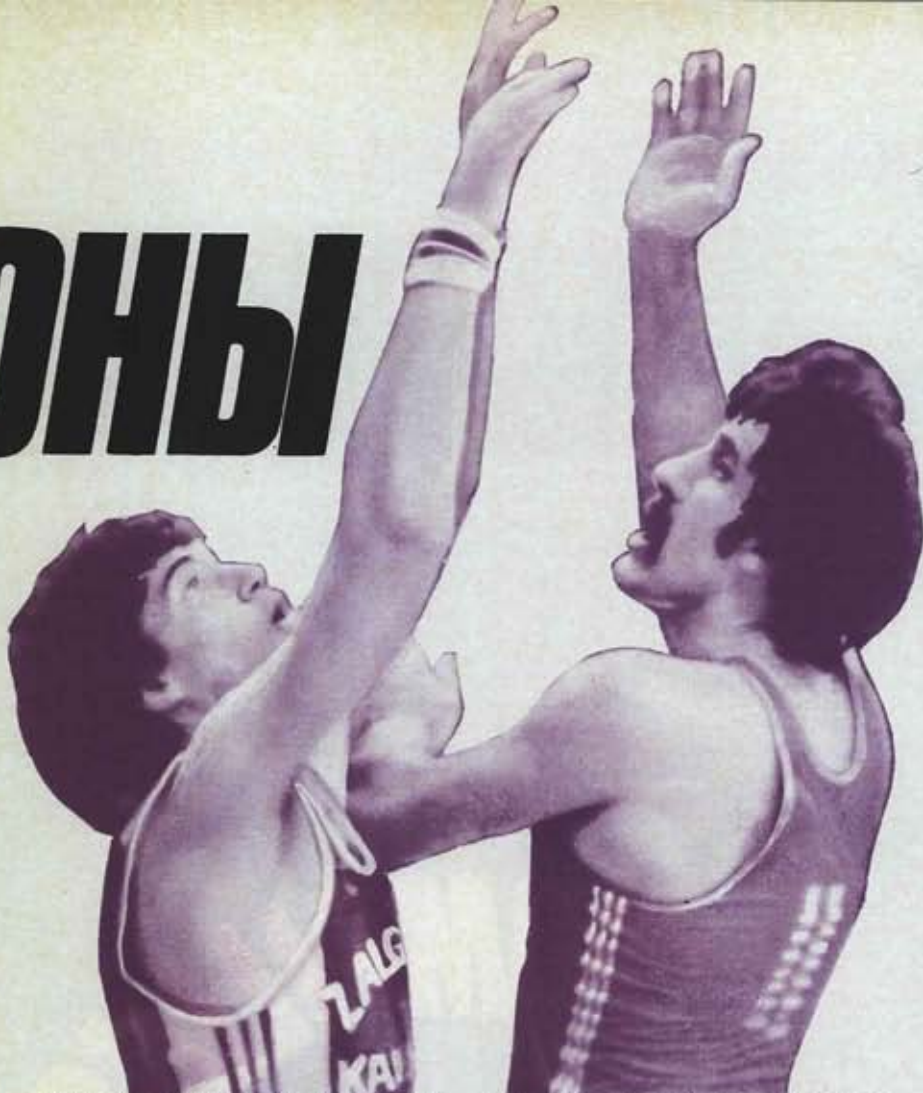
Спортивная общественность Великобритании спасла складчину своего кумира и гордость нации прошлых лет, но ненадолго: заняв спустя некоторое время у кого-то 10 фунтов, бывший неудержимый бомбардир оказался не в состоянии вернуть эту смешотворно малую сумму, и тучи над его головой вновь сгустились. Вспоминался и матч «Арсенала» против московского «Динамо» в 1945 году, когда Лаутону дважды удалось поразить ворота Хомича. Второй мяч он вообще-то провел, предвзвительно ударив нашего вратаря локтем в солнечное сплетение, но за давностью лет и из сострадания к положению Лаутона тот бесчестный прием ему прощали. Мы все сочувствовали Лаутону, попутно негодуя на бездушные чиновников, занимающихся в Англии пенсионным обеспечением своих сограждан. Произносились, помню, даже призывы создать у нас специальный фонд «помощи Томми Лаутону».

Мне не удалось найти в Киеве Анатолия Поливоду, которому наши отечественные чиновники определили после его ухода с институтской кафедры из-за участвовавшихся радикулитных осложнений и прогрессирующей слепоты пенсию в размере 36 рублей. И все-таки он распродал призы, я не знаю. Только я видел его письмо, в котором он просил одного из своих бывших партнеров достать ему пару кроссовок 48-го раз-

ЧЕМПИОН С ПРОТЯНУТОЙ РУЖКОЙ

ОНЫ

мера: «Вся обувь совершенно развалилась, а ж я беру бы долго — кто знает, сколько мне еще осталось ходить»... И разговаривал с соседкой, которая сказала, что Анатолий стал похож на больного человека, медленно умирающего. Во всех же спортивных справочниках он продолжает значиться как олимпийский чемпион и преподаватель института — все это очень удобно...

Травмы у спортсменов бывают не только физические. Когда Александр Сизоненко, самый высокий наш баскетболист последнего тридцатилетия — 238 см из-за травмы колена и голеностопа четыре года назад расстался с баскетболом, он еще держался — оставалось другое дело жизни, учеба в Куйбышевском плановом институте. Но болезни не отступили с окончанием спортивной карьеры, они продолжали преследовать и оставившего площадку Сизоненко. И в 1986 году одновременно с дипломом о высшем образовании он получил и книжку инвалида второй группы.

Тут-то Сизоненко и понял, что такое спортсмен, если он никому не нужен. Мыкания его с устройством на работу закончились тем, что от него откупились ежемесячной суммой, кажущейся Поливоду, может быть, пределом мечтаний — 63 рубля 50 копеек, не объяснив, правда, при этом, как прожить на такую пенсию человеку великанских габаритов. В 28 лет Александр оказался на обочине жизни и, не вспомнив о нем центральная печать, мог уже давно пропасть. После настойчивой подсказки местное спортивное руководство вспомнило вдруг о нем с нескрываемым удивлением: как же это мы упустили из виду? Областной совет ВДСО профсоюзом даже расщедрился на заказ для бывшего центрового комплекта одежды. Подыскали вроде и работу. Но все перечеркнула брошенная кем-то в оправдательном запале записка:

— Так что ж ему, такому здоровому, коробочки предлагать клеить?

И, щадя самолюбие Сизоненко, видимо, гордого и легкоранимого, — местному руководству лучше знать, — предложил пару лет поголодать.

Мы и сейчас-то, видя все и понимая, делаем еще нелепые вещи. Поднимали

совсем недавно на щит Сабониса, а сейчас так же дружно «закапываем». Чем дольше Арвидас лечится, тем длиннее становится список грехов, припоминаемых ему из той, «звездной» жизни, уже и сплетни откровенные в ход пошли. Связанных львов, как говорится, лягать легко. Оправдывать Сабониса тоже незачем — ему в свое время говорили, что надо целенаправленно ахиллесом заниматься, готовить их к будущему увеличению веса тела — не больно-то Саба кого слушал. Но и лет ему, вспомните, сколько было. Все вокруг кричали «давай», «давай», и он давал, пока не надорвался. Напомню историю о том, как его спасали.

Сабонис «порвался» в субботу. Сборная в подмосковном Новогорске готовилась к тому самому первенству континента в Греции. Взбудораженный суперфиналом с ЦСКА, ахилл не выдержал легкой тренировки. Получасовая автогонка — и Сабонис, сопровождаемый тренерами и врачами сборной, в приемном покое ЦИТО. Суббота — из хирургов в клинике только дежурный. Он запрашивает у руководства по телефону разрешение на операцию, а ему командуют отложить ее. Не на час, не на два — до понедельника, чтобы решить этот вопрос в рабочем, так сказать, порядке. Сам сломался, сам и терпит. Это при том, что каждый начинающий медик знает: порванное сухожилие сокращается, «уходит» в обе стороны от места разрыва.

Сколько ни бились в глухую стену руководители и врачи сборной — все впустую.

Сабонис лежал. Сначала до понедельника, до осмотра. Потом до вторника, до консилиума. Потом до решения этого консилиума — в Москве ли оперировать или, может, переправить больного в Литву, три дня уже как просят. Потом... Сабонис лег на операционный стол на шестой (!!!) день после разрыва, и для сращения сухожилия ему пришлось надрезать бедро, чтобы пересадить оттуда волокна.

— Как ты все это выдержал, Арвидас? — спросил я у него недавно в Каунасе.

— Боль в ноге терпеть в общем-то можно было, если зубы покрепче скаты. Но вот что в те дни вокруг меня творилось... Представляешь, положили

на койку, даже белье на ней не сменив. Потом обед принесли, грохнули поднос о тумбочку. Добрая такая старушка проворчала, что еще одного хлебника на ее голову подкинули. Потом я на костылях, по стенке, добирался до туалета, который оказался закрытым. Эмоции, впрочем, можешь списать на обостренную остроту моего восприятия после крушения надежд выступить на чемпионате Европы, а может, и не только на нем...

Но к беседе с врачом, когда тот наконец появился, я уже успокоился — свыкся, так сказать, с местными условиями. Он сказал, что мне могут сделать несколько вариантов операции — в каких-то нюансах типовые сращения ахиллов, оказывается, отличаются между собой. Я оценил его предупредительность и просил остановиться на любом из вариантов, только быстрее бы — больно все-таки, да и человек, тот, на чьем месте я, как выяснилось, лежал, к тому времени вернулся — он домой ходил на пару дней. Тут уж доктор вспылил и отрезал, что раз не нравится, могу написать расписку и уходить хоть в Литву, если дойду до нее на костылях. Оперировали-то меня в итоге в Вильнюсе...

Прошло девять месяцев со дня операции, а Сабонис до сих пор ходит в ортопедическом ботинке.

Для сравнения: когда Сергея Бабенко после первенства Европы угораздило в турне по Австралии поскользнуться в разминочном зале и порвать себе ахилл, он уже спустя два часа — часа, не дня! — был прооперирован. И сейчас практически полностью вернулся в строй. Правда, беда на Зеленом континенте постигла его в будни — был четверг.

Ткаченко последний раз выходил на площадку тоже за границей — в Испании. Мадридские хирурги, колдовавшие над его «выскокившим» мягким позвоночным диском, рекомендовали операцию. Но решено было не рисковать — операции на позвоночнике и в Мадриде далеко не всегда кончаются удачно, — и Петровича транспортировали в Москву. Едва поднявшись в воздух, самолет попал в жуткую болтанку, и само небо спасло нашу медицину от очередного неприятного экзамена — диск в результате часовой тряски совершенно неожиданно вкатился на свое место.

Но осложнения чуть позднее, но все-таки выползли. Сам Петрович отнесся к ним привычно, философски, как к неизбежным издержкам своего занятия: болит что-то — быстрее забить лекарствами, основательно лечиться потом будем, Олимпиада на носу. Но даже доктору Авраменко, чудо-специалисту своего дела, совмещающему врачебные обязанности в ЦСКА и сборной, действительно помочь Ткаченко пока не удалось. И операции, по всему, все-таки не избежать...

Хорошо бы — успешной операции. Но если после нее Владимир больше никогда не сможет выйти на площадку?..

Поливода и Сизоненко стали инвалидами в тридцать с небольшим. На размеры начисленных им пенсий прошлые их спортивные заслуги не повлияли. Они признаны инвалидами-пенсионерами без, так сказать, дополнительных льгот. Справедливо ли?

Предложение о выплате пенсионных дотаций выдающимся спортсменам за их заслуги в международном и всесоюзном спортивном движении, будучи поначалу даже робко высказанным, тут же потонуло в хоре негодующих голосов. «И так им, дармоедам, квартиры да машины, баракло вон из-за границы чемаданами тащат, а еще пенсию в тридцать лет захотели?» — Кое-кто аж задохнулся от такой возможной «несправедливости» распределения социальных благ.

Да, есть у многих из них автомобили, заходят они за границей и в магазины, бывает, с сожалением, что и нарушают — один на несколько тысяч — таможенный режим. В этого-то одного и ты-

чут недоброжелатели пальцем, злорадствуя, разом забывая остальных. Много и честно трудившихся. Наживших себе к тридцати годам не только синяки и шишки, но и болезни посерьезнее.

Что говорить о пенсиях, когда и малейшие льготы закончившим выступать получить уже архитектурно. Даже заслуженных мастеров спорта СССР не всегда свободно пускают на соревнования. Вопрос этот целиком и полностью отдан на усмотрение стадионных контролеров. Сейчас, правда, сказали мне в Московском спорткомитете, заслуженных мастеров спорта законодательно велено будет допускать. Но только на тот вид, в котором сам отличался. На остальные, коль охота, — бери билет. А как же, к примеру, Валерий Маслов, знаменитый в недалеком прошлом футболист и многократный чемпион мира по хоккею с мячом? — спросил я. — Его куда не будут допускать? В комитете остались очень недовольны этим моим провокационным вопросом, но еще больше, пожалуй, Масловым, спутавшим все карты целому коллективу людей, разрабатывавших положение о разрешении. Если уж мы в таких элементарных проблемах разобратся не можем, то куда нам в самом деле до пенсий.

То, что эти «дармоеды» кладут на алтарь побед свое здоровье, тоже в расчет как-то не принимается. Выдвигается тезис о том, что спорт — это как раз приобретение здоровья, а никак не отдача его, и если кто, им занимаясь, режима не держал и покалечился, то так ему и надо — не хватало еще ради них государственным деньгам разбрасываться.

Но, во-первых, давайте перестанем наконец путать большой спорт с физкультурой. И попутно обвинять его в том, что он регуляро исторгает в наше здоровое общество молодых инвалидов. Да, Александр Белов, о котором шла речь в начале этих заметок, ушел из жизни в 27 лет. Но медики пришли к единодушному мнению, что занятия спортом (не физкультурой) хотя и ненадолго, но продлили жизнь человеку, страдавшему врожденным пороком сердца. Вот так...

Между прочим, в некоторых социалистических странах проблема пенсий выдающимся спортсменам давным-давно решена без всякого ущерба для госбюджета: примерно 25 процентов денежных вознаграждений, которые спортсмен получает в продолжение своей карьеры, откладываются на особый лицевой счет и выплачиваются ему по окончании активных выступлений. Денег этих, как правило, вполне хватает на время вживания в новую профессию — начинающему специалисту сразу ведь на большую зарплату рассчитывать не приходится. А дальше — совершенствуйся, вращай в большую жизнь — спасательный круг на первых порах тебе брошен, и очень крепкий. Даже если эту систему мы когда-нибудь вынудим у себя, Ткаченко станет легче разве что морально.

Правда, годы, отданные им баскетболу, войдут, похоже, в трудовой стаж Петровича, и тогда, согласно самым последним данным, полученным в Госкомспорте СССР, он в 60 лет будет иметь право на получение пенсии. Но, по тем же данным, средняя продолжительность жизни людей, проведших долгие годы в большом спорте, колеблется как раз около этой цифры...

Разве мало славы, почета, наконец, валюты* принес нашему государству Анатолий Поливода, оказавшийся теперь в полунцищенском положении? Конечно, похлопывать по плечу чемпиона гораздо приятнее и легче, чем протягивать руку помощи больному человеку. Но неужели он не заслужил — своим трудом — искреннего внимания и доброго отношения?

Почему мы не задумываемся об этом? Или не думать удобнее: меньше хлопот?..

Зато мы всегда готовы перечислить средства в «Фонд Томми Лаутона».

«Эта музыка будет вечной, если я заменю батарейки», — распахнуто предсказывает Вячеслав Бутусов, солист свердловской группы «Наутилус Помпилиус». Милая, грамотная аранжированная песенка «Эта музыка» открывает последний альбом этой группы «Разлука», единственный, кстати, магнитофонный альбом, попавший в десятку лучших программ прошлого года.

физм, но гимн, протест разбитых и искусанных губ, ярость заправленных чувств, ярость людей, не желающих становиться роботами или садистами:

«...Но кто-то решил, что война,
И покрыл меня черным...
Я вижу дым — там, где я не был,
Я чувствую жарь.
Я знать не хочу ту тварь,
Кто спалит это небо!»

Очень созвучно, на мой взгляд, горьким строчкам живописца Марка Шагала:

«Я вижу дым,
Огонь и газ, входящие в лазурь
И облак мой вдруг сделавшие
черным».

дрия Макаревича или Константина Панфилова.

Автор большинства текстов — давний друг и постоянный спутник музыкантов Илья Коримильцев. Цитирую интервью с В. Бутусовым: «С Ильей мы работаем так: он предлагает текст, я его фильтрую через себя, дополняю или отбрасываю что-то. Обычно у нас мнения сходятся... Мы как единое целое».

Что же касается музыки как таковой, то самое главное, по-моему, что у Бутусова и К есть своя (не значит — новая и оригинальная!) модель самовыражения, хотя нет-нет да проскальзывают подозрительно привычные интонации.

Допустим, слушавшь припев «Этой музыка» и невольно в памяти всплывает: «Потолок ледяной, дверь скрипучая...» Хотя... Еще Пол Маккартни, отвечая на едкий выпад журналиста по поводу схожести его композиции с вещами Дэвида Эссекса, заметил: «Музыкальные идеи витают в воздухе».

Идеи идеями, но что касается кон-

ние, мне приходилось обсуждать работу свердловчан с ленинградскими музыкантами, которые вынесли свой жесткий приговор профессионально излишне сладкой и «итализированной» музыке. (А у «НП» есть и такая.)

Бесспорно, «НП» — содружество очень талантливых, интересных исполнителей. Эта группа стала лауреатом прошлогодних конкурсов «Литванка» и «Подольск», а на «Московской рок-панораме» — единственной группой, все выступление которой зрители прослушали стоя.

Они выросли в атмосфере плотного контакта «подмостки — зал»: свердловская публика умеет слушать — спросите у любого гастролировавшего там музыканта... Пожалуй, было бы слишком категоричным отказывать «наутилусам» в лицензии на оригинальность: что касается сценического имиджа — не могу назвать ни отечественных, ни зарубежных аналогов. Магическая статичность гитариста Вячеслава Бутусова, необычная асимметричность Дмитрия

Фото Евгения Матвеева

Итак, «Наутилус Помпилиус» — открытие 1987 года. Журналистский титул «лучшего дебютанта» ансамбль отвоевал у своих конкурентов, среди которых были и ностальгический «Мистер Твистер», и обворожительная Лайка Вайкуле... Все это хорошо, но мне кажется, что восторженные комплименты — «фильгранное творение студийных ювелиров», «подлинный триумф молодого свердловского рока», «сокрушительный для столицы контраст», «музыкальная самообытность», «система сложных символов и аллегорий» и особенно «оригинальность» — слишком поспешный, радостный и неоправданно щедрый аванс. Уж что-что, а свою оригинальность они пока ничем не доказали.

Напротив, творчество их вторично с головы до пят.

Шаловливая социальная задиристость, «чернушные» бытовые сюжеты — все это было, было — стоит вспомнить хотя бы Сергея Рыженко или Юрия Шевчука (можно припомнить и ленинградскую группу «Мифы»). Что же касается нарочито абстрактных вращений «Наутилуса» типа «Рвать ткань», «Мальчик-Зима» или «Праздник Общей Беды», то их стилистика — еще одно доказательство (все-таки спорного!) тезиса, что вся нынешняя текстовая музыка неумолимо подвержена явному или скрытому влиянию гипнотически-грандиозного наследия Бориса Гребенщикова (наследие, потому что «рок-н-ролл мертв» и БГ, похоже, ...устал). Кстати, бескомпромиссность и сленговые «прихваты» музыкальных картинок «Наутилуса» напевают очень ранний «Аквариум».

Пожалуй, самая сильная по уровню эмоционального воздействия песня свердловского ансамбля антивоенный марш «Шар цвета хаки» (на диске фирмы «Мелодия» номер назван «Новые легионы»). Это не ял-ый, испуганный, безвольный пац-

...Конечно, многие тексты «Наутилуса» бьют наотмашь, это почти всегда попадание «в десятку». Но — лишь в соединении с нотными изысками, но — при определенном эмоциональном настрое слушателей, но — вне попытки сравнительного анализа с текстами, допустим, Ан-

кретных приемов и аранжировки, то тут «наутилусам» надо отдать должное — они на высоте. «Если я заменю батарейки», — поет Бутусов, и инструментальный «бэк-граунд» плывет, как будто тянется пленка, как будто действительно подсели батарейки, как будто взаправду нужна порция свежей крови... Но смогут ли ребята стать донорами чахнувшего отечественного рока, право, не знаю. Все-таки чего-то им недостает. Как когда-то квартету «Йглз» — впечатление, что машина идет по отличному шоссе на второй скорости, нет, чтобы поддать газку!»

«Наутилусам» не догнать «Алису» по ударности и экспрессии, «Аквариум» — по полифонии и метафоричности, «Машину» — по продуманности и мелодизму, «АВИА» — по зрелищности и гротеску. И даже по уровню искренности не сравнятся им со своим уральским предтечей — ансамблем «Урфин Джюс». Сдается, они будут вечно вторыми. «Наутилус» не станет лидером нашего рока — не сбудутся прогнозы! — потому что ему помешает... высокий уровень профессионализма. Да, да. Наша рок-музыка всегда слабилась зарядом на социальный аспект творчества. «Наутилус» же слишком хорошо и слаженно владеет музыкой. Она не будет вечной. Слишком приятно и доходчиво. Это не только мое мне-

Умечкого, сдержанная пластика — даже во время исполнения виртуозных саксофонных соло Алексея Могилевского...

Не случайно Алла Пугачева отметила, что, мол, послушать кассету с их записями — одно, а посмотреть на сцене — совсем другое. Они цепляют зрителя. Даже тех, кто слышит их впервые. Это самое главное для артистов, выходящих на сцену. Я вижу их желание работать, думать».

После одного из концертов в начале нынешнего года я стал свидетелем спора двух известных рок-авторитетов. Один, только что вернувшийся из зарубежного турне, скептически покачивал лысеющей головой: «Они никогда не соберут Дворец спорта, это клубная группа». Другой уверенно возражал: «Толику рекламы, и «Наутилус» станет номером один на нашей рок-сцене».

Месяцем позже, в первых числах февраля, «НП» с успехом выступил перед многотысячной аудиторией в Лужниках. Не приходится сомневаться — их пластинки будут быстро раскупаться. Это самая впечатляющая группа сегодняшнего дня.

Их последние работы никак не хуже предыдущих. Бутусов говорит, что у ансамбля готово 14 новых номеров и еще 10 — запланировано. Что ж, поживем — увидим. И услышим. Смогут ли они «заменить батарейки», после того как поклонники в сотый раз прослушают «Алена Делона»? Хватит ли им мужества противостоять коммерческой машине? Не «прогнут» ли они в своих «ударных» текстах? Не потеряют ли они голову от успеха? Словом, будет ли этот романтически-экспрессивный рок вечным?

«РОМАНТИЧЕСКИ-ЭКСПРЕССИВНЫЙ РОК ВЕЧЕН?»

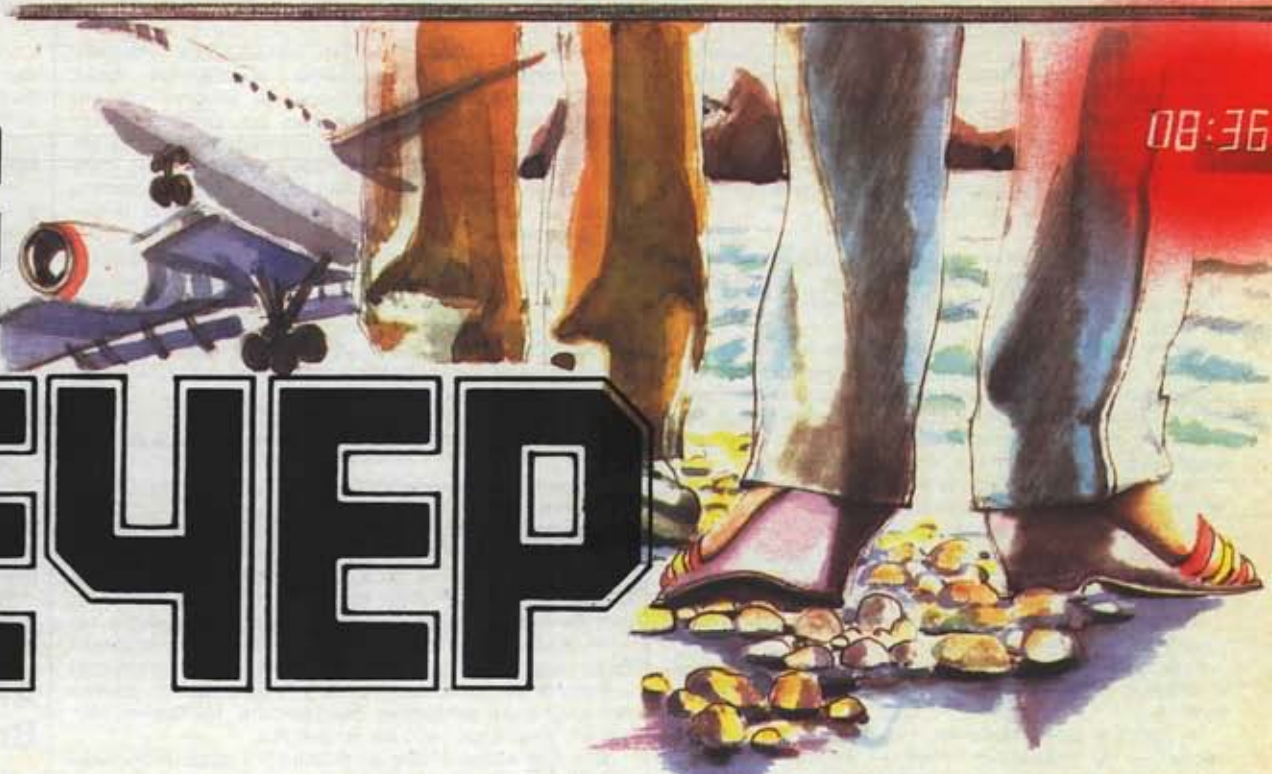
ИЛИ «МУЗЫКА С ТОБОЙ»

Евгений ДОДОЛЕВ

Николай ЛЕОНОВ

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР

08:36

НАКАНУНЕ

Подполковник милиции Лев Иванович Гуров стоял на берегу Черного моря и швырял камешки в мутные невысокие волны, которые равнодушно и вяло взбегали на берег, шуршали галькой и отступали для нового разбега. Бросать камешки было неинтересно — и всплеска не видно, и звука не слышно, но Гуров занятие свое не прекращал и, отбросив пригоршню, наклонился за новой порцией гальки.

— Здравствуйте,— сказала, подходя к Гурову, стройная девушка.— Наконец вы нашли себе подходящее занятие.— И опустила на землю сумку и одеяло.

— Здравствуйте, Таня,— ответил Гуров, отряхнул ладонь и присел на шершавый валун.

Они познакомились несколько дней назад, на этом же месте, когда Лева пытался загорать. Она подошла и поздоровалась, спросила, как его зовут, не скрывая насмешки, оглядела с ног до головы. Гуров, представляясь, замялся. Лев Иванович звучит претенциозно, Лев — смешно, Лева — вообще не звучит.

— Гуров,— буркнул он.

В день знакомства Гуров узнал, что Таня местная, живет с мамой в собственном доме, окончила курсы медсестер, работает в санатории, сейчас в отпуске. Слушая ее неторопливую речь, Гуров, полузакрыв глаза, разглядывал новую знакомую и думал о том, что такие девушки встречаются на Кавказе, возможно, в Ростове или Краснодаре, и очень редко в Москве и Ленинграде. Смешение рас, то самое, о чем булгаковский Воланд говорил: «Причудливо тасуется колода». Женщина, на которую любой мужчина обратит внимание. Сильное смуглое тело, она не чувствует его, не демонстрирует, как животные не ощущают свою естественную красоту: они такими родились, такими и живут.

— Станный вы, непонятный.— Таня расстелила одеяло и легла, не раздеваясь.— Вы, кажется, мужчина сильный, самостоятельный, с другой стороны — потерянный какой-то, одинокий.

— Так оно и есть,— Гуров рассмеялся.

— Вы очень хорошо слушаете, с интересом, но без любопытства. А о себе ни слова...— Таня, видимо, пригласила, стянула с себя кофточку.— А мне интересно. Можно, я вас порасспрашиваю?

— Зачем?— Гуров пожал плечами.— Я сам признаюсь.— Верный своему принципу врать лишь в крайнем случае, сообщил:— Тридцать семь, женат, дочь, юрист. Выгнали из дома, приказали отдыхать, мол, нервное истощение у меня.

— А жена не ревнует? Отпустила на юг, одного.

— Ревнует, однако гордая,— ответил Гуров, подумал и добавил:— И умная — мужчину нельзя удерживать силой. Он либо любит, либо не любит.

— А вы всегда говорите правду?— Таня лукаво улыбнулась.

— Стараюсь,— Гуров пожал плечами.— Не всегда получается.

— Потрясающе!— Таня села и уставилась на него, словно увидела что-то ей совершенно незнакомое.

— А как у вас, Таня, с правдой и ложью?

— У меня?— Таня почему-то удивилась, затем захохотала, свалилась на землю.— Умереть можно! Я же баба! Для меня правду сказать — что уксусу выпить.

Она явно валяла дурака, говорила чушь, желая отгородиться, спрятаться. Гуров невольно насторожился, придавая голосу серьезность, сказал:

— Зачем женщин обижать? Думаю, вы разные.

— Думаешь.— Таня вновь села, взглянула на Гурова уже без любопытства, оценивающе, словно прикидывая, с какого боку ударить.

Он взгляда не отвел, не улыбнулся. «Ох, и непроста ты, девушка, что-то ты мне голову морочишь».

— Я согласен,— миролюбиво заявил Гуров.— Вы врушка. Данное качество свойственно вашему очаровательному полу... Оставим это. Поговорим о вас лично. Вы ведь живете на холме?— Гуров указал направление.

— И это правда,— обрадованно согласилась Таня.

— У вас пляж лучше, галька мельче, и идти вам в два раза ближе. А вы сюда приходите. Почему? Соврите что-нибудь оригинальное.

— Вы мне нравитесь.

— Интересно.— Гуров кивнул.— Вы меня в бинокль разглядывали?

Таня два дня прогуливалась у гостиницы, поджидая Гурова, но сказать об этом по известным причинам не могла, а быстрого ответа, похожего на правду, не находила. Поэтому отделалась немудреной шуткой:

— В программе «Время» передавали, что Лев Иванович Гуров прибыл на наш курорт, остановился в гостинице «Приморская», страдает нервным истощением, требуется развлечь.

— Здорово!— Гуров захлопал.— Развлекайте! Хорошо, что в программе «Время» назвали мое имя и отчество. А то как бы вы узнали, что я Лев Иванович?

— Ой!— Таня схватилась за голову.— Это у вас в Москве никто никого не знает. У нас проще. В гостинице две мои подружки работают. Я такое о вас знаю... Закачаются!

— Поделитесь! Может, я и закачаюсь?

— Нет! У вас своя компания, у меня — своя.

— Тогда не смею мешать.— Гуров церемонно поклонился.— Всего наилучшего.— И, стараясь не оступиться на осыпающейся под ногами гальке, поднялся на набережную.

Таня смотрела ему вслед и думала, что напрасно приходит сюда. Этот человек ей не по зубам, можно обжечься.

Гуров тоже был недоволен собой: решил отдохнуть, так и отдыхай, а не придумывай себе заботы, которых тебе на службе хватает. Гуров ощущал какой-то дискомфорт, что-то фальшивое в своем, казалось бы, беззаботном, курортном житье-бытье.

Был март, погода не устанавливалась, дождь, ветер, солнце вперемежку. Гурову такая погода нравилась, даже думать не хотелось, что творится на этой театрально-декоративной набережной в разгар сезона. Он сел на скамейку неподалеку от статуи, глянув на нее с умилением и благодарностью. Эта гипсовая промок-

шая и озябшая девушка возвращала на землю, к жизненным реалиям, так как окружающий ландшафт был настолько неестественно красив и гармоничен, что человек рисковал воспарить или поверить, что оказался в краю нездешнем. А взглянешь на тяжеловесное творение в гипсе и поймешь: все нормально, ты на земле, дома.

«Давай разбираться, Гуров, отчего тебе неуютно».

Прошлой весной Гурова вызвали к генералу. Когда Гуров вошел, генерал кивнул на присутствующего в кабинете мужчину и коротко сказал:

— Лев Иванович, познакомьтесь с гостем и окажите помощь.

Отари Георгиевич Антадзе, майор милиции, начальник уголовного розыска курортного города, приехал в столицу за «своим» жуликом, не желая отвлекать коллег от работы.

— Вы за каждым «своим» лично вылетаете?— спросил Гуров.

Отари улыбнулся, пожал плечами, отвернулся. Гуров понял: раз начальник розыска прилетел, значит, ему этот преступник очень нужен.

Помощь Отари понадобилась минимальная, «своего» мошенника майор разыскал на третий день. Гуров вскоре эту историю забыл, а месяц назад, когда его начали «выгонять» в отпуск, жена сказала:

— Рекомендую Черноморское побережье. Там сейчас тихо, безлюдно. Я взяла отпуск не могу, знаешь мою ситуацию, а тебе необходимо проветриться.

В аэропорту его встретил Отари, отобрал чемодан, усадил в машину, привез в гостиницу, где его ждали. Гуров поселился в двухкомнатном люксе, с балконом и окном на море и только к вечеру понял, как устал.

«Наверное, я в последние дни совсем плохо выглядел, раз они все так на меня накинулись». Отпуск так отпуск. Первые сутки Гуров выходил из номера только в кафе, потом начал спускаться к морю, гулять по набережной. На третий день он надел костюм, белую рубашку и спустился на второй этаж, в ресторан, который только открылся после перерыва.

Он сел у окна за большой стол. Как обычно, на Гурова просто не обращали внимания. Он сидел тихо, ничего не требуя, официантки расположились в другом конце зала, тоже не шумели, обсуждали свои проблемы. Таким образом, установилось равновесие.

Гуров поглядывал в дальний угол ресторана на невозмутимо беседующих женщин. «Культура обслуживания давно утеряна, экономически я им не нужен, можно говорить и писать ежедневно, ничего не изменится. Когда официантка наконец подойдет, я встану и поздороваюсь,— решил Гуров.— Какой получу ответ?»

Его размышления прервала девушка.

— Здравствуйте,— сказала она, занимая место напротив Гурова.— Давно ждете?

«Удивился я тогда или нет?— Гуров провел рукой по шершавой скамейке, взглянул на грязную ладонь и подумал, что его фирменный костюм вскоре станет нормальной рабочей одеждой.— Почему она подошла ко мне, хотя в зале было полно свободных столов?»

Я тогда подумал: мол, не любит красивая женщина одиночества, ведь актер не может играть перед пустым залом».

Гуров запоздало поднялся, поклонился.

— Здравствуйте.

— Майя.

— Гуров... Лев Иванович.

— На Иваныча вы пока не тянете, — рассмеялась Майя. — Вы всегда такой скромный? Приходите, садитесь и молча ждете? А если фужер разбить? Громко! Потом сказать, что случайно. Два рубля, а сколько удовольствия! Начнут ругаться, осколки собирать. А завтра подойдут мгновенно.

— Завтра работает другая смена, — ответил Гуров.

— Ни полета, ни фантазии!

— Мне уйти?

— Сидите. — Майя махнула рукой, вздохнула. — Лежишь на этот курорт, надеешься на что-то новое, неожиданное. Только спокойно, Левушка, я женихов не ищу, хватаю.

— Не сомневаюсь, — искренне ответил Гуров.

Майя была девушкой эффектной, не красивой, но хорошеющей, а именно эффектной, рекламной. Рыжеватые, явно крашенные волосы обрамляли лицо правильного овала, коротковатый нос, полные губы, подведенные к вискам глаза, косметики в меру.

— Ну и как? — спросила она, нисколько не смущаясь под внимательным взглядом Гурова.

— Неплохо. Даже отлично, — ответил Гуров. — Вас спасают глаза. Содержание. Иначе при такой внешности и манере себя вести вы походили бы на куртизанку.

— Проститутку? Кстати, как вы относитесь к проблеме? Модная сейчас тема.

Гуров не успел сформулировать свое отношение к модной теме, к ним подошел элегантно одетый мужчина.

— Добрый день, Майечка, собираете отряд волонтеров? — Он подмигнул Гурову. — Артеменко. Зачислен вчера. На правах старослужащего должен вас предупредить...

— Володя! — перебила Майя. — Кончай трепаться. Распорядись! Мы с Левой сидим с утра.

— Разрешите? — Артеменко взглянул на Гурова вопросительно.

Официантка не подошла, подбежала.

— Здравствуйте, здравствуйте! Обед на три персоны? Зеленый? — Она уже быстро писала в блокноте. — Лаваш подогреем. Сыр, есть язычок...

Артеменко не обращал на официантку внимания, сел, взял стоявшую на столе бутылку минеральной. Официантка тут же открыла ее, продолжая говорить и записывать.

— Горячим нас сегодня шеф не балует. Цыплят не рекомендую, шашлыки тоже, но голодными не отпустим...

— Лед, пожалуйста, — прерывая ее монолог, сказал Артеменко.

После этого обеда, который незаметно перешел в ужин, жизнь Гурова изменилась.

В ресторане или буфете встречали улыбками, здоровались, и выяснилось, что для него всегда есть холодный боржом. В компании появилось еще двое мужчин. На следующее утро у моря он познакомился с Таней.

«Так, все сначала», — скомандовал Гуров, встал со скамейки и пошел от гостиницы в сторону порта. Эмоции отдельно, факты отдельно.

«Спокойно, подполковник. Спокойно. Кому и зачем ты можешь быть нужен? Делами о хищениях ты не занимаешься, пропиской в Москве не командуешь, к поступлениям в вузы отношения не имеешь. Никаких громких дел сейчас твое подразделение не ведет. Никому ты, подполковник, не нужен. Таковы факты.

Но к тебе же явно пристают, знакомства с тобой ищут. Причем люди совершенно разные, казалось бы, никак друг с другом не связанные».

Владимир Никитович Артеменко порой выглядел пятидесятилетним, но случалось, когда задумывался или считал, что на него никто не смотрит, выглядел на все шестьдесят. Он очень следил за собой, казался, брился дважды в день, его костюмы всегда отутюжены, рубашки свежи. От вопроса, где и кем он работает, Артеменко не уклонился, просто свел ответ к шутке. Мол, администратор, руководитель среднего масштаба, которому жить не стыдно, но и хватать нечем. В гостинице да и в других ресторанах и кафе, куда Гуров с ним заходил, Артеменко знали, встречали наилучшим образом. С первого дня Гуров установил с ним немецкий счет — каждый платит за себя, и Артеменко отнесся к этому просто. Деньгами не сорил, непомерных чаевых не давал, и причина его авторитета у обслуживающего персонала оставалась для Гурова неизвестной. Несколько раз Гурову приходилось видеть гуляющих «цеховиков» — подпольных миллионеров. Артеменко никак не походил на них. Он, видимо, достаточно много и часто пил, но пьяным ни разу не был, похмельем не страдал, и руки у него никогда не тряслись. Неумеренность не бросалась в глаза.

Сейчас Гуров все это вспомнил, попытался как-то

систематизировать, понять Артеменко, однако цельного образа не получилось. И еще, пустяк, казалось бы, задумываться не стоит, однако чем скромный «юрисконсульт» Лев Гуров мог заинтересовать этого странного человека?

Майя. Фамилии ее Гуров не знал. Инструктор физкультуры на каком-то предприятии. Лет около тридцати.

Гуров задумался. Кургузая, обрывочная информация, собранная из случайно оброненных фраз. В прошлом Майя была в большом спорте, как она выразилась: «Я лишь бронзовая, до золота силенок не хватило». «Ходила» замуж, не понравилось, скучно.

У гостиницы стояла ее сверкающая «Волга», которой Майя почти не пользовалась. «И зачем я велела сюда ее пригнать, сама не пойму, — сказала она. — Надо позвонить, чтобы прилетели и забрали».

Кажется, ничего в Майе загадочного, но чем дольше он думал, тем больше в нем росла уверенность: эффективная, остроумная, казалось бы, открытая, Майя в чем-то, причем в главном, лжет. Как лжет и Артеменко, которого все зовут по имени, что так же естественно, как гладить хищника, хотя он и из породы кошачьих.

— Лев Иванович, разрешите нарушить ваше уединение?

Гуров повернулся и увидел еще одного лгуна, самого неумелого в их компании.

Леонид Тимофеевич Кружнев был среднего роста, болезненно худой, с темными кругами под глазами, тонкими поджатыми губами, он не вызывал к себе симпатии. Мягкий тембр голоса и постоянный вопрос, как бы застывший в глазах, придавали Кружневу такой беззащитный вид, что отказать ему в общении было невозможно. Он пытался держаться развязно и беззаботно, это получалось у него плохо, и, словно понимая свою актерскую бездарность, постоянно смущенно улыбался, как бы извиняясь.

Два дня назад утром он подошел в кафе гостиницы к столику Гурова и сказал:

— Приветствую, уважаемый, не выпить ли нам по стаканчику вина? По случаю знакомства, так сказать. — Он прицелился каблучками, поклонился. — Кружнев Леонид Тимофеевич. Москвич. Бухгалтер. Нахожусь в очередном отпуске.

Гуров взглянул на пустые столики, пожал плечами, вздохнул:

— С утра не пью, поручик. А вы никак ночью проигрались? — Гуров скопировал тон и лексикон Кружнева, надеясь, что тот обидится и отойдет.

— Не судите, да не судими будете, Лев Иванович. — Кружнев расставил принесенную на подносе закуску, вынул из кармана пиджака бутылку сухого вина, сходил за стаканами, налил. — Не извольте удивляться. Вчера слышал, как к вам обратилась дежурная. А начальство мое исключительно от стеснительности.

Он чокнулся со стаканом Гурова и выпил одним духом.

— Знаете, пятый десяток разменял, Черное море впервые вижу. Один. Супруга недавно умерла, погибла, так сказать, в автомобильной катастрофе. Я и решил гульнуть, оказалось, не умею...

Молчать становилось неприличным, и Гуров сказал:

— Я по части отдыха тоже не мастак.

— Вижу, но вчера вечером вы находились в развешенной компании — светская львица и преуспевающий современный бизнесмен. Еще с вами был эдакий плейбой, как я понял, из местных.

— Толик? — Гуров усмехнулся. — Действительно, из местных. Работает физкультурником в санатории. Ну какой он плейбой?

Вечером Кружнев сидел с ними за столиком и рассказывал древние анекдоты. Никакой настороженности он у Гурова не вызывал, разве что жалость и раздражение. Неудачник, слабый, поверхностный человек...

С физиком Толиком Гуров познакомился элементарно — парень просто преградил ему дорогу и сказал:

— Привет, старик. Меня зовут Толик. Какие проблемы? Чем могу?

Гуров ответил, мол, проблем никаких, и попытался обойти улыбающегося атлета. Но не тут-то было.

— А у меня есть. — Толик широко улыбнулся. — Твоя жена? — Он кивнул в сторону стоявшей неподалеку Майи.

Гуров неожиданно для себя разозлился и заговорил певуче, на блатной манер:

— Не жена, парень. И мальчик, что стоит с ней рядом, — он взглянул на Артеменко, — не ейный муж. Я твоего имени не называл, катись. Счастливой охоты!

— Во дает! — Толик хлопнул его по плечу. — Ты мне сразу понравился, хоть и выглядишь интеллигентом.

Он взял Гурова за локоть, подвел к Майе и Артеменко.

— Честной компании салют! Даме персонально! — Он поклонился. — Вот друга встретил, а он жалуется, мол, некуда в вашем городишке девать время и деньги. Да, — он хлопнул себя по широкой гулкой груди, — меня Толик зовут. Человек я в плохую погоду незаменимый. Все знаю, везде мне рады, за мной как за каменной стеной.

Так в их компанию ворвался непрестанно улыбающийся Толик.

Итак, за несколько дней с Гуровым познакомилась: Майя, Артеменко, физкультурник Толик, бухгалтер Кружнев, а на пляж стала приходиться Таня. И чем дальше вспоминал, тем ему больше случайные знакомства не нравились.

— Не помешал? — Кружнев, склонив голову набок, заглядывал Гурову в глаза и виновато улыбался. Он был не один. За его щуплой фигуркой громоздился атлет Толик.

— Извините, занят, — сухо сказал Гуров и зашагал прочь от гостиницы.

— Лев Иванович, — бормотал за спиной Кружнев. — У нас предложение...

— Бухгалтер, — перебил Толик, — оставь человека в покое.

Гуров поднялся в город, долго бродил под накрапывающим дождем, потом пообедал в столовой, зашел в кинотеатр, через полчаса сбежал. Вернувшись в гостиницу, прокрался в номер, заперся, не подходил к телефону, не отвечал на стук в дверь. Вечером стучали особенно настойчиво.

— Лева, ты жив? Отзовись! — громко требовала Майя.

Пришлось подойти к двери.

— Жив, но болен и лег спать, — сердито сказал Гуров.

На следующее утро ему пришлось горько пожалеть о своем поведении. Столько дней терпел, мог бы потерпеть еще один.

Таким образом, непосредственно перед катастрофой он никого из компании не видел.

АРТЕМЕНКО Владимир Никитович.

Он родился сыном «врага народа». Отца арестовали, когда мать была на седьмом месяце. От потрясения она заболела, родила преждевременно. Потом рассказывала, что Володя жил два месяца не открывал. Врачи сказали, ребенок жить не будет. Но он, не открывая глаз, ел непрестанно, окреп и занял местечко под солнцем.

В войну мать и сын жили как все, впроголодь. В детстве Володя ни разу не почувствовал, что он сын врага. Отцов в те годы почти ни у кого из ребят дома не было, борьба за жизнь отнимала столько времени и сил, что на раздумья ничего не оставалось, а мать помалкивала.

Война кончилась, отец умер в лагере. К последнему событию Володя отнесся равнодушно: никогда человека не видел, а сообщения о смерти в те годы поступали ежедневно, среди сверстников говорили о ней обыденно. К Сталину Володя Артеменко относился, как и подавляющее большинство окружающих, с восторженным благоговением. Он кое-как окончил десятилетку, перебиваясь случайными заработками, зимой помогал в котельной своего дома, летом работал в ЦПКИО имени Горького на аттракционах, катал отдыхающих. Поступил на юридический факультет университета. В метрике в графе «отец» у него стоял прочерк, но к этому времени мать уже получила бумажку, в которой фиолетовыми чернилами было написано, что Артеменко Никита Иванович реабилитирован за отсутствием состава преступления. Володя уже знал, что слова эти означают: никакого преступления отец не совершал.

Что теперь поделаешь, убили и убили. Паспорт у тебя, парень, есть, метрику с позорным прочерком никому показывать не надо, тебе еще вместо отца и справку, написанную фиолетовыми чернилами, с гербовой печатью выдали, дорога перед тобой светлая, шагай, человек — сам творец своего счастья.

Володя Артеменко зашагал. С товарищами-студентами поехал на целину. И сегодня, спустя больше тридцати лет, он порой вспоминает энтузиазм той «компании», сутки без сна, непроходящую усталость, костры и песни. А вот чего он никогда не сможет забыть, так это ту осень, когда они, молодые и гордые, увидели, как гибнет выращенный ими хлеб.

Целина была их Великой Отечественной, проверкой молодого поколения. Казалось, они достойные отцов, выстояли и победили. Хлеб, убранный бригадой Артеменко, не вывезли. И ему долго виделись горы гниющего зерна, за которое заплачено щедро, не торгуясь.

Володя вернулся в Москву, узнал, что мать похоронили два месяца назад, телеграммы его не нашли. А может, телеграммы потеряли, а то и вовсе забыли передать. Так он остался один в двенадцатиметровой комнате, девять семей в квартире со всеми удобствами.

Куль личности был всенародно развенчан, Сталина заклеямили. Володя Артеменко помалкивал, наблюдал. Отметил без любопытства, что шумят и воинствуют люди, которых культ напрямую, непосредственно не коснулся.

В семьях, обезглавленных культом, только вздыхали, заглядывали в семейные альбомы, доставали и рассматривали потускневшие фотографии. И будто

успокоились: отцов не воскресить, детям жить надо. Как фронтовики говорят о войне лишь друг с другом, так и родственники погибших в лагере не ведут бесед с посторонними. Обмолвятся несколькими словами и замолчат, раньше разговаривать страх мешал, а теперь бессмысленно.

Артеменко получил диплом, стал работать следователем в районной прокуратуре, оклад получал небольшой, жил бедно и однообразно. Скучно женился и скучно развелся, детей, слава богу, не назвали.

Сейчас, вспоминая свою молодость, время, когда жизнь вокруг бурлила, все призывало к свободе и обновлению, он удивлялся себе: почему он тогда будто задремал?

У женщин Артеменко всегда имел успех, но ему нравились женщины праздничные, шикарные. Чтобы обладать ими, требовались либо деньги, либо талант. Ни тем, ни другим следователь Артеменко не располагал и обходился кратковременными равнодушными связями. Вино он почти не пил, отчего близких друзей не имел: известно, мужчин объединяют работа, семья или застолье.

Работал он много, пользовался авторитетом, засиживался в кабинете порой допоздна — торопиться-то некуда. Взятки не брал, с подследственными держался довольно мягко, получавшие срок зла на Артеменко не держали.

Так он жил-поживал, добра не наживал и уже смирился с мыслью, что жизнь не удалась. Взрыв произошел неожиданно и разнес его сонное существование в клочья.

Он вернулся с работы около восьми часов и обнаружил в своей квартире сверток, в котором находилось двадцать тысяч рублей. Входная дверь в квартиру открывалась копейкой, войти мог всякий, кто хотел. Записки не было, лежали двадцать тысяч, и вся недолга.

Он отлично понимал, что его покупают, не знал только, по какому конкретному делу и что попросят взамен. Заявить о происшедшем прокурору Артеменко даже в голову не пришло. Он появился на работе к семи утра, вынул из сейфа дела, которые находились в производстве, и очень быстро установил, какое из них могло стоить такой суммы. Начальник некоего управления, находясь за рулем личного автомобиля марки ГАЗ-21 в нетрезвом виде, врезался в «Жигули», и находившаяся за рулем молодая женщина, не приходя в сознание, скончалась.

Он убрал остальные дела в сейф, оставив на столе тоненькую папочку. Наезд, точнее убийство, так как водитель был пьян и значительно превысил скорость, произошел третьего дня.

Артеменко, перечитывая материалы, думал о том, что водитель машины срок получит внушительный. Одновременно в голове вертелась и другая мысль, совершенно противоположная: следователь прикидывал, правда, пока теоретически, что можно предпринять для спасения водителя, какие документы следует из дела убрать, а какие изменить и вытнуть преступника на условную меру наказания.

«Сегодня податели денег не объявятся, — рассуждал он, — бросили кость и ждут, схвачу я ее или отнесу хозяину. Они не пошли со мной на прямой контакт, знают, я не беру, значит, имеют обо мне информацию. От кого? Прокурор отпадет, скорее всего кто-то из коллег. Если я пойду к прокурору?»

Артеменко сам с собой играл в прятки, отлично понимая, что к прокурору не пойдет, будет ждать, как развернутся события...

Через пять лет Владимир Никитович Артеменко жил в двухкомнатной квартире улучшенной планировки, ездил на собственной машине, работал директором дома отдыха под Москвой. Он искренне удивился, как легко и безболезненно произошла перемена, словно он не перебежал в лагерь своих противников, а зашел в магазин, сбросил с себя все, начиная с белья и носков, и надел новое. И ничего, оказывается, не жмет, все подогнано точно по фигуре. Надо отдать должное: занимались его кипировкой профессионалы.

Тогда, в далеком прошлом, его остановили на улице, пригласили в машину — никакого принуждения, все с улыбкой, даже с юмором. В кабинете загородного ресторана его ждал мужчина лет сорока со скучным, невыразительным лицом.

— Здравствуйте, Владимир, садитесь, будем ужинать. Вы не пьете, а я рюмку себе позволю. — Он налил и выпил, подвинул гостью салатницу.

Стол не ломился от яств: салат из овощей, язык, графинчик водки и минеральная вода. Хозяин начал разговор без предисловий:

— Как вы относитесь к моему предложению? Вы знаете, о чем идет речь? Хотите помочь? И возможно ли?

— Не знаю, — ответил Артеменко, — я думаю третьи сутки, решить не могу.

— Вас смущает сторона этическая или правовая?

— Не знаю.

Хозяин отложил вилку, взглянул на Артеменко внимательно, прищурился, словно прицеливаясь.

— Вы мне нравитесь. Женщина погибла, мой приятель оказался подонком. Говоря «оказался», я себя обманываю, давно знал, что он дерьмо. Но я в таком

возрасте, Владимир, когда друзей не выбирают, как и не меняют коней на переправе. Девочку не вернешь, и за десять лет моего дружка не исправишь. Возмездие? Чтобы другим nepовaдно было? Давайте не будем переделывать человечество! Вопрос идет, как я понимаю, о вашей совести. Вы член партии? — Естественно.

— Да, на вашей работе естественно. — Хозяин вздохнул. — Проблема взаимоотношения человека с самим собой сугубо личная, помочь со стороны невозможно. Конечно, я могу сказать вещи хорошо известные. Ваш лидер награждает сам себя и, видимо, спит спокойно. Как ведут себя его дочь и зять, вы тоже знаете. Я могу привести вам примеры, десятки, сотни примеров безнравственности и откровенной уголовщины среди лиц неприкасаемых. Вы возразите: мол, пусть так, они такие, а я иной. Вы правы, Володя, абсолютно правы. Чем я могу вам помочь? — Он развел руками. — Вы отлично понимаете, соверши аварию кто-то из неприкасаемых, у вас и материала в сейфе не было бы. И ваш прокурор, мужественный фронтовик и честнейший человек, о данном факте просто ничего бы не знал. Если вы откажетесь, претензий никаких, угрозы тем более, за деньгами заедут, и мы с вами никогда не встретимся...

Хозяин выпил еще рюмку и стал аппетитно, неторопливо закусывать. Артеменко пил минеральную воду, что-то жевал, но вкуса еды не ощущал. В голове лишь гулкая пустота, обрывки мыслей. Он отлично понимал: его покупают, но раньше ему казалось, что делается это как-то совсем иначе, более цинично, что ли.

Человек, сидящий напротив, говорил правду — все так и есть, существуют неприкасаемые. Он, Артеменко, доказывает вину только тех, кого ему разрешают отдавать под суд...

Он не заметил, как подали шашлык. С трудом прожевав кусок, налил себе в рюмку водки.

— Кофе, пожалуйста, — сказал хозяин официанту. — Вы мне нравитесь, Володя. Не люблю болтунов и людей, принимающих решения быстро. Скоро соглашаться, легко отказываться. Если вы решите служить у меня, официальное место работы придется сменить. Согласитесь, располагать деньгами и жить в коммуналке не имеет смысла.

Артеменко вывел подследственного из-под прямого удара. Передоприсов свидетелей, он одни документы фальсифицировал, другие уничтожил. И друг хозяина получил три года условно. Врач с косящими, видимо, от постоянного вранья глазами обнаружил у Артеменко какое-то заболевание, объяснил симптомы, научил, на что следует жаловаться, и вскоре он из прокуратуры уволился и стал директором дома отдыха.

Год Артеменко не беспокоили, анонимно помогая со вступлением в кооператив, с покупкой машины, организацией быта. Затем в доме отдыха появился Пискунов, тот самый спасенный им от тюрьмы выпивоха-автомобильщик. Борис Юрьевич, так звали этого деятеля, передал Артеменко поклон от общих знакомых и просьбу ответить в Ригу черный увесистый кейс. Так началась его служба в подпольном синдикате, размах деятельности которого Артеменко не представлял. И сегодня, спустя более чем двадцать лет, он знал об этой корпорации только в общих чертах, что спекулируют валютой, квартирами, машинами. Но какие суммы оседают в руках хозяина, сколько людей на него работает, кто и сколько получает — оставалось неясно. Его это вполне устраивало: опыт прежней работы подсказывал, что чем меньше контактов и информации, тем меньше риск, а в случае провала короче срок.

Хозяина звали Юрий Петрович. Сегодня он пенсионер, а где работал раньше — не говорит. И Артеменко не интересовался. Эта его манера никогда ничего не спрашивать, брать деньги и не торговаться крайне импринировала Юрию Петровичу. Он приехал в дом отдыха год назад и сказал:

— Володя, все меняется, надо и нам перестраиваться, иначе посадят. Уже арестовали две группы, выхода они на меня не имеют, но треть «империи», — он криво улыбнулся по-старчески бескровными губами, — я потерял.

— А может, самораспуститься? — спросил Артеменко. — Мне лично денег до конца жизни хватит.

— Деньги, Володя, лишь бумажки. Я без дела и власти жить не могу, помру.

— А так помрем в тюрьме, в одной камере.

— Чуть! По моим подсчетам, новые начинания, по вашей терминологии, среднее звено похоронят. Чиновники пригреблись, работают не хотят да и не умеют.

— На нас умельцы найдутся.

— Возможно. А что делать? Ну уйдем мы с тобой в сторону. Думаешь, все наши враз успокоятся? Никогда, будут продолжать, сядут и заговорят. А без меня они очень быстро сядут.

— А что делать?

— Надо бы двух, лучше трех убрать, похоронить, чтобы на нас не могли выйти.

— Я на убийство не пойду.

— А куда ты денешься, Володя?

Разговор на этом прервался, но Артеменко знал: шеф никогда ничего не говорит просто так, надо ждать продолжения.

В последнее время Артеменко покупал множество центральных газет, читал и радовался, когда находил статью с очередным разоблачением или фельетон о «подпольщиках». Ему бы следовало гутаться, а он восторгался, смаковал подробности, и чем выше пост занимал «герой», тем больше Артеменко получал удовольствия. Ведь министры, замы — взяточники и воры — самим фактом существования реабилитировали Артеменко в собственных глазах.

Раньше, защищаясь, пытаясь спрятаться от самого себя, он создал такую конструкцию. «Отца моего ни за что ни про что арестовали, посмертно реабилитировали, так это лишь бумажка. Хорошо, я стерпел, встал под новые знамена. И что? Я верил, голосовал, поддерживал, шагал в ногу со всеми. Оказалось, что подняли не то знамя, и в ногу я маршировал не в ту сторону. Снова заиграли марши и начали бить барабаны. Я не так уж ретиво, но зашагал. Сколько можно верить? Возможно, я человек слабый: вышел из колонны, начал думать о благе личном, нарушать закон, «тянуть одеяло на себя». Ну, слаб человек, а искушение велико. Так мне высокое звание Героя и не присваивают, на орден я сам не претендую, и вообще, если от многого взять немножко, то это не кража...»

Но как он себя ни уговаривал, а спустя годы цинично признавал: ты, Владимир Никитович Артеменко, стал вором. Так и есть, и не крути, живи, пока живешь. Сегодня же, когда на свет божий вытащили фигуры — не тебе ровня, людей, воровавших так, что по сравнению с ними ты просто агнец, ликуй, Артеменко, и пой, чист ты перед совестью и перед людьми, хотя с ворованного партвзносы и не платишь.

Шло время. Петрович не появлялся, мрачные мысли начали отступать, тускнеть.

Майя приехала в дом отдыха на неделю. Артеменко сразу определил в ней профессионалку, послал в номер цветы, ужинали они в ресторане. Начало «романа» походило на все предыдущие, но уже в первый вечер Майя внесла значительные коррективы:

— Мой номер — «люкс», на ночь не сдается минимум месяц. Стоимость — тысяча, оплата перед въездом. Естественно, клиент может заплатить, переночевать и не возвращаться.

— Считаю, что вы мотовка, подобные апартаменты не встречал, но уверен, они стоят значительно дороже, — ответил Артеменко.

— Дороже можно, — милостиво согласилась Майя.

Через неделю Артеменко влюбился. Он не почувствовал, в какой момент превратился из квартиро-съемщика в постояльца, с которого плату берут вперед, а ночевать пускают по настроению, из милости. К материальной стороне Артеменко относился просто: наворовал достаточно, наследников нет, в крематории деньги не требуются. Зависимость, в которую попал, он недооценивал. «Станет невмоготу — сорвусь, от любви в моем возрасте еще никто не умирал».

В течение года Артеменко пытался порвать с Майей дважды. Когда она рядом — плохо, когда далеко — еще хуже. Преследовал ее запах, голос, порой он вздрагивал, слышал стук ее каблучков, но Майя не появлялась.

Вернувшись после второго побега, Артеменко сделал предложение.

— Зачем? — Майя взглянула удивленно. — Разве нам плохо? Ты старше меня почти на тридцать лет, над нами смеяться будут. Мужик, мол, из ума выжил, а девка — хищница.

— А ты не хищница?

Майя иронически улыбнулась и не ответила.

Артеменко подарил ей свою старую «Волгу». Так как дарить машину непрямому родственнику не разрешается, он продал ее через комиссионный, оплатив стоимость расходов. Майя погладила Артеменко по щеке, сказала:

— Спасибо, — и укатила на собственной машине домой, ночевать не осталась.

Артеменко так запутался в своих отношениях с Майей, так устал от круглосуточной борьбы с ней и собственным самолюбием, что на время забыл о последнем разговоре с Юрием Петровичем, о той угрозе, что нависла над ними.

Шеф явился к нему в служебный кабинет без звонка, не подчеркивал своего старшинства, занял стул для посетителей.

— Ты был следователем по уголовным делам, — начал он без предисловий. — Одного человека требуется срочно убрать. Думай.

— Хорошо, обмозгуем, — согласился Артеменко и посмотрел на Петровича с благодарностью.

«Как мне самому в голову не пришло? Если Майя не станет, я буду свободен! Когда начинается гангрена и процесс ее необратим, ногу отрезают».

КАТАСТРОФА

Проснулся Гуров от телефонного звонка и молниеносно вскочил — сбросил выработанный годами рефлекс. «Начало восьмого, совсем сбрендили от безделья друзья, — подумал он и трубку не снял. — Соскучились, понимаю, но ничего, позавтракаете без меня, я еще сплю». Он не спеша отправился в ванную,

спокойно брился, полоскался под душем, слушал трезвон и отчего-то злорадствовал: «Звони-звони, топориться куда, здесь не Москва».

Гуров надел костюм и не спеша выбирал галстук, когда в дверь постучали.

— Я сплю!

В дверь снова постучали. Гуров поправил галстук, одернул пиджак, открыл дверь, театрально поклонился:

— С добрым утром!

— Гражданин Гуров? — В номер вошел сержант милиции.

Гуров отметил настороженный блеск его агатовых глаз. Черные усики сержанта воинственно топорщились, юношеское лицо своей строгостью рассмешило Гурова.

— Уже и гражданин? — Он некстати хихикнул. — Но и с гражданами полагается здороваться, товарищ сержант.

— Почему вы не снимали трубку, Лев Иванович? — Сержант быстро прошел в номер, заглянул в ванную, хотел открыть шкаф, но не открыл. — Почему отвечаете, что спите?

— Долго объяснять, товарищ сержант, — серьезно ответил Гуров. — Сначала связывал простыни, все-таки третий этаж, а дама испугалась. Потом возился с наркотиками, тайника нет, пока спрячешь... Вы завтракали? — Он шагнул через порог, вынул из двери ключ, вставил с обратной стороны. — Пошли выпьем по чашке кофе и спокойно обсудим ваши проблемы. А то вы от неопытности и служебного рвения начинаете нарушать закон.

Сержант растерялся, усики у него поникли, и, хотя ему явно хотелось внимательно осмотреть номер, стоял в нерешительности.

Гуров почувствовал себя неловко. «Мальчику максимум двадцать два, наверное, только в армии отслужил, опыта ни жизненного, ни милицейского, а я, старый волк, над ним подшучиваю. А чего он явился? Может, Отари не мог дозвониться и послал за мной? Глупости, сержант бы вел себя иначе».

Они так и стояли — хозяин в коридоре, а гость в номере. Гуров оценил нелепость ситуации и миролюбиво спросил:

— У вас ко мне дело? — И почему-то усмехнулся. — Идемте, идемте, выпьем по чашке кофе и потолкуем.

— Вы где работаете, гражданин? — Сержант полагал, что такое обращение должно подействовать на человека. — В вашей гостиничной карточке написано, что юрист-консульт. В каком учреждении, министерстве?

Гурову надоело. «Стоим, как сопляки, и препираемся».

— Все! Выходите из номера. — Он кивнул сержанту. Когда тот нерешительно шагнул, поторопил его, подтолкнув под локоть.

— Идемте к администратору, там объяснимся!

— Но-но, только без рук! — вспылил сержант.

Гуров не ответил, запер номер и быстро пошел по коридору.

Начальник уголовного розыска майор милиции Отари Георгиевич Антадзе сидел в холле первого этажа и, поглаживая бритую голову, беседовал с Артеменко и Майей. Майор видел спускающегося по лестнице Гурова, не улыбнулся, даже не поздоровался, глянул безразлично и продолжал разговор. Четвертым за их столом сидел старший лейтенант милиции. Следователь, понял Гуров, но не прокуратуры, значит, никого не убили. Видно, обворовали моих приятелей.

Подполковник Гуров ошибся. За соседним столом сидели двое в штатском, оба с чемоданчиками. Один из них — эксперт, другой — врач. А почему врач? И почему Отари хочет, чтобы о нашем знакомстве не знали? Здесь что-то не так. Гуров тяжело вздохнул, как дремлющий в гамаке человек, услышав, что его зовут окучивать картошку. Подите вы все от меня! Ничего не делал, никому ничего не должен, я отдыхаю! Это ваши грядки! Ничего подобного Гуров вслух не произнес, злость свою опять же сорвал на незадачливом сержанте:

— Да не дышите мне в ухо, не сбегу!

Отари на них не посмотрел, но улыбки не сдержал. Тихо беседовал, записей не вел. Следователь, отложив официальные вопросы, делал какие-то пометки в блокноте.

Четверыхаясь, покряхтивая, Гуров словно распрямил затекшую поясницу и, совершенно не желая того, начал работать. Все небритые, у эксперта ботинки в грязи, брюки мокрые. Врач читает и правит свое заключение. Труп либо трупы телесные... И не в гостинице, оперативники на улице лазили, у кресел, где их мокрые плащи брошены, уже лужа натекла. Подняли группу ночью, сюда они прямо с осмотра, работали часа три-четыре: значит, дело дерьмо.

«Отари определенно имеет на меня виды».

Гуров подошел к столу, за которым Отари и следователь беседовали с Майей и Артеменко, и сказал:

— Здравствуйте. Извините, что прерываю. Моя фамилия Гуров, живу в триста двенадцатом, доставлен под конвоем.

Артеменко рассеянно улыбнулся и кивнул, Майя взглянула на Гурова неприязненно.

— Мою «Волгу» угнали.

— Черт побери... — пробормотал Гуров. — Приношу свои...

— Кажется, Лев Иванович? — перебил Отари. — У нас к вам несколько вопросов. Зайдите в отделение, скажем, часов в двенадцать.

— Майя, я не умею утешать, да и бессмысленно. — Гуров перевел взгляд на Отари. — Не знаю, где здесь милиция. Если я вам нужен, пришлите за мной машину. — Он сделал общий поклон и ушел.

«По угону не выезжают бригадой во главе с начальником розыска», рассуждал Гуров, доедая яичницу и прихлебывая теплый прозрачный кофе без вкуса и запаха. — Так почему такой аврал? Не буду гадать, скоро все выяснится».

Когда он спустился на первый этаж, группа уже уехала. Артеменко прохаживался у гостиницы. Гуров взглянул на его сверкающие туфли, безукоризненно отутюженный костюм и спросил:

— Владимир Никитович, вы словно сошли с рекламного проспекта, как вам удается быть постоянно в форме?

Артеменко вздохнул, оглядел Гурова с головы до ног, не удостоил ответом, спросил:

— А что, по каждому угону выезжает такая группа?

— А кто его знает.

— Конечно, вы юрист-консульт и не в курсе милицеских порядков.

Артеменко знал, где и кем работает Гуров. Поэтому усмехнулся, а потом не выдержал и рассмеялся.

Гуров случайным знакомым представлялся как юрист либо юрист-консульт по причине простой. Дело в том, что к сотрудникам уголовного розыска люди относятся с нездоровым любопытством и делятся, грубо говоря, на две категории. Одни начинают спрашивать о погонях и перестрелках, своими назойливыми вопросами не давая житья. Другие мучают бесконечными рассказами о кошмарных преступлениях, которые произошли «на соседней улице».

Несколько раз Гуров срывался и таким знатокам хамил. А с годами решил: простите, мол, мою невинную ложь, но я юрист-консульт, дела мои вам абсолютно неинтересны, поговорим о погоде.

Артеменко хоть и знал, кем работает Гуров, но все вытекающие отсюда последствия не учел. Его настойчивый выезд опергруппы на элементарный угон, он задал Гурову вопрос, рассчитывая, что «юрист-консульт» может проговориться. Тот не проговорился, а вот сам Артеменко сболтнул лишнее.

Гуров, поддерживая разговор, согласно кивал, беспечно улыбался и напряженно просчитывал ситуацию. Точнее, не просчитывал, лишь выстраивал вопросы, на которые впоследствии он постарается найти ответы. Например, почему Артеменко обратил внимание на количество и состав приехавших сотрудников?

Веранда в доме Отари была большая, деревянные столбы обвиты плющом. Хозяин сидел в торце длинного стола, ел яичницу с помидорами и изредка поглядывал на Гурова из-под пригнутых после дневного сна век. Отари не пользовался ни вилкой, ни ложкой. Взяв кусок хлеба, он ловко собирал еду с тарелки и, не уронив ни крошки, не пачкая ни губ, ни своих коротких, толстых пальцев, отправлял еду в рот.

Гуров следил за ним заворожено, он и не представлял, что можно есть так аккуратно и аппетитно без помощи привычных приборов. Обнаженный торс Отари бугрился мышцами. В одежде майор производил впечатление нескладного толстого увальня, а обнаженный походил на Геркулеса. Он вытер рот и руки полотенцем и сказал:

— Как выражаетесь вы, русские, вот такие пироги.

Гурова привезли в дом полчас назад, он и понятия не имел о «пирогох», тем не менее согласно кивнул.

— Машину нашли в ущелье около трех утра. В лепешку, водитель тоже. Семь километров от города, думаю, угнали «Волгу» примерно в два. Лепешка-картошка. — Отари потер свою голову, вздохнул. — Не нравится мне все это, плохое дело, грязное. Воняет. — Он поднес к носу пальцы, сложенные щепотью. — Хозяйка машины плохая, мужчина ее плохой, все пахнет. Понимаешь?

— Нет, не понимаю, — признался Гуров. — Вокруг Майи много мужчин. И я...

Отари прервал его жестом.

— Перестань. Вы все так... Зелень вокруг мяса. Артеменко. Плохой человек.

— Оставим вопрос, кто с кем спит. — Гуров рассердился. — Дороги у вас, известно... Гнал ночью, не вписался в поворот.

— Не сказал я тебе главного, Лев Иванович, виноват. Угонщик наш, местный, ас. Ночью с завязанными глазами самосвал прогонит. Да и сорвался он совсем не в опасном месте. Такие пироги. Облазили мы все, смотрели хорошо. У него переднее колесо отлетело, на дороге осталось. Кто-то ему машину приготовил. Понимаешь?

— Пустое, не те люди. — Гуров сорвал с вьюна лист, прикусил и тут же выплюнул. — Кофе сварил, хозяин называется. Гостеприимство! Ты почему жуликов в гостинице распустил? Ты там кофе пил?

— Сердитый какой! Нехорошо, товарищ подполковник, на младших по званию так шуметь. — Отари победил в дальний угол веранды, где стояли газовая

плита и кухонные шкафы. — Кто говорил мне... Отари, я прилечу к тебе, если обещаешь, что не будет ни одного застолья. Кто честное слово с меня брал? Я жуликов не развожу. Они сами размножаются...

Отари поставил перед Гуровым чашку ароматного кофе и стакан холодной воды. Гуров осторожно пригубил горячий кофе, запил водой. Он знал, что у Отари трое сыновей, и спросил:

— Семья где? На курорт отдыхать уехали? — Гуров улыбнулся, пытаясь шуткой развеселить хмурого хозяина.

— У отца в горах работают. — Отари оглядел пустую веранду, словно прислушиваясь к тишине пустого дома, и ударил кулаком по столу: — Я им устрою отдых!

Гуров понял, что коснулся больной темы, вида не подал, кивнул, отхлебнул кофе и обжегся.

— Человек что ищет, то находит. Ты думал, как люди живут в нашем городе? Тысячи и тысячи приезжают сюда отдыхать, год работают, три недели отдыхают. Ты, Лев Иванович, заметил, что для тебя рубль в Москве есть рубль, а здесь? — Отари дунул на открытую ладонь. — Наш город завален дешевыми деньгами. Нет, вы их честно заработали, но здесь они теряют цену. Дед, отец и я этот дом построили. Зачем? Чтобы мальчики в нашем доме выросли уродами?

Отари говорил путано, сбиваясь, но Гуров понимал. Проблема соблазнов в больших городах давно признана, а проблема курортного городка?

— Родственники, их друзья, соседи друзей, знакомые соседей! — Отари снова хлопнул по столу. — Здесь дом — не турбаза! Я жене сказал, второй раз повторил! Утром пьют, днем опохмеляются, вечером опять пьют! Деньги ползут, бегут, летят, все отравили, девки голые ходят. Я взял шланг, из которого сад поливают, здесь встал и как пожарник! — Отари махнул рукой.

Гуров даже пригнулся, представив, как Отари поливает веранду, смывая со стола посуду, захлебывающихся гостей. Сам выпил воды и серьезно спросил:

— Наверное, шумно было?

— Шумно, — согласился Отари. — Семья на трудовом воспитании, дом пустой, я один. — Он вздохнул. — Ты меня, Лев Иванович, не отвлекай. Начинать думать, работать тебе надо.

— Мне? — удивился Гуров.

— Перестань! — Отари широко взмахнул рукой. — Ты мужчина! Гордый! Отказаться не можешь! Шарымары, слова-молва, брось, пожалуйста!

— Да, Отари, ты не дипломат.

— С врагом или с чужим я могу крутить. — Отари толстыми пальцами повернул невидимый шар. — Я о тебе много знаю, Лев Иванович, уважаю, обижать не могу.

— Черт бы тебя побрал! — Гуров допил кофе. — Одевайся, поедем в твою контору, мне надо поговорить с Москвой.

— Зачем Москва? — Отари нахмурился.

— Товарищ майор, старшим вопросы не задают.

Отари пригласил Гурова в кабинет якобы для беседы и, дав ознакомиться с материалами, вышел.

Эксперт, осматривавший разбившуюся машину, не сомневался: гайки крепления правого переднего колеса были ослаблены, свинчены до последнего витка. Следовательно, катастрофу подготовили. Кто? И для кого? В показаниях Артеменко и Майи Степановой существовали противоречия. Артеменко утверждал, что утром он собирался ехать в совхоз за бараниной. Майя дала показания, что Артеменко от этой поездки отказался, они поссорились, и она сама хотела днем, одна (было подчеркнуто) ехать в санаторий, где отдыхает ее подруга. В какой санаторий, как зовут подругу, следователь не уточнил. «Необходимо выяснить», — думал Гуров. — Но как? Если произошел угон и несчастный случай, такой вопрос покажется странным».

Угонщик находился в средней степени опьянения. В машине обнаружены бутылка коньяка и букет цветов. Коньяк еще как-то помят, хотя угонять машину пьяным, с запасом спиртного?.. Ну, а цветы? Гуров позвонил следователю.

— Где техпаспорт?

— У хозяйки, естественно. — Следователя раздражало, что к работе привлекли чужака.

Гуров, почувствовав недовольство следователя, сказал:

— Если свободны, зайдите, — и положил трубку.

Логика следователя Гурову была известна. Произошел угон и несчастный случай. Завинчены гайки, не завинчены — гори они голубым огнем. Работы хватает. А что брошенный с горы камень, если его не остановить, может вызвать лавину, ему плавать. И вообще, пусть думает начальство, мы люди маленькие, прикажут — выполним.

В кабинет зашел Отари, посмотрел на Гурова виновато.

— Лев Иванович, прошу, не звони этому. — Он кивнул на дверь. — Совсем плохой, уже жалуются. Не могу понять, слушаю! Начальник меня голосом давит. Я тебя что? Сарай в моем саду попросил сделать? Виноград подвязать попросил? А?

— Честь мундира, — улыбнулся Гуров. — Значит, техпаспорт у Майи.

— Может, они правы? — Отари вновь кивнул на дверь. — Бумаги в папку, папку в архив и все! Парень, что разбился, неплохой был, но время от времени попадал к нам — то да се, по-вашему, двести шестая. У него дядя, — он указал толстым пальцем в потолок. — Нам указание, мол, просто шалит мальчик, а наше общество гуманное. Теперь дядя успокоится. Как и кто с кем договаривался, кто гайки крутил? Мне надо? Тебе надо?

— Отари, дед и отец у тебя в торговле работают, а ты милиционер. Почему?

— Из упрямства. — Отари нахмурился.

— Извини. — Гуров закрыл папку с документами, отодвинул. — Сговор между владельцем и угонщиком я отмечаю. — Он провел ладонью по столу. — Коньяк, цветы, отсутствие техпаспорта. В случае сговора Майя бы заявила, что техпаспорт оставила в машине, такое случается. Вы работайте, установите, куда опаздывал погибший. Предполагаю, что он под этим делом, — Гуров щелкнул пальцем по горлу, — торопился к женщине, сел в машину, а угодил в ловушку.

— Я так думал, потому и прошу помощи. — Отари шумно вздохнул, опустил голову. — Если ставят капкан на одного зверя, а убивают другого, то ставят другой капкан. И надо этого охотника взять!

Дождь не шел, мельчайшими капельками висел в воздухе, асфальт, листва деревьев блестя, тенты тяжело провисли.

Гуров шел по набережной, кроссовки хлюпали, костюм прилипал к плечам и бедрам. Время от времени он ладонью проводил по лицу, словно умывался.

Если машина была, как выразился Отари, капканом, то убийство заранее готовилось. Чтобы найти убийцу, следует сначала определить жертву. Ведь за что-то с ней хотят расправиться. И это что-то существует в биографии жертвы. Выбор невелик. Охотятся либо за Майей, либо за Артеменко. Только они могли сесть за руль «Волги». Каждый из них утверждает, что ехать утром собирался именно он. Возможно, каждый хочет выглядеть в глазах следствия жертвой? Значит, один из них убийца, другой — жертва. Надо определить, кто лжет. Кто лжет, тот и убийца. Сообщники? Существуют ли в подготовке преступления сообщники? Если да, то только в единственном числе. Сообщник. Кандидатуры тоже две. Толик и бухгалтер. Если Кружнев действительно бухгалтер. Что ответит Москва? Стоп! А Татьяна? Прелестная пляжная знакомая? Гуров вспомнил: позавчера Татьяна с Майей шли вдвоем и, увидев Гурова, свернули на другую аллею. Возможно, они дружат давно? Знакомство Татьяны с ним, Гуровым, не что иное, как объяснение своего интереса в гостинице. Девушка знает мое имя и отчество. Есть у нее подруги среди обслуживающего персонала или нет?

Обсуждая с Отари очередность необходимых мероприятий, Гуров сказал, что перво-наперво подозреваемых — каждого в отдельности — надо поставить в известность, что машина разбилась не случайно. Но сделать это не напрямую, а якобы по недомыслию.

МАЙЯ

Она родилась в интеллигентной семье среднего достатка, отец — кандидат технических наук, мать — художник-декоратор. Родители были людьми спокойными, уравновешенными, дочь особо не баловали, не требовали непременно пятярок, не заставляли играть на пианино и декламировать стихи, когда собирались гости. Вообще воспитанием ее не мучили, полагая, что в здоровой семье вырастет здоровый ребенок и станет хорошим, нравственным человеком. Все к этому и шло, Майя росла девочкой самостоятельной, искренней, в классе ее любили, училась она легко, не надрываясь, и числилась хорошисткой. Круглой отличницей она была в спортзале и на стадионе, где превосходила не только подруг, но и мальчишек. Она бегала быстрее всех, прыгала дальше всех, ходила на лыжах, прекрасно плавала.

Однажды физрук оставил Майю после урока и спросил:

— Ты знаешь, что природа порой бывает несправедлива? — И, не ожидая ответа, задумчиво разглядывая девочку, продолжал: — Крайне несправедлива. Тебе она выделила лишнее, кому-то недодала.

— Я виновата? — Майя растерялась.

— В школе создается спортивный класс. Как ты к этому относишься?

— У меня химия и физика хромают, трешки стала получать.

— Тебе бегать надо, а с физикой и химией мы договоримся.

— А после школы? — рассудительно спросила она. — Все буду?

— У меня впечатление, что ты, девочка, способна убежать очень далеко. Загадывать трудно, жизнь рассудит, все зависит от того, как ты покажешь себя в работе. Сегодня ножками можно на такую высоту подняться, на которую иной физик-химик взглянет — шея переломится.

Когда Майя рассказала о предложении физрука дома, отец рассмеялся и сказал:

— Бегай, дочка, на то юность человеку дана, только не забывай, аттестат зрелости должен выглядеть достойно.

В пятнадцать лет Майя получила первый разряд. В спортивном обществе, куда ее определил физрук, она не выделялась, часто смотрела соперницам в затылок, не знала, что тренер, который, как говорится, в спорте собаку съел, сразу углядел в ней незаурядные способности и, оберегая от зазнайства и лени, ставил ее на дорожку с мастерами.

Однажды тренер задержал Майю после тренировки и сказал:

— Кстати, пусть отец на тренировку зайдет. Просто рок какой-то. Как посредственность, так ее предки чуть ли не нечуют на стадионе. А вот твоих я не видел.

— Они не придут, если только на соревнования...

— Это почему же?

— Считаю, что я самостоятельной должна расти.

В семье Майи к слабостям и недостаткам друг друга и окружающих относились терпимо, не прощались только ложь. Если отец хотел человека заклеить, что случилось крайне редко, он говорил сухо и коротко:

— Этот человек лгун...

Что лгать не то чтобы нехорошо, а просто нельзя, абсолютно недопустимо, Майя усвоила с детства, с молока матери.

— Ты, дочка, коли не можешь или не хочешь сказать правду, молчи,— говорил отец.— Все зло на земле от лжи, мягкой, удобной и многоликой.

В семнадцать Майя стала кандидатом, в восемнадцать — мастером спорта. После школы она поступила в инфизкульт, но ей не понравилось, и Майя, не окончив даже первого курса, ушла, решила готовиться в университет на филфак. Основные соперницы выступали за рубежом, Майя выиграла первенство Москвы, завоевала серебро на первенстве Союза. О ней заговорили серьезно, включили в списки предоллимпийской подготовки.

Теперь она имела собственные деньги, а в перерывах между сборами талоны на питание плюс дорогостоящее спортивное обмундирование. С ростом результатов взаимоотношения с подругами-соперницами усложнились и портились. Она давно уже не бегала по дорожке, а работала, или, как выражаются в спорте, «пахала». Составленный тренером и утвержденный индивидуальный план подготовки требовал от нее порой невозможного.

— Девочка, тебе придется принять кое-какие таблетки,— сказал однажды тренер.— При таких нагрузках организм требует.

— Допинг? — спросила Майя.

— Ты что, рехнулась? — Глаза тренера округлились, изображая возмущение.— Подколем тебе витаминчики, таблеточек тонизирующих покушаешь.

— Не надо песен на болоте.— Майя рассмеялась.— Вы подколете мне мужской гормон, и голос у меня будет, как у мужика оттягивать в хрип. Никогда!

— Дело твое.— Он пожал плечами и отвернулся.— Вперед Европу...

В соревнованиях на первенство Европы Майя была третьей. Руководитель, бывший комсомольский работник, человек лет сорока с лишним, в легкой атлетике разбирался, знал, что бегать надо быстрее, прыгать дальше и выше, что золотая медаль хорошо, а бронзовая значительно хуже. Когда Майя закончила дистанцию, он, страдая одышкой, подбежал, обнял за мокрые плечи, полез целоваться.

— Молодец! Но! — Он поднял пухлый палец.— Надеюсь, понимаешь? На Олимпиаде бронза нам не нужна. А так молодец!

У Майи кружилась голова, ноги мелко дрожали, она бездумно кивала, вяло отпихивая навалившегося на нее руководителя.

Майе исполнилось двадцать два, она утвердилась в первом резерве сборной. Мужчины в ее жизни, не как начальники, а как существа другого пола, значили крайне мало. Они улыбались, заискивали, ухаживали, с одним она время от времени нехотя ложилась в постель. До Олимпиады оставалось два года, Майя хотела быть золотой — какие уж тут мужики, успеется. Это ее первая и последняя Олимпиада.

Майе дали однокомнатную квартиру, отношения с родителями разладились, «старика» не понимали, почему она не учится. Сборы, поездки на соревнования, каждодневные тренировки, после которых не то что учиться, жить не хочется. Подруги по команде недолюбливали ее, сторонились. Во-первых, конечно, мужики, которые вертелись вокруг «бронзовой» красотики, вызывали у соперниц здоровое чувство зависти. Потом, находясь за рубежом, Майя не очень экономила скудную валюту, вещи покупала только себе и родителям, а не для продажи, в общем, не как люди. Странная.

Жизнь шла своим чередом. Майя «пахала» не за страх, время показывала не рекордное, но на уровне взаимоотношения с тренером нормализовались. Он даже с гордостью поговаривал за ее спиной: мол,

иные, некоторые, со своими ученицами химичат, а его девочка чисто бронзовая, не подкупаешься, в любой стране, при любом контроле свои секунды обеспечишь. Уже составлялся план непосредственной подготовки, когда разразился скандал.

Отвечая на вопросы иностранных журналистов, Майя сказала, что сейчас не работает и не учится, лишь тренируется. Сенсационного сообщения, появившегося в зарубежной газете, Майя не видела. Запыхавшийся тренер не дал ей переодеться, прямо в тренировочном костюме усадил в машину и привез в кабинет. Начальник, которого Майя никогда не видела, возможно, его перебросили на спорт за ошибки, допущенные на другой руководящей работе, тыкая пальцем в иностранную газету, спросил:

— Что ты говоришь? Ты понимаешь, что говоришь? Ты что, профессиональная спортсменка? Миллионы занимаются спортом, а ты одна профессионалка?

— А кто же я? — Майя понимала, что подходит к краю, и сейчас шагнет в пустоту, только остановиться не могла.— Во-первых, разговаривайте со мной на «вы»! Я сказала, как есть, меня с детства учили говорить правду!

— Спокойно, Майечка, спокойно,— быстро заговорил тренер,— не надо волноваться, пригласим журналистов, ты расскажешь, как училась в инфизкульте, сейчас готовишься поступать в университет, и про все остальное в том же духе, хорошо?

— Вот вы собираете журналистов, а я скажу! — Майя вышла из кабинета.

Когда она перешагнула порог здания и вышла на улицу, то оказалась в безвоздушном пространстве.

Она еще бегала, даже выступала, тренер порой подходил, говорил равнодушные слова... На очередной сбор ее не взяли, как не берут в дорогу ненужный чемодан.

— А чего ты ждала? — спросил тренер.— Характер хорош на дорожке, а в кабинете?.. — Он присвистнул.— Потом, тебе уже двадцать три. Какие у тебя перспективы? Со сборной тебе придется расстаться, а в спортивном сообществе поговорим, как-то поддержим — молодая, здоровая, у тебя вся жизнь впереди.

Она пришла домой, к папе с мамой, все рассказала и, не обратив внимания, что отец лицом осунулся и взглядом посурился, начала философствовать:

— Цапля голову под крыло прячет, думает, ее вообще не видно. Любители, профессионалы — все чувствуют. Солист Большого театра в свободное от репетиций и спектаклей время где-то еще работает?

Мать рассмеялась, отец тоже не сдержал улыбку. — Кого обманывают и ради чего? — Майя повысила голос.— Почему они противопоставляют чемпиону мира значкиста ГТО? Почему нельзя все сделать по-человечески, честно?

— И что же ты решила? — спросил отец.

— Решили за меня, я лишь правду сказала.

— Ты почему не училась? Большинство же учится.

— Ну, не нашла себя! — вспылила Майя.— Упорства, силенок не хватило. Свое-то дело я делала честно! А теперь меня на помойку?

— Дочка, тебе только двадцать три,— вмешалась в разговор мать.

— Мне опять к вам на шею? А если бы у меня вас не было? Ты думаешь, прежде чем отчислить, меня спросили, какая семья, кто содержать будет? И за что отчислили? За правду!

— Да.— Отец снял очки, потер переносицу.— Значит, ты так все и сказала?

— В принципе, конечно, долго мне говорить не дали.

— И что же, ты и в будущем будешь такую правду начальству выкладывать?

— Отец, ты же сам мне всегда внушал. И потом, правда — она что, разная бывает?

— Ты дура! Мать, мы вырастили идиотку! Иисус Христос за правду на крест пошел, так ему уже два тысячелетия свечки ставят. Да, правда правде рознь! Это ты здесь,— он постучал пальцем по столу,— должна говорить правду. А там следует говорить то, что от тебя хотят услышать. Играть по установленным правилам. Ты что же думаешь, я директору института могу правду на совете сказать?

Неожиданно ноги у Майи ослабли и задрожали, ее начало тошнить, словно она только закончила дистанцию. Девушка смотрела на отца и не узнавала.

— Ты всегда меня учил... — Она с трудом, совершенно больная, поднялась со стула, пошла к двери.

— Дочка! — Мать вскочила.

— Сиди,— хлопнул отец по столу.— Жрать захочет — придет! Правдолюбка!

Тренироваться Майя перестала, гимнастику по утрам делала автоматически, по привычке. Подруги звонили несколько раз, затем разъехались по сборам и соревнованиям. Через два месяца деньги кончились, она продала японскую радиоаппаратуру. Спустя полгода опять осталась без денег.

Майю никто не совращал, не спаивал, не втягивал,

она начала заниматься древнейшей профессией добровольно и осознанно, все просчитав и взвесив. «Ты, палочка, хочешь, чтобы я жила по правилам, согласна, только я буду жить по своим правилам».

Она завела палехскую шкатулку, куда бросала визитные карточки тяжело вздыхающих мужиков, отбывая, с ее точки зрения, денежных. «Я не стану сидеть в баре и ловить иностранцев, установим простой порядок: один основной и двое на скамейке запасных. Для поддержания спортивной формы им будет разрешено делать подарки, вывозить меня в свет и никакие глупостей».

И мужчины соглашались, строптивых из команды исключали. С родителями Майя встречалась редко, рассказывала, что работает в «Интуристе» гидом.

Через год она стала своих почитателей недолюбливать, через два — не выносить.

Встретив Артеменко, она возненавидела его с первого взгляда. «Гладкий, ухоженный, самодовольный победитель, ты мне заплатишь за все», — решила Майя, почувствовав, что платить этому человеку есть чем. Она долго не понимала причину своей ненависти. Спустя полгода догадалась. Артеменко ассоциировался с тем спортивным боссом, который вышвырнул ее из жизни.

Однажды Майя услышала по телефону девичий возмущенный голос:

— Майя Борисовна? Говорит секретарь комсомольской организации. Вам надлежит немедленно погасить задолженности по взносам и сняться с учета.— Девочка торопилась, боялась, что перебьют, и она запутается, не договорит.— В противном случае мы вынуждены будем исключить вас из наших рядов.

— Вы кто такая? — бархатным голосом спросила Майя.— Чем занимаетесь? Бегаете, прыгаете?

— Я кандидат в мастера...

— Понятно,— перебила Майя.— Ты, милочка, бегай и прыгай, занятых людей не беспокоят. Раньше надо было звонить, значительно раньше. Мастер спорта международного класса Майя Степанова померла.

РАЗГОВОР В КАБИНЕТЕ

Первой в кабинете Отари появилась Майя. Она села, непринужденно закинула ногу за ногу, взглянула с любопытством.

— Я вас слушаю, товарищ майор. Я не ошиблась, вы майор?

— Майя Борисовна, меня зовут Отари Георгиевич.— Он наклонился над столом и быстро продолжал: — Беспокою вас, стыдно. Хотел приехать, но телефон здесь держит.

— Короче, пожалуйста.— Майя вынула из сумочки сигареты, но не закуривала.

— Короче. Быстрее. Москва.— Отари умышленно тянул, говорил лишнее, наблюдал. Женщина не изображала спокойствие, была действительно абсолютно спокойна.— Кто сегодня утром должен был сесть за руль вашей «Волги»?

— Уже спрашивали. И какое это имеет значение? Раздражить, вывести из равновесия, решил Отари и, причмокивая полными губами, слащавым голосом уличного приставы, растягивая гласные, сказал:

— Красавица. Дорогая моя, договоримся. Я спрашиваю — ты отвечаешь. Потом ты спрашиваешь — я отвечаю. Договорились?

Майя не отреагировала ни на «ты», ни на «дорогую», глядя перед собой, почти без паузы, ответила:

— В десять утра я собиралась ехать в санаторий к подруге.

— Имя, фамилия, адрес.

— Вас это не касается, к делу отношения не имеет.

— Я знаю: ты не знаешь. Прошу ответить.— Отари чуть хлопнул ладонью по столу.

— Я сейчас встану и уйду.

— Почему твой мужчина говорит, что ехать должен был он?

— Тяжелый случай.— Майя поднялась со стула, сунула сигареты в сумочку.

— Майя Борисовна, дорогая, зачем так? — Отари растопырил руки, преграждая дорогу.— Мне это надо? Не могу вам говорить. Должность. Поверьте, о вас беспокоюсь! Мне что! Машину нашли, угонщик погиб. Бумажки сложили, убрали, забыли! О вас беспокоюсь. Имею маленький секрет.

Равнодушие с лица Майи исчезло, взглянула заинтересованно.

— Ехать собиралась я, почему Владимир Никитович утверждает обратное, не знаю.

— Не допрос — беседа.— Отари погладил лысину, выглянул из кабинета, сказал: — Товарищ Артеменко.

Он вошел, как всегда элегантно, благородная седина в тон с серыми, чуть наمشливыми глазами.

— Слышал, слышал,— рассмеялся Артеменко.— Как вы работаете, товарищ майор, если у вас в коридоре слышно каждое произнесенное здесь слово?

Данный факт Отари был, конечно, известен и учитывался.

вался. Уплотнить стену и дверь намечалось каждый год. Не хватало то материалов, то рабочих. А пока недостаток строителей и хозяйственников Отари использовал в своих оперативных целях.

— О чем идет спор? — подернув брючину, Артеменко сел на диван. — Майя, ты вчера сказала, что хочешь настоящих шашлыков. Давала мне ключи, мол, съезди за бараниной?

— Ты отказался.
— Верно. А вечером, в ресторане, я согласился. Желания женщины... — Артеменко улыбнулся, подмигнул Отари.

— Не было этого, — Майя на мужчин не смотрела. — Согласен, — Артеменко рассмеялся. — Вечер выпал довольно хмельной, может, хотел сказать, да забыл. Что вас смущает, товарищ майор?

— Вы мужчина, должны понимать, дорогой, — Отари похлопал себя по широкой груди. — Мы, оперативники, свои секреты имеем. Все не могу сказать, — он шумно вздохнул и пустился в пространные рассуждения. — Почему машина с шоссе вниз упала? Зачем упала? Непонятно.

— Дороги у вас, сами знаете, — сказал Артеменко. — Угонщик, я слышал, пьяный был.
— Я знаю, вы знаете, он знал наши дороги, дорогой, все знают. Ночью ехал, никто не мешал, зачем упал?

Отари нагнулся, вынул из-под стола загодя приготовленный баллонный ключ, вертел в руке, разглядывал. Майя никак не реагировала, ждала, скучая, когда бессмысленный разговор окончится. Артеменко взглянул с любопытством, хотел задать вопрос, Отари жестом остановил его, спросил:

— Майя Борисовна, скажите, что это такое? — и протянул ключ.

Майя ключ не взяла, пожала плечами.
— Железка.
— И вы ее раньше никогда не видели? Возьмите, посмотрите.

Майя на ключ не смотрела, разглядывала свои холеные руки.

— Я устала от вас. Скажите, у меня угнали машину или я угнала?

— Понимаете, такая железка есть в багажнике каждой машины. Каждой! А в багажнике вашей машины ее не оказалось.

— Не может быть, — быстро сказал Артеменко, — две недели назад я менял у машины колесо.

— Две недели? — Отари причмокнул. — Вы приехали шесть дней назад.

Майя встала, вынула сигареты, прикурила от протянутой Артеменко зажигалки.

— Мы знакомы давно, любовники. Идите оба к черту! — Она вышла из кабинета.

— Странно, что баллонного ключа не оказалось, — Артеменко помолчал. — Очень странно. С колесами у «Волги» был неполадок?

— Красивая у вас женщина. Очень. Много хлопот, нервов, денег много. Ничего не давать, ничего не иметь. Жизнь одна!

— Не крутите со мной, майор, — Артеменко разозлился. — Я не мальчик. Какое значение имеет, кто сегодня утром должен был ехать? Что вы размахиваете баллонным ключом?

— Я не размахиваю. — Отари убрал ключ, сунув его под стол.

— Простите, Отари Георгиевич. — Артеменко обаятельно улыбнулся. — Нервы. Годы сказываются. Женщина у меня молодая, красивая, с характером.

— Да, дорогой. Как русские говорят: жизнь прожить — не поле перейти. Верно?

— Верно, Отари, верно. Стареть не хочется, дорогой. Очень.

Отари понял, что Артеменко открылся, говорит правду.

— Любишь?

Артеменко махнул рукой, подошел к окну. Во дворе Кружнев с милиционером сержантом менял у машины колесо. «А они нашего бухгалтера проверяют. Ох, не простые работают ребята. Гуров — подполковник МУРа. Они успели с ним переговорить. Возможно, в этом кабинете театр. И меня этот бритоголовый сыщик просто размахивает. Зачем? Почему? За всем этим стоит мощный талантливый режиссер. Вот так, спонтанно, не разобравшись. Не показать, что догадываюсь, уйти интеллигентно, и думать, думать...»

Отари знал, что именно видит Артеменко во дворе. Если ты, москвич, в деле замазан, то догадаешься и испугаешься. А испугаешься — начнешь защищаться, действовать. Ты только человек, можешь и ошибиться. Отари рассуждал правильно, но не знал, что подполковник Гуров известен, открыт, и факт этот сильно менял позицию, соотношение сил.

— Отари Георгиевич, пойду я, не торопись, в гостиницу, — сказал Артеменко. — Поразмысли дорогой, как Майю умилостивить.

— Если бы вы знали, Владимир Никитович, как много в моем кабинете врут.

— В чем я вру? — искренне удивился Артеменко.

— Скажу. — Отари взял Артеменко за локоть, подвел к двери. — Тебе не надо улаживать с этой женщиной. Она из твоих рук ест и пьет. Скажи, у нее деньги на билет до Москвы есть? Скажи. Быстро скажи.

Артеменко, поморщившись, освободил затекшую под железными пальцами майора руку.

— Ты упрощаешь, Отари. Я не знаю, сколько у Майи денег. Если она позвонит в Москву, то через несколько часов у нее будут деньги, и серьезные.

— Значит, умеешь говорить правду? Хорошо. А вчера вечером, в ресторане?

— Я сказал.
— Не знаю. Верю, не верю, не знаю. Но ты на всякий случай береги себя, дорогой. Гостиница. Ресторан. Набережная. В горы не ходи, там и сорваться можно. Случается. А сейчас попроси своего бухгалтера подтянуться. Он гайки крутить умеет, мы видели.

— До встречи. — Артеменко поклонился и вышел. «Прав Гуров. Я тоже прав. — Отари вернулся к столу. — Плохо. Пахнет совсем плохо. Смертью. Кто? И кого? Пустяка не знаем. Главного пустяка. Если бы этот человек был чистый, никогда бы не разрешил разговаривать с собой на «ты». Никогда».

Когда Кружнев, тихо постучав, вошел, Отари вяло сказал:

— Садитесь, пожалуйста. Спасибо, что пришли, Леонид Тимофеевич, — он потер свою голову. — Ох, так зачем же я вас пригласил?

Кружнев взглянул виновато, пожал плечами, еще больше ссутулился.

— Не знаю, но я чем могу...
— Так, дорогой. — Отари сосредоточился. — Вы вчера ужинали в ресторане гостиницы. Кто находился за столом?

— Ужинали. — Кружнев виновато кивнул. — За столом? Майя, был, естественно, и Владимир Никитович, ну и Толик, куда от него денешься.

— А Лев Иванович?
— Отсутствовал.

— А что он за человек, этот Лев Иванович? Куда подевался дорогой? Все вместе были, а вчера пропал?

— Этого не знаю. — Кружнев смущенно улыбнулся, старался не рассмеяться, так как тоже знал, где и кем работает Лев Иванович Гуров.

Вчера вечером Артеменко, слегка захмелев, рассказывал о Гурове, его профессии и непонятной конспирации.

Отари об этом не догадывался, но почувствовал, что начал беседу неправильно, и круто свернул.

— Между Майей и Артеменко был разговор, мол, утром вместе ехать на машине?

— Вместе? Нет. Днем они о какой-то поездке спорили. А вечером Владимир Никитович сказал, мол, утром поеду, привезу все в лучшем виде.

— Точно?
— Абсолютно.

— Значит, ехать должен был Артеменко?

— Он хотел ехать, а поехал бы я, — ответил Кружнев. — Понимаете, чуть позже Майя пригласила меня танцевать. Я смутился, она красавица, высокая, статная, а я вот, — он повел плечами, для большей убедительности встал. — Понимаете? Танцуем, она мне шепчет: «Ленечка, миленький... — она так меня порой называет, — давай этого самодовольного типа разыграем. Я тебе дам ключи от машины и деньги, смойтася на базар, купи огромный букет роз».

Отари поднес к лицу растопыренную пятерню и сказал:

— Вах! — И почему-то добавил: — Мама мия!

КРУЖНЕВ Леонид Тимофеевич

Когда первого сентября Леню Кружнева привели к празднично украшенной школе, его не хотели пускать.

— Мамаша, не морочьте мне голову, мальчику от силы пять лет, — шипела директорша, одновременно улыбаясь другим детям и родителям. — Все желают вырастить вундеркиндов, не калечьте ребенка!

— Но мы же подали документы, прошли собеседование, — шептала Ленина мама.

Тщедушный Леня, придавленный огромным ранцем, крутил стриженной головой, уши у него торчали прозрачными розовыми лопухами.

— Не знаю, кто у вас принял документы! Мамаша, отойдите! Здравствуйтесь, ребята, поздравляю...

— Мама! — тонким звенящим голосом сказал Леня. — За мной не приходи, я вернусь сам! — Он подошел к директорше, запрокинул голову так, что затылок уперся в ранец: — Мне восемь лет, я умею читать и писать! Вы не имеете права... — и прошел мимо растерявшейся руководительницы.

Дети, как известно, бывают жестоки, и одноклассни-

ки попытались над Леной подшучивать и издеваться. Но быстро отказались от своей затеи. Леня был мал и тщедушен, но отважен и неукротим, как дикий звереныш. Стоило ему почувствовать опасность, он бросался в атаку, не думая о соотношении сил и последствиях, вцеплялся в волосы, впивался в лицо ногтями, хватал зубами, стремясь причинить обидчику боль.

Леню не любили и одноклассники, и преподаватели, однако все признавали его незаурядность.

И в десятом он походил на семиклассника, но учился, как бог, дрался, как дьявол, первым никого не трогал, на девчонок не обращал внимания, но при необходимости защищал их. Разговаривал с ними сухо, покровительственно, называл всех одинаково «Дульсинями», будто не знал имен и фамилий.

Никто не догадывался, какие страсти бушевали в этом маленьком человеке, о чем он думал, о чем мечтал. С пятого класса Леня ежедневно делал гимнастику. И хотя плечи у него не раздались, но тело стало твердым.

В десятом, на уроке физкультуры, признанные богатыри класса затеяли соревнования по подтягиванию на кольцах. Девчонки, естественно, болели, а Леня молча стоял в стороне. Когда чемпиону победно поднял руку, Леня принес табурет — иначе он достать кольца не мог — и подтянулся на одной руке больше, чем чемпион на двух.

— Он и весит в два раза меньше меня! — ломающимся голосом воскликнул чемпион. — Элементарно! Закон земного тяготения.

Леня пальцем поманил его, сел за стол, упер в него локоть, вызывая на борьбу.

— Леня, я тебя и так уважаю, не надо. — Мальчик был великодушен и не хотел унижать товарища. — Ты мне дашь сто очков в математике, физике — тут не надо.

Класс притих, Леня сидел и ждал, смотрел на противника, не мигая, черными злыми глазами. Соревнования не получилось: Леня припечатал руку соперника сразу.

— Вот так! — Он встал. — Лучше меня ты лижешься с Дульсинями, все остальное ты делаешь хуже.

Он не только унижил парня, но и наплевал в романтические души девчонок, большинство из которых были открыто или тайно влюблены в поверженного кумира.

Школу Леня Кружнев окончил с золотой медалью.

Считая себя личностью неординарной, подал документы в МГИМО. Он не знал, что соревнования на вступительных экзаменах иногда проходят не между ребятами, а среди их родителей, знания же, как таковые, имеют значение весьма относительное. Леня не готовился со специальными преподавателями, по-английски говорил лучше всех в школе, только здесь говорили на другом английском. Леня не мог соревноваться с оксфордским произношением, тем более с произношением сыновей посла или министра. Его вычеркнули из списков легко, без эксцессов и каких-либо осложнений.

Леня пропустил, но не потерял год, усиленно занимался, и следующей весной блестяще сдал экзамены на физмат университета.

Он быстро стал лидером в группе, затем и на курсе. Завистники, наверное, существовали, но Леня их не чувствовал. Он стал доброжелательнее к окружающим, разговаривая с девушками, даже шутил, ходил в кино и на вечера.

Можно было ожидать счастливого и долгого жизненного пути, но произошел неприятный инцидент, закончившийся в народном суде.

Леня влюбился, остановив свой выбор на хрупкой девушке, поглядывавшей на него. Они встречались и, хотя девушка училась на филфаке, часто вместе готовились к экзаменам. Леня уже собирался сделать предложение, когда произошла самая заурядная история: девушке понравился другой.

Подобные конфликты — явление обычное, погорюет «потерпевшая сторона», забудет и снова влюбится. Леня был не из таких, к тому же соперник оказался рослым красавцем с бархатым голосом. Самым фактом своего существования он наступил Лене на казало, бы, зажившую мозоль.

Когда Кружнев убедился, что отвергнут окончательно, он на ближайшем студенческом вечере выплеснул в лицо красавца стакан воды и добился, чтобы счастливый соперник ударил первым. На глазах у растерявшихся студентов буквально за несколько секунд Леня этого парня изувечил. Происшествие поначалу хотели спустить на тормозах, мол, молодежь дралась и дерется, пострадал обидчик, Леонид Кружнев — сублинный юноша, лучший студент курса. Но из больницы сообщили в милицию, что доставлен человек с переломом ребер, челюсти и тяжелым сотрясением мозга, да и многие студенты были изумлены, увидев, как Кружнев первым же ударом сбил соперника с ног, а потом добивал уже лежачего.

Продолжение следует.

ИГОРЬ НОВИКОВ

Помимо упреков в том, что у нас на «Вернисаже» представлены люди сплошь бородатые, мы постоянно слушаем еще и обвинения в невнимании к собственно художникам. Дескать, и архитекторы — неплохо, и дизайнеры — тоже хорошо, но где же профессиональные рисовальщики-то?

Заждались? Так не вы одни — Игоря Новикова, учителя рисования по специальности, уж сколько лет в школе ждут, а он все никак за серьезные воспитательные темы не возьмется. А еще с бородой...

ЧИТАЙТЕ
В БЛИЖАЙШИХ
НОМЕРАХ:

Ученые
примеряются
к экономическому
эксперименту.

Из почты
главного
редактора.

Что помогает
раскрывать
преступления?
Фотоочерк
из ВНИИ МВД СССР.

Воспоминания
генерала Каманина
о первых космических
полетах.

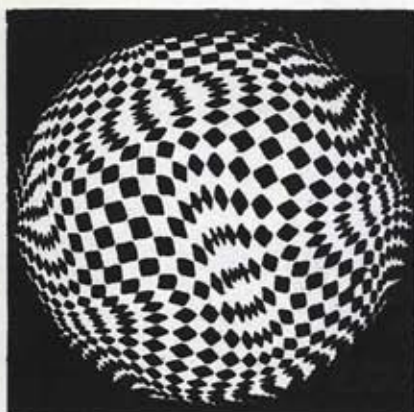

Евгений
Нестеренко
о Модесте
Мусоргском.

Зарубежная
мозаика.

Уважаемые товарищи!
В течение года
вы можете выписать
журнал в любом
почтовом отделении,
в агентстве
«Союзпечати»
до 1-го числа
предподписного месяца.
В розницу «Смена»
поступает
в ограниченном
количестве.

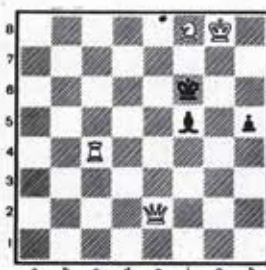

30-я шахматная олимпиада

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПАРАД МИНИАТЮР

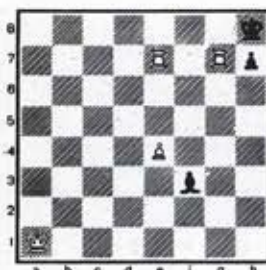
Н. ПАРШЕНЦЕВ
1978 г.

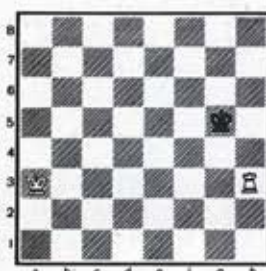
Мат в 3 хода

1. Фe8! h4 2. Фd8+ (угроза) 2... Кре5 3. Фd4x, 1... Cd7 2. Kh7+ Kpf5 3. Фe4x, 1... Сb1 2. Фf7+ Kpg5 3. Фf4x. Прекрасная миниатюра с тремя правильными эхо-матами на трех смежных (по одной горизонтали) полях! Рекордный замысел, трудный для воплощения и при неограниченном числе фигур!

Седьмой тур

Белые: Кра1, Le7, Lg7, п.e4 (4)
Черные: Kfh8, Cf3, п.h7 (3)
Мат в 4 хода (3 балла)

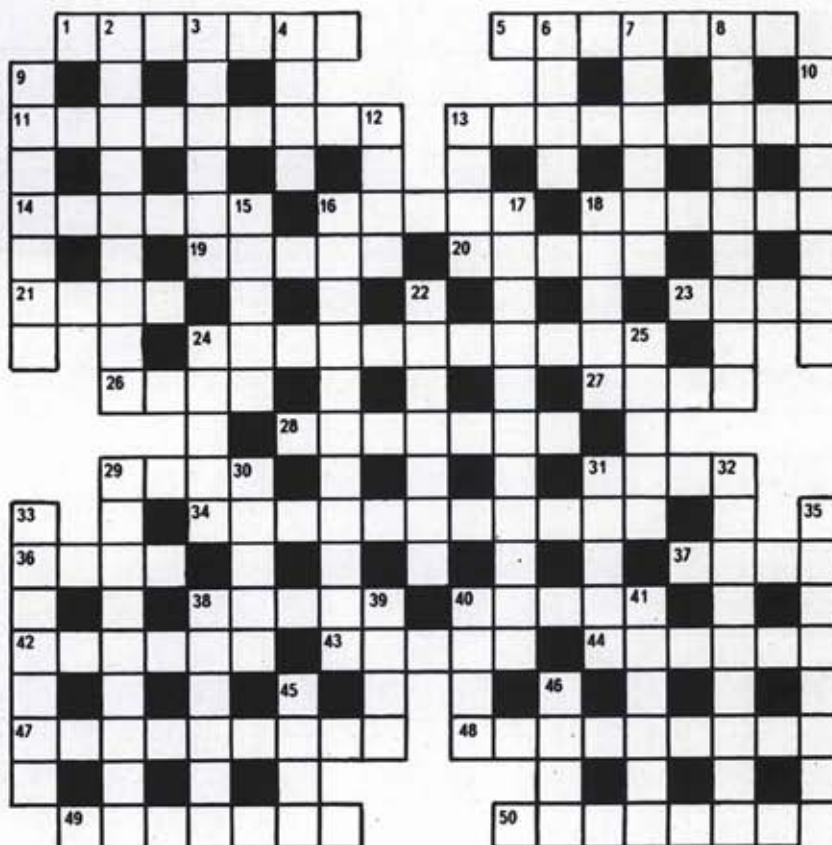

Белые: Кра3, Lh3 (2)
Черные: Kpg5 (1)
Мат в 14 ходов (5 баллов)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «30-я шахматная олимпиада. 7-й тур». Последний срок посылки ответов (по почтовому штемпелю) — 1 июня.

КРОССВОРД

Составил Д. Еланский. Москва

По горизонтали:

1. Главный враг муравьев в пустыне. 5. Профессия французского энтомолога Жана Анри Фабра. 11. Обычный метод допроса в застенках инквизиции. 13. Прибор из тех двух, показания которых Д. Дальтон каждое утро выходил записывать так, что соседи узнавали время с точностью до минуты. 14. Цветок, спутник дуба. 16. Приток Енисея. 18. Советский конструктор самолетов-истребителей. 19. Поселение корейцев в книге В. Арсеньева «По Уссурийской тайге». 20. Грызун, исконный сторож горных козлов. 21. Кентавр. Одеждой, пропитанной его ядовитой кровью, Деянира отравила Геракла. 23. Вещь, по шутке, совершенно не нужная рыбе. 24. Каждая из выходов барона Мюнхгаузена. 26. Порт на Красном море. В древности — Асана. 27. Положительный электрод. 28. Улицу надо переходить только на зеленый свет светофора (суть). 29. Испанская река с истоком в Кантабрийских горах. 31. Птица, которую на Руси называли пастушкой, или потатуйкой. 34. Авторское название картины В. Борисова-Мусатова «Грусть». 36. Складной предмет женского обихода, который в Испании часто — произведение искусства. 37. «И в чело и в... мы, в полуденный час, целовали красавца не раз» (М. Лермонтов. «Русалка»). 38. Город в Румынии. 40. Самый не любимый моряками ветер. 42. Охранитель зеленого друга. 43. Старинное русское название себлябюца, эгоиста. 44. Ломкий кустарник. Уголь из него использовали при выделке пороха. 47. Население латиноамериканской страны, где все-таки верят, что бабочки могут превращаться в птиц. 48. Русский скульптор. С именами итальянца Россо и его связан главным образом европейский импрессионизм в области скульптуры. 49. Улитка, которую часто можно встретить на листьях кувшинки. 50. Островное «нефтяное» государство.

По вертикали:

2. Жук, окрашенный в зеленовато-желтые тона с перламутровым отблеском. После гибели этот отблеск тускнеет, поэтому в коллекции жук не так красив, как в природе. 3. Кратковременный перерыв в работе. 4. Металл, о котором упоминает Марко Поло, посетивший в конце XIII века Персию. 6. Завел... моду, а сам ушел в воду (пословица). 7. Каждый из двух малых кругов небесной сферы. 8. Жук, часто повреждающий дуб в степной зоне. 9. Европейский народ, первым выплывший через Гибралтар в Атлантический океан. 10. Оружие, которое в известной песне о матросе Железняке «не пустяк». 12. Герой в рассказе А. Грина «Эпизод при взятии форта «Циклоп». 13. Берестяное лукошко. 15. Немецкий композитор, испытавший мучительную «борьбу за Клару». 16. Собрание, совещание. 17. Работница прессы. 18. Плетенка для ловли рыбы, верша. 22. Славянское племя, главным городом которого был Смоленск. 24. Итальянский математик XV—XVI веков. 25. Самая знаменитая из гитаристок мира. 29. Русский ученый, исследователь Приуралья. В числе первых выступил против «водной», или «морской», теории возникновения чернозема и высказал мнение о наземно-растительном происхождении. 30. Уральское название тарантаса, долгуши, кузова на долгих дорогах. 31. Роскошное художественное издание. 32. Низший полицейский служитель в селах старой России. 33. Одобрительное суждение о собственных поступках. 35. Город, где Р. Вагнер в день, когда ему исполнилось 59 лет, под дождем торжественно заложил строительство театра. 38. Самая, видимо, полезная для сада птица. 39. меховая обувь на мягкой подошве. 40. Снасть для растягивания паруса. 41. Французский гуманист, издавший сочинения Аристотеля. 45. Обычная кладь на верблюде. 46. Американский лев, мясо которого кое-где едят.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД. НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали:

8. Каин. 9. Гоби. 12. Ординар. 13. Змеевик. 14. Микроскоп. 15. Гульден. 16. Рутений. 17. Жиган. 19. Каликут. 21. Вельбот. 24. Цианя. 26. Сакура. 27. Носорог. 28. Уганда. 29. Эллис. 30. Эскимос. 31. Чугуев. 34. Истома. 36. Абразив. 38. Пластов. 40. Йодль. 42. Джейран. 44. Соланин. 45. Дальномер. 46. Погодин. 47. Пикадор. 48. Йорк. 49. Ерик.

По вертикали:

1. Шпильман. 2. Зарин. 3. Энаргит. 4. Югослав. 5. Обзор. 6. Гребешок. 7. Ярхун. 8. Камелия. 10. Импульс. 11. Финик. 17. Жуковский. 18. «Недоросль». 19. Кабарга. 20. Лендлер. 22. Балласт. 23. Туликов. 25. Хотин. 32. Убийвовк. 33. Ванадий. 34. Историк. 35. Томагавк. 37. Вольски. 38. Плиоцен. 39. Ажгон. 41. Щиток. 43. «Нанон». 44. Селия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 7 (1461)
апрель 1988

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:
Борис ДАНОШЕВСКИЙ
(ответственный секретарь)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Александр КУЛЕШОВ
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Художник
Александр КЛИЩЕНКО
Технический редактор
Марина БАЙКОВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
250-29-39 — коммунистического воспитания,
251-32-84 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
212-13-19 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.
Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

Издательство «Правда»
«Смена», 1988 г.

Сдано в набор 18.02.88.
Подписано к печати 01.03.88.
А 10326. Формат 70x108/8.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7
Тираж 1 975 000 экз.
Заказ № 2041.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Рыбасова М. —
«Щелкунчик» Гофмана

ЧУДНЫЙ ТЕАТР

Окончание. Начало на 12-й стр.

Рассмотрим работы двух мастеров, чтобы понять, как по-разному каждый из них понимает одну и ту же тему.

Вот эскиз декорации народного художника РСФСР Е. Куманькова к спектаклю, поставленному режиссером Ю. Киселевым в Театре юного зрителя имени Ленинского комсомола в Саратове. (Постановка осуще-

ствлена в 1983 году.) Куманьков решает декорации в поэтическом плане. Он романтизирует Чайку (Лизу), мечтающую о красоте жизни. Ее фигурка на сиренево-грустном фоне природы растворяется в необъятном пространстве. В трепетном движении она словно ищет и не может найти дорогу, которая оказывается совсем рядом. Романтический пейзаж только усиливает ощущение одиночества вокруг нее.

А вот как решен спектакль «Чайка» у молодого художника Артиса Буте, поставленный в Драматическом театре города Лиепая режиссером О. Кродерсом в 1986 году. Четкие плоскости полукружий, похожих на алье паруса, то парят над сценой, то опускаются вниз, превращаясь в кулисы домашнего декадентского театра XIX века, где Треплев произносит свои «космические» монологи. Фигура Треплева, стоящего около сбитых кулис, кажется фигурой Икара, и кулисы превращаются в два огромных крыла. А вдали — «алье паруса» — словно еще неведомые, не понятые людьми посланники далекой, прекрасной жизни. И тут же грубые садовые скамейки, мостки, уводящие в перспективу, снова полукружья, теперь символизирующие забор. — эти нехитрые детали декорации рас-

Фрагмент зеркального театра

положены на маленьких островках земли, вокруг которых то ли необозримое море, то ли необъятное космическое пространство. Весь пейзаж напоминает «островки» фильма «Солярис», одновременно и реальные, и вымышленные, вечные и проходящие, как и сами проблемы, поставленные Чеховым сто лет назад, но волнующие нас сегодня.

Работам молодых свойственны острота решения темы, гротесковость, гиперболизм, юмор. Это и эскизы фантастических кукол М. Рыбасовой к пьесе Гофмана «Щелкунчик», и нехитрые, веселый, как детская картинка, эскиз занавеса к пьесе Ибсена «Женщина с моря» И. Гансовской, и яркие эскизы к мультфильму «Джордано Бруно» Н. Гузь, и строгие макеты И. Шумилова.

Все они, такие разные, объединены одним — любовью к созданию театра, созданию чуда. «Чудный театр» — название стихотворения Беллы Ахмадулиной, которое заканчивается так:

Конечно! Лампы огней не таят.
Вольно! Прощаюсь с божественным игам.
Вкратце — всей жизнью и смертью —
разыгран стихотворения чудный театр.